

О. Д. МЕШКОВ

**СЛОВОСЛОЖЕНИЕ
В СОВРЕМЕННОМ
АНГЛИЙСКОМ
ЯЗЫКЕ**

О. Д. МЕШКОВ

СЛОВОСЛОЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Допущено Министерством
высшего и среднего специального образования СССР
в качестве учебного пособия
для студентов институтов и факультетов
иностранных языков

МОСКВА «ВЫСШАЯ ШКОЛА» 1985

ББК 81.2 Англ-9
М 55

Рецензенты:

кафедра лексики и фонетики английского языка Московского
государственного педагогического института
имени В. И. Ленина (зав. кафедрой канд. филол. наук,
проф. В. Д. Аракин);
д-р филол. наук, проф. В. А. Звегинцев
(МГУ им. М. В. Ломоносова)

Мешков О. Д.

М 55 Словосложение в современном английском языке:
Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. —
М.: Высш. шк., 1985. — 187 с. (Б-ка филолога).
35 к.

В книге рассматриваются основные теоретические проблемы словосложения современного английского языка, при этом наибольшее внимание уделяется семантике сложного слова. Теоретические положения подкрепляются обширным иллюстративным материалом.

М $\frac{4602010000-476}{001(01)-85}$ 186—85

ББК 81.2 Англ-9
4И (Англ)

ПРЕДИСЛОВИЕ

1 Описание той или иной проблемы, темы и т. д., предпринимаемое одним автором на страницах одной книги, очевидно, не может не определяться авторским видением предмета и подходом к нему, большим или меньшим вниманием к тому или иному разделу. Трудности такого описания могут объясняться и объективными причинами: разной степенью изученности излагаемых в книге вопросов и различием в самой природе разных частей описываемого материала, что ведет к преимущественно нормативному представлению одних разделов и к преимущественно проблемно-исследовательской и авторской трактовке других.

2. Положение, создавшееся в лингвистике в середине XX века и удерживающееся в наши дни, обязывает лингвиста уяснить для себя и объяснить своему читателю те общелингвистические, а подчас и общенаучные позиции, с которых он предпринимает свое описание конкретных языковых проблем и материала. Это обстоятельство определило композицию книги «Словосложение в современном английском языке»: введение, представляющее собой краткий обзор роли и места словообразования, и особенно словосложения, в науке о языке на нынешнем этапе; часть I, в которой автор разъясняет свою позицию по отношению к гипертрофированному использованию системно-структурного метода в лингвистике и на этом фоне дает краткий критический обзор такого анализа словосложения, который предпринимается целиком или преимущественно с синтаксических позиций; часть II, посвященная основным проблемам словосложения современного английского языка.

Книга «Словосложение в современном английском языке» является итогом многолетних лингвистических наблюдений и исследований автора, а также его длительной работы в области преподавания и перевода.

Автор

«Каждое слово — особый микромир, изучить тайны которого не только необходимо и поучительно, но и увлекательно».

Ф. П. Филин. *Очерки по теории языкознания*

ВВЕДЕНИЕ

Пожалуй мы не ошибемся, если скажем, что на протяжении жизни одного (теперешнего) поколения лингвистов произошло становление словообразования в самостоятельный раздел науки о языке, в результате чего оно заняло, если не равновеликое, то, по крайней мере, равноправное место наряду с грамматикой и лексикологией. «...Есть все основания говорить, что словообразование не входит в лексику или морфологию, оно стоит рядом с ними. Лексика, морфология и словообразование — три аспекта структуры языка и три автономных его механизма, возникающие на основе трех типов отношений между словами. Поэтому словообразование должно признаваться равноправным с лексикой и морфологией предметом лингвистического изучения»¹. Становление словообразования в самостоятельный аспект науки о языке проходило активно и сравнительно быстро. Так, еще в 1965 г. Е. С. Кубрякова писала: «В целом можно утверждать, что и сейчас место словообразования в кругу других лингвистических дисциплин, а также некоторые особенности словообразовательного анализа продолжают оставаться не вполне ясными»². Однако уже в 1972 г. этот же автор писал о том, что словообразование превратилось в систематическую дисциплину³. Сейчас можно с уверенностью сказать, что к концу 70-х годов XX века словообразование вполне сложилось в самостоятельный аспект лингвистической науки. Развитие словообразования выражалось в появлении многочисленных работ, как общих, имеющих принципиальное значение и, по существу, знаменующих собой выход словообразования на самостоятельную арену, так и частных, описывающих конкретные проблемы словообразования в том или ином языке. Становление словообразования в нашей стране знаменовалось работами таких ученых, как М. Д. Степанова, Е. С. Кубрякова, Н. М. Шанский, Н. Д. Арутюнова, С. С. Хидекель, Е. А. Земская, И. С. Улуханов, Е. Л. Гинзбург, П. А. Соболева. В трудах этих ученых были разработаны принципы словообразовательного (в отличие от морфологического) анализа; понятие, природа и

сущность словообразовательного значения; связь словообразования с синтаксисом и многие другие вопросы. В зарубежном языкознании словообразование разрабатывается в трудах Г. Марчанда, Г. Беркле, Д. Кастовского и ряда других ученых; во многих работах словообразование в значительной степени, а иногда целиком, до сих пор связывается с анализом в рамках трансформационно-генеративной грамматики, что, как стало ясно в последнее время, не всегда плодотворно, особенно при обращении к семантическим аспектам производных слов.

Очевидно, первой работой, специально посвященной английскому словообразованию и охватывающей в одной книге все его основные способы и средства, является работа Г. Коциола „Handbuch der englischen Wortbildungslehre“ (Heidelberg, 1937). Эта работа носила описательный характер. В 1972 г. было опубликовано второе издание этой книги.

Приблизительно через четверть века после первого издания книги Г. Коциола появилась работа, получившая принципиальное значение для развития как общего, так и английского словообразования: в 1960 г. вышла в свет книга Г. Марчанда „The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation“ (Wiesbaden), а в 1969 г. вышло второе ее издание (München), при этом весьма примечательно то, что некоторые теоретические положения, в частности по словосложению, принципиально отличаются, а подчас и прямо противоречат положениям автора книги 1960 г. издания, что хорошо подмечено в рецензии на эту книгу английским лингвистом В. Адамс, которая пишет: „The greatest innovations are in the sections on nominal compounds. In the first edition Marchand wrote: ‘Whether a nightshirt is a “shirt for the night” or a “shirt worn at night” is quite unimportant. In forming compounds we are not guided by logic but by associations. We see or want to establish a connection between two ideas, choosing the shortest possible way ... Since that time Marchand’s views on the analysis of compounds have undergone radical change — much of his more recent work has been on the syntax of compounds...’“⁴. Таким образом, если говорить о теоретических положениях Г. Марчанда, то мы имеем дело с двумя различными книгами, а не с двумя изданиями одной и той же книги, при этом изменение взглядов автора шло в сторону поисков синтаксических свойств сложного слова и, в конечном итоге, к трансформационалистическим тенденциям.

Первой книгой по английскому словообразованию, вы-

шедшей на родине английского языка, явилась книга В. Адамс "An Introduction to Modern English Word-Formation" (London, 1973), в предисловии к которой английский лингвист Р. Кверк писал: "But changes in vocabulary by the process of word-formation have, in addition to their cultural and historical interest, a purely linguistic interest"⁵. Книга В. Адамс отличается от других работ по словообразованию тем, что в ней основное место уделено словосложению. Примечательно и то, что, ссылаясь на другого лингвиста (Э. Пеннанена), В. Адамс отметила, что одна из трудностей, связанных с развитием учения о словообразовании, состоит в неустановившемся статусе этого аспекта лингвистического учения: "The study of word-formation offers a great many puzzles to the present-day student of language, as Ekko Pennanen observes in a discussion of some of the difficulties, not the least of these is its status as a branch of linguistic study"⁶.

В нашей стране в 1976 г. вышла в свет книга О. Д. Мешкова «Словообразование современного английского языка», а в 1977 г. — книга В. М. Каращука «Словообразование английского языка», в которой, однако, отсутствует описание словосложения.

Неустановившийся, промежуточный между грамматикой и лексикологией, статус словообразования долгое время мешал разработке собственно словообразовательных проблем. Не выигрывало учение о словообразовании и при отнесении его либо к грамматике, либо к лексикологии. Это прекрасно сформулировано Е. С. Кубряковой: «При изучении словообразования в кругу грамматики (или еще уже — в пределах морфологии) основной акцент делается на характеристике формальных средств словопроизводства и словосложения, и от внимания исследователя нередко ускользает содержательная сторона этих процессов, а также и функциональные аспекты использования производных и сложных слов. Это в значительной мере может быть объяснено тем, что при грамматическом подходе к словообразованию исследователя интересует прежде всего вопрос о формировании определенных частей речи, а при морфологическом подходе — вопрос о строении слова и его составе.

При рассмотрении словообразования в разделе лексикологии, напротив, эти вопросы не получают должного освещения, поскольку главный упор делается на выделении и описании лексико-семантических группировок производных, а также на некоторых вопросах создания новых словарных единиц неграмматическими способами ...»⁷.

Эта ущербность в изучении словообразования преодолевается его развитием в самостоятельный аспект науки о языке. Небезынтересно, однако, то, что этот процесс стимулируется не только внутренними нуждами словообразования, но и некоторыми внешними факторами. Будучи внешними по отношению к словообразованию, эти факторы отнюдь не являются случайными, а, наоборот, весьма закономерны для развития лингвистики приблизительно в 60-е — 70-е годы нашего века. Интенсивное развитие словообразования на этом этапе, очевидно, стимулировалось тем положением в лингвистике, при котором, наряду с продолжающимся интересом к структурным факторам языка, вновь пробудился интерес к его субстанциональным факторам, в первую очередь, к семантике. Словообразование дает возможность заниматься, с одной стороны, такими категориями, как «регулярность», «закономерность», «правила образования», а с другой — семантическим значением как основ, так и производных. Исследователи словообразования имеют возможность обнаруживать системные признаки, прослеживая большие ряды одноклассных производных, образование которых оказывается как бы во власти «строгих», «непротиворечивых» правил. Однако, обращаясь к лексическим значениям производных, те же исследователи могут обнаружить асистемность, индивидуальность, неповторимость значения производных и сложных слов. Не случайно, что именно специалисту по словообразованию принадлежат следующие примечательные для нашего времени слова: «Автор не исходит из того предположения, что язык во всех своих участках непременно системен. Напротив, он полагает, что задача исследователя состоит именно в том, чтобы объективно исследовать язык, принципиально допуская возможность существования различно организованных участков» (выделено мной — О. М.)⁸.

На перекрестке этих лингвистических направлений и оказались интересы современного словообразования. На этом же перекрестке и следует искать объяснение тому факту, что развитие словообразования проходило и проходит неравномерно. Внутри интенсивно развивающегося словообразования разработка проблем словосложения характеризуется относительным отставанием. Причина этого кроется в значительной степени в том, что по сравнению с аффиксальным словопроизводством в словосложении все выглядит гораздо менее стройно, менее регулярно; словосложение менее подвластно дедуктивно выводимым правилам. Если в аффиксальном словопроизводстве один из элементов деривацион-

ного акта принадлежит закрытому ряду (суффиксы, префиксы), то в словосложении оба компонента, участвующие в композитном акте, принадлежат открытой системе. Если в аффиксальном словопроизводстве просматривается определенная закрепляемость аффиксов за некоторыми типами основ, то в словосложении сочетаемость основ предопределяется преимущественно логико-смысловыми связями между понятиями, передаваемыми компонентами сложного слова. Отсюда и такие важные явления, как менее регулярная лексическая наполняемость композитной модели по сравнению с аффиксальной и значительно меньшая предсказуемость значения сложного слова. «...теория словопроизводства значительно опередила в своем развитии теорию словосложения. И это не случайно, поскольку закономерности словопроизводства носят более системный характер по сравнению с закономерностями словосложения. Образование новых лексических единиц осуществляется здесь посредством способов, являющихся в известной мере свободными от конкретных лексических значений слов. Возможность образовывать большие группы структурно аналогичных единиц независимо от семантики производящей основы послужила предпосылкой создания относительно стройной теории словопроизводства. Что касается закономерностей словосложения, то они в большей степени связаны с лексическим значением частей сложного слова, со спецификой семантических отношений между его компонентами с одной стороны и всем словом и называемым им предметом с другой стороны⁹. Все это затрудняет анализ словосложения формализованными методами с максимальным отвлечением от лексического значения как композиты в целом, так и от значения ее компонентов и смысловой связи между ними.

Вместе с тем, нельзя сказать, что словосложению уделялось и уделяется мало внимания. Оно тоже получило определенное развитие, при этом и внутри словосложения интенсивность его изучения оказалась неравномерной. Наибольшее внимание получили те свойства, которые оказались «удобными» для изучения формализованными методами; основное внимание было направлено на выявление общности сложного слова и словосочетания, на синтаксическую интерпретацию сложных слов, а сами сложные слова стали неизменным объектом трансформаций, номинализаций и других структуральных преобразований, объектом поисков преимущественно структурного (не семантического) соответствия сложного слова словосочетанию; особенно большое внимание было уделено вопросам внутреннего синтаксиса, вы-

водимости значения сложного слова из его строения, правилам свертывания предложений в сложные слова, правилам номинации. Такую направленность в исследовании словосложения можно назвать синтактико-ориентированным исследованием. Синтактико-ориентированное словосложение принесло значительные результаты, так как позволило выйти за морфологические рамки анализа словосложения, в которых сложное слово рассматривается как нечто самодовлеющее, как вещь в себе и для себя. В принципе можно согласиться со следующей весьма высокой оценкой синтактико-ориентированного подхода к словосложению: «...данный подход, открывая перед словосложением новые возможности проникновения в сущность анализируемых явлений и вооружая его более мощным аппаратом исследования по сравнению со всеми существующими, позволяет по-новому подойти к решению прежних проблем (таких как проблема классификации сложных имен, проблема интерпретации их значения, постижения природы их мотивации и др.) и предложить более строгие методы их изучения»¹⁰.

Однако многие аспекты словосложения, в первую очередь семантика сложного слова, менее всего подвластны синтактико-ориентированному подходу. Вскрытие и описание смысловой структуры сложного слова требует специального анализа. С этой точки зрения синтактико-ориентированный подход оказывается односторонним, особенно в тех случаях, когда синтаксису отдается безусловное предпочтение и когда сложное слово рассматривается преимущественно как единица синтаксиса, а не как единица словообразования. Ср. по этому поводу следующее замечание М. Д. Степановой: «...следует оговорить, что чрезмерное увлечение «синтаксичностью» словосложения, наблюдаемое в последние годы, особенно в работах западногерманских ученых и находящее выражение в не всегда точных трансформациях, не представляется оправданным»¹¹. Как правильно отмечает Е. С. Кубрякова, «подход от синтаксиса не может объяснить всего многообразия словообразования»¹².

Аналогично понятию «словообразование» понятие «словосложение» может иметь два значения. С одной стороны, под словосложением можно понимать процесс и правила образования слов путем словосложения двух или более основ (или слов), с другой стороны, под этим термином можно понимать тот аспект словообразования — определенного аспекта лингвистической науки, — который изучает закономерности образования сложных слов и всего того, что может оказаться связанным с этим изучением. В этом втором смысле

словосложение представляет собой важнейшую и увлекательнейшую область лингвистики. Проблема номинации и пополнения словарного состава языка, проблема границ применения трансформационного анализа и вопрос о состоятельности трансформационно-генеративной грамматики вообще, проблема «духа» языка — таковы несколько выбранных почти наугад узловых вопросов из весьма разных областей языкознания, в которых словосложение проявляет себя как важнейшая область исследования.

В самом деле, при изучении способов номинации мы обнаруживаем, что сложные слова являются важнейшим средством номинации в ряде языков, и пополнение словарного состава в этих языках происходит в настоящее время преимущественно путем словосложения. Вторым из вышеприведенных примеров, иллюстрирующих важность словосложения, было упоминание связи словосложения с таким популярнейшим методом лингвистического анализа, каким в последние десятилетия являлся трансформационный анализ. В этой связи можно утверждать, что именно сложные слова английского языка явились первым объектом, к которому был применен метод трансформационного анализа¹³.

Что касается вовлеченности словосложения в такую проблему, как «дух» языка, то достаточно упомянуть о рассуждениях Лео Вейсгербера относительно роли сложных слов в немецком языке. Опираясь на тот факт, что словосложение служит целям номинации, этот лингвист высказывает суждение «о более высоком уровне миропонимания немца по сравнению с народами, в языках которых словосложение не получает такого развития, как в немецком языке»¹⁴. Полностью отмежевываясь от таких суждений, следует одновременно подчеркнуть, что словосложение безусловно отражает национальную специфику языка, ибо наряду с некоторыми общими для многих языков чертами, оно может обладать особенностями, характерными для того или иного языка, и составлять одно из отличий одного языка от другого. В этой связи уместно привести слова И. И. Срезневского о том, что «в сложении слов и в образовании выражений всего более, всего разнообразнее высказывается зиждательная сила каждого языка»¹⁵. Следовательно, словосложение, будучи неразрывно и органически связанным как со структурно-семантическими аспектами языка, так и с его социальными аспектами, совершенно неизбежно попадает в фокус тех лучей, которые исходят из самых различных точек лингвистики и даже ее философских основ.

Образование слов способом словосложения стоит в из-

вестной степени особняком от других способов словообразования — аффиксации, конверсии и др., и само включение словосложения в словообразование можно считать весьма условным, так как единственным основанием для такого включения является то, что в результате акта словосложения образуется новое слово. Что же касается закономерностей, проявляющихся при образовании сложных слов, то они не имеют ничего общего с таковыми, действующими в области одноосновного словообразования. Об этом писал еще В. В. Виноградов: «... словосложение является своеобразным комбинированным типом словообразования», а также: «к области синтактико-морфологического словообразования примыкает словосложение»¹⁶. Уже из этих замечаний можно предположить автономность, обособленность словосложения даже внутри словообразования. Весьма примечательно то, что обособленность словосложения нашла свое недвусмысленное выражение в виде его «отлучения от словообразования» в ряде работ разных авторов, рассматривающих проблемы словообразования. В последнее время получил широкое распространение такой подход, когда авторы работ, в названии которых стоит слово «словообразование», не включают в эти работы раздела о словосложении, вовсе не оговаривая этого факта и, видимо, исходя из того, что включение словосложения в словообразование вовсе не обязательно, что словосложение находится где-то за рамками словообразования. В результате этого любопытного обстоятельства читатели, интересующиеся проблемами словосложения, раскрывая книги по словообразованию или обращаясь к разделам, посвященным словообразованию в общих работах во многих из них не находят описания словосложения.

Сказанное объясняет целесообразность описания в одной книге по возможности всех основных проблем словосложения, чему и посвящается настоящая книга.

Часть I

«Те, кто хочет завладеть умами людей, строят ловушки игрой цифр, знаков и формул, придавая им подобие ключей знания».

А. И. Ефремов. *Таис Афинская*

I. О НЕКОТОРЫХ ЧЕРТАХ СИСТЕМНО-СТРУКТУРНОГО ПОДХОДА В ПОЗНАНИИ И ИХ ПРОЯВЛЕНИИ В ЛИНГВИСТИКЕ

Высказывая свои соображения о системно-структурных тенденциях в способах получения и описания знаний об окружающем мире и их влиянии на лингвистические исследования, я настоятельно подчеркиваю следующее: а) я отнюдь не претендую на сколько-нибудь обстоятельное описание этой сложной проблемы или, тем более, на то, чтобы внести в нее что-либо новое. Моя задача гораздо скромнее — показать свое видение этой проблемы и объяснить принятый мною подход к материалу, которому посвящена эта книга; б) критическую направленность этого раздела следует понимать только в том смысле, что критика направлена не на критикуемые тенденции как таковые, а на их гипертрофированное использование; в) произвольность выбора сторон описываемой проблемы неизбежно связана с избирательностью, определяемой наиболее явными и прямыми связями с темой книги; г) «повышенная цитируемость» объясняется тем, что в данном разделе не выдвигается каких-либо новых положений, а лишь показывается, чего придерживается автор и что он отвергает.

Таким образом, хотя на последующих страницах этого раздела читатель не найдет сколько-нибудь новых или оригинальных соображений, предлагаемый ему материал вряд ли можно считать неуместным или простым повторением того, что уже было сказано (к тому же более весомо) другими авторами. Представляется, что сама группировка даже известных положений, сопровождаемая тем или иным «столкновением» суждений, расстановка акцентов, а также подбор примеров могут сыграть свою роль.

Вторая половина XX века принесла с собой и продолжает приносить многочисленные изменения во все сферы нашей жизни. В области развития способа познания объективной действительности особую важность приобретает тот

факт, что на смену механицизму, господствовавшему в XVII—XIX в. в., пришел, развился и получил всемерное распространение системно-структурный подход. Этот подход принес большую пользу в деле изучения объективной действительности. Совершенно естественно, что системно-структурный подход не мог не затронуть, а, точнее, не вторгнуться в лингвистику, где, как и в других областях знания, он способствовал получению более полных и глубоких знаний изучаемого объекта — человеческого языка. Принеся пользу, системно-структурный подход в то же время нанес и определенный вред, что объясняется рядом конкретных обстоятельств, которые сопутствовали его вторжению в лингвистику. В общем виде эти обстоятельства сводятся, пожалуй, к двум моментам: 1) механическое перенесение положений, применяемых в других сферах — например, при изучении объектов неживой природы, — на изучение человеческого языка, феномена исключительного, хотя бы уже потому, что он есть, с одной стороны, само условие существования человека, а с другой — инструмент познания всего того, что окружает человека, и в этом смысле не имеет себе равных среди всех остальных предметов, которые могут представлять собой объект познавательной деятельности; 2) гипертрофированное применение самого подхода, абсолютизация ряда его положений при изучении человеческого языка.

Один из ярких примеров, характеризующий устремления в этом направлении, представлен следующим высказыванием: «Если уж наука о языке должна выбирать себе образец для подражания, то им будут науки математические или дедуктивные, которые представляют собой объект в полностью рациональной форме, сводя его к совокупности объективных свойств, получающих постоянные определения. Из этого следует, что лингвистика будет становиться все более и более «формальной», по крайней мере в том смысле, что язык предстанет как некоторая совокупность всех своих наблюдаемых «форм». Беря за отправную точку естественное языковое выражение, лингвисты путем анализа производят точные расчленения каждого высказывания на составляющие его элементы, затем с помощью дальнейших последовательных операций членение каждого элемента на все более простые единицы»¹. Однако при обращении к естественным языкам столь соблазнительные и далеко идущие препелания наталкиваются, как известно, на непреодолимые препятствия.

О пользе системно-структурного подхода в лингвистике сказано и написано много, а о его теневых сторонах зна-

чительно меньше и преимущественно лишь в последнее время, хотя отдельные критические соображения высказывались и в пору становления этого подхода и на всем протяжении его действия. Поэтому целесообразно остановиться на некоторых сторонах системно-структурного подхода, с тем чтобы рассмотреть, каким образом неумеренное использование его в лингвистике могло сказаться на изучении человеческого языка. Основные характеристики системно-структурного подхода, пожалуй, таковы: рассмотрение изучаемого объекта как системы; структурное описание свойств объекта; формализация различных свойств и сторон изучаемого объекта; преимущественно дедуктивный и априористический метод; абстрагирование от «несущественных» свойств; построение обобщенных моделей; элементы редукционизма; элементы релятивистского подхода; тенденция к максимально возможной математизации и использованию формальной логики, применение кибернетических методов.

Ясно, однако, что плодотворность использования этих принципов зависит от самого изучаемого объекта. Ясно также, что именно эти и некоторые другие «препараты», применяемые в больших дозах, к тому же без корректирующих добавок, оказались явно противопоказанными такому сложнейшему процессу, как изучение естественного человеческого языка. Отсюда объективно возникающая задача — сбалансировать применение всей совокупности вышеупомянутых тенденций с «традиционными» методами, в частности, с субстанциональным анализом языковых категорий, в первую очередь лексического значения. И хотя способ научного познания, равно как и способ производства на каждом историческом этапе, не определяется выбором людей, живущих в этот период, а складывается объективно, независимо от них, все же могут оказаться небесполезными и отдельные призывы к тому, что именно на данном этапе может явиться наиболее целесообразным в познании в той или иной науке. Думается, что теперешний период развития языкознания требует некоторого возврата к тому, что весьма условно и глобально принято называть «традиционным языкознанием». «Пора, наконец, прекратить «порождать» «всеобщие», «всеохватывающие», «универсальные», «единственно верные» и прочие лингвистические теории и вернуться к тщательному изучению особенностей конкретных языков»².

Положение в современном языкознании осложнилось еще и таким явлением, как интеграция наук, когда языкознание широко распахнуло двери всем желающим, среди кото-

рых оказались не только полезные гости, особенно если учесть их многочисленность и нередко нескромное поведение; сыграли свою роль и большая дань не всегда оправданной, а подчас просто ненужной теоретизации, а также игра в новую терминологию и т. п. Не могу в этой связи не выразить полного согласия со следующим мнением О. С. Ахмановой: «Неразличение языкознания, философии и логики приносит огромный вред, особенно потому, что перевод языковедческого исследования на формализованный «язык» теоретической логики создает ложное впечатление простоты, единообразия и точности ...»³.

Разумеется, языкознание не явилось в этом смысле уникальной областью знания. Скорее, наоборот, оно шло в том русле, в котором нередко складывалось положение, хорошо описанное на страницах журнала «Коммунист»: «Несуразные «переводы» диалектико-материалистических положений на якобы более понятный естествоиспытателю логико-математический или кибернетический язык, рекламируемые порою как «эффективизация» материалистической диалектики, дискредитируют философию и дезориентируют естествознание. Они загоняют ученого в клетку искусственных знаковых систем, не позволяя ему дотянуться до живого, реального материала действительности»⁴. Гипертрофированное применение системно-структурного подхода связано как с общими для современной науки тенденциями, так и с конкретной, характерной именно для языкознания, причиной. Эта причина состоит в неадекватности описания изучаемого объекта «старыми», «традиционными» методами, в рамках которых постоянно имели место «относительно безуспешные попытки лингвистов в экспликативной форме и достаточно корректно представить содержательную сторону языка, ее роль и место в языковых структурах...»⁵.

Первый и наиболее всеобъемлющий принцип системно-структурного подхода состоит в признании изучаемого объекта системой. Пропагандируя, и не без оснований, хотя иногда излишне широко, системно-структурный подход в лингвистике и отстаивая концепцию системности языка, многие авторы проходят мимо возражений, высказываемых против безоговорочного понимания языка как системы. Забывается, например, следующее высказывание Ш. Балли: «В системе все взаимосвязано; в отношении языковой системы это правильно в такой же мере, как и в отношении всех других систем. Принцип этот, провозглашенный Ф. Соссюром, сохраняет для нас все свое значение ... Однако было бы грубой ошибкой, если бы этот общий

взгляд привел к представлению о языке как о симметричной и гармоничной конструкции. Стоит начать разбирать механизм, как тебя охватывает страх перед царящим в нем беспорядком, и ты спрашиваешь себя, каким образом могут столь перепутанные между собой системы колес производить согласованные движения.

...Совершенно несовместимым с идеей связанной системы является и постоянное разногласие между формой знака и его значением, между означающими и означаемыми⁷. Наконец можно привести еще один пример критического отношения к пониманию языка как системы: «Я думаю теперь, что всякое приближение, которое мы можем достигнуть, предположив, что язык — это строго определенная система, оставляет в стороне как раз те свойства реальных языков, которые наиболее важны»⁸. Несмотря на это, однако, существует очень сильная тенденция в различных направлениях языкознания к «возведению языка как системы знаков в абсолют, своеобразная магия языка»⁹.

Одно из определений системы состоит в следующем: «совокупность элементов, организованных связями и отношениями в единое целое»¹⁰. В качестве понятий, сопутствующих понятию «система», обычно выступают такие, как «порядок», «упорядоченность», «организованность». Однако, что значит «порядок» в языке? Ответить на это затруднительно. Напротив, в языке везде и всюду мы находим «непорядок». Особенно поражает несоответствие между смысловым заданием (выражение означаемого) и средством представления этого задания. Повсюду мы сталкиваемся с тем, что для разных смысловых заданий существует один способ их представления и, наоборот, для одного смыслового задания несколько означающих. Так, русский родительный падеж передает приблизительно 20 разных смысловых отношений одной грамматической (морфологической) формой. Атрибутивная связь в разных языках никаким образом не различает смысловую сторону этой связи, например: *his hand* (B is part of A), *his car* (A owns B), *his mistake* (A does B), *his arrest* (A is the goal of B), *his goodness* (B qualifies A), *his father* (A and B are related in a kinship system)¹¹.

Однако несоответствие между означаемым и означающим вовсе не следует ставить языку в упрек. Скорее это его заслуга: «Отсутствие необходимой обусловленности означающего означаемым есть важнейшая черта языка, которая позволяет ему выполнить свою гносеологическую функцию и преодолеть ограниченность знаковой системы чувственного познания»¹². Мы не знаем, что представлял бы собой

человеческий язык, если бы в нем был «полный порядок», при котором не было бы расхождения между упорядоченной системой взаимоотношений означающих и означаемых, но ясно, что такой язык был бы совершенно другим феноменом.

Естественно, что наибольшая неупорядоченность наблюдается в лексике, где мы то и дело сталкиваемся с явными асистемными чертами. Для одного предмета существует одно название, а для другого — более одного или даже много. Одни слова не имеют синонимов, другие имеют. То же относится и к антонимам, паронимам, омонимам. Иначе и не может быть. Ведь лексический состав отражает вещественную картину мира, сложную саму по себе, осложненную еще больше весьма непростым способом ее опосредования в нашем сознании и сложнейшим способом языкового выражения: «...лексическое значение не образует регулярных рядов, наличие тех или иных членов лексико-семантической парадигмы, как правило, не дает оснований предположить о существовании каких-либо других членов»¹³.

Ср. также высказывание Ст. Ульмана: «Фонетические и грамматические средства языка ограничены в количественном отношении и строго систематизированы... Словарь же представляет собой расплывчатую массу бесконечно большого числа элементов; границы его зыбки и трудно определяемы...»¹⁴.

Язык так или иначе признавался системой задолго до завоевания системно-структурным подходом своих нынешних позиций. Не вызывает возражения рассмотрение языка как системы и теперь. Возражение вызывает то, что осталось вольно или невольно не отмеченным. Как известно, системы бывают детерминированные и недетерминированные. «Детерминированной считается система, в которой составные части взаимодействуют точно предвиденным образом. При исследовании детерминированной системы никогда не возникает никакой неопределенности. Если задано предыдущее состояние системы и известна программа переработки информации, то, определив динамичную структуру системы, всегда можно безошибочно предсказать ее последующие состояния»¹⁵.

Совершенно очевидно, что если и признать язык системой, то он является недетерминированной системой, а это должно в корне менять подход к нему как к системе вообще. Это значит, что мы не можем предсказать полностью или в сколько-нибудь значительной степени поведение час-

тей этой системы, мы не можем ожидать от нее «стройности», «симметричности» и прочих свойств системной организации. Недетерминированность, нестрогость системы ведет к непредсказуемости ее поведения. Разве возможно, например, предсказать, какой способ наименования нового предмета действительности будет избран в каждом данном случае — суффиксальное или сложное слово, лексико-семантическое словопроизводство или, наконец, заимствование. Как правило, мы это описываем постфактум, наблюдая и констатируя тенденции, существующие в том или ином языке, в тот или иной период, но такое описание в принципе не имеет отношения к предсказуемости.

Другая отрицательная черта гипертрофированно-системного подхода к языку состоит в отказе от рассмотрения отдельно взятых элементов, в непризнании за ними самостоятельной значимости, что находит свое выражение в релятивизме, когда значение того или иного элемента мыслится лишь как отражение его связей с другими элементами. Это особенно неблагоприятно сказывается на изучении значения слова, ибо последнее лишается своей субстанциональной самостоятельности, в то время как значение слова вовсе не результат взаимодействия слова с другими словами, а название предмета действительности.

Вообще в рамках системно-структурного подхода особенно сильно пострадало учение о слове. Это и неудивительно — будучи основной единицей языка, оно и должно было принять на себя основной удар. Слово оказалось под огнем и слева и справа. С одной стороны, ему было отказано в самостоятельности значения, так как значение слова может якобы проявляться только в контексте. С другой стороны, его значение стали расщеплять на составляющие части путем компонентного и семного анализа. В результате слово как таковое вроде должно было бы исчезнуть из поля зрения лингвиста, даже лексиколога. Создалось такое положение, которое можно сравнить с тем положением, когда строитель перестал бы интересоваться строительным материалом — кирпичами, блоками и т. д., переключив свое внимание на вопросы архитектуры под тем предлогом, что строительный материал служит для возведения здания и только в нем и проявляется назначение строительного материала. Не менее странным было бы, если бы строитель пристально занялся вопросом химического состава кирпичей, блоков и т. д. Ясно, что и здания и химический состав материала могут интересовать строителя, но его основное внимание должен занимать строительный материал как та-

ковой — его параметры, физические данные, словом, все то, что дает возможность строителю делать свое непосредственное дело — строить.

При гипертрофированном использовании системно-структурного подхода в семантике слово перестает пониматься как средство номинации, как способ обозначения предмета реальной действительности. В релятивистском плане значение слова — это способность слова выступать в том или ином окружении других языковых единиц и, в конечном итоге, его сочетаемость. При таком подходе слово *паровоз*, например, не мыслится как наименование определенного предмета, а является существительным, которое способно вступать в сочетание с определенным набором глаголов, например, *идет, едет, пыхтит, дымит* и т. п. Разумеется, установить набор определенных единиц сочетаемости для интересующего нас слова возможно и может оказаться полезным, но не следует забывать, что сам этот набор определяется предметным значением анализируемой языковой единицы, которая есть не что иное, как обозначение того или иного предмета, а вовсе не наоборот, т. е. набор единиц сочетания является фактором вторичным, а отнюдь не первичным. Вопреки этому казалось бы весьма простому положению приходится встречаться с диаметрально обратными суждениями. Ср., например: «Лексические факторы допускают такие сочетания, как «веселый человек», «веселая девушка», но не допускают таких, как «веселый камень», «веселое дерево», «храбрый дом»¹⁶. Но ведь «лексические факторы» не что иное, как отражение предметно-логических факторов: мы не говорим «веселый камень» не потому, что этого «не допускают лексические факторы», а потому, что веселых камней нет в природе. Случись такое — и лексические факторы «сняли бы свой запрет».

Это различие в понимании значения слова существовало и до распространения системно-структурного подхода в лингвистике и находило свое выражение, в частности, в вопросе: значение слова определяет его употребление или, наоборот, само значение есть нечто производное от употребления. Хороший пример на эту тему был предложен Н. Ю. Шведовой на Всесоюзной конференции по языкознанию в Звенигороде в 1981 г. Приводя употребление слова *огонек* в таком значении, как *веселый огонек, заходи на огонек* и т. п., докладчик говорил, что в этом случае новое значение слова *огонек* как бы зависит от самого его употребления, от определенной сочетаемости. Однако сама эта сочетаемость обуславливается определенными сущностными

свойствами слова *огонёк*, так как оно обозначает такой предмет, который мог дать возможность именно такого его употребления. Ясно, что переносное значение слова *огонек* прямо связано с его прямым значением (связь с понятиями «свет», «теплота», отсюда «удобство», «уют» и др.).

В системно-структурных исследованиях предметно-вещественное значение слова оказалось весьма неудобной категорией. «Значение — это сущее бедствие структурной лингвистики и кибернетики, не говоря уже о философиях, которые хотя и претерпели от него множество страданий, но уже ухитрились кое-как к нему привыкнуть. Над каждым, кто занимается языком в качестве специалиста, висит, как дамоклов меч, проблематика, относящаяся к значению. Где бы ни появилось значение, точная и строгая работа становится невозможной...»¹⁷. В этом шутовском, но вовсе не шуточном высказывании сказано очень много: оно «объясняет», почему ради «точной и строгой работы» нужно отказаться от семантики. А вот уже совсем серьезное высказывание, удивительно совпадающее с вышеприведенным, хотя и сделанное совсем в другом жанре: «Для лексики единственная возможность понять и построить систему заключается в отказе от термина и понятия «значение»... лексику как систему образуют те связи и отношения, которые составляют «сетку значимостей»¹⁸.

Когда стало ясно, что без лексического значения обойтись нельзя, возникли попытки вернуть значение в обиход формализованного подхода к языку, но только так, чтобы значение «вело себя подобающим образом», т. е. укладывалось в уготовленное ему системно-структурное ложе. Отсюда появление структурной семантики, логической семантики, введение семантического элемента в трансформационно-генеративную грамматику. Само же значение стало пониматься не как то или иное отражение обозначаемого предмета, а как определенный элемент в том или ином окружении. «Содержательная область языка, или семантика стала рассматриваться лишь как один из признаков формальной системы языка, реализуемой в том или ином расположении языковых единиц»¹⁹.

Параллельно с преувеличенным пониманием языка как системы широкое распространение получило понятие знаковости языка. Это объясняется тем, что само оперирование с языком в целом и с его отдельными единицами как с системой гораздо удобнее, если система будет однородной, жесткой, в конечном итоге будет обладать как можно большим числом признаков детерминированной системы, а

это достижимо, в частности, при распространении на язык и его единицы свойств знаковой системы. При всемерном распространении системно-структурного подхода «лингвисты гораздо настойчивее и чаще подчеркивают сходство языка с другими знаковыми системами (вплоть до системы уличной сигнализации в больших городах), чем глубокое качественное отличие языка от иных «систем», внешне как будто бы и похожих на язык, по существу же, однако, имеющих лишь поверхностные точки соприкосновения с языком»²⁰. Ведь знаками, всегда равными самим себе, очень удобно оперировать. Примечательно, что косвенная поддержка знаковой концепции языка сознательно или несознательно отыскивалась путем сведения естественного человеческого языка до других неизмеримо более простых знаковых систем, а, с другой стороны, в «возведении» ограниченных средств коммуникаций, например, тех, которыми располагают животные, в роль языка. Этот двусторонний процесс — низведение человеческого языка до других знаковых систем и возведение некоторых неизмеримо более простых средств коммуникации в роль языка — способствует незаконномерно упрощенному подходу к языку. Однако никогда нельзя забывать о том, что «язык — это прежде всего практическое реальное сознание» и лишь «во вторую очередь» — знаковая система особого рода²¹. «Представление о языке как о семантической системе, хотя и весьма сложной, но тем не менее системе, в которой элементарные знаки функционируют по определенным правилам, оказалось настолько односторонним, что даже весьма тонкая формальная, логическая и математическая ее обработка, ...не могла спасти языкознание от явного срыва ввиду опоры на концепции языка, искажающие его действительную природу»²².

Еще одна черта тенденции системно-структурного подхода состоит в требовании структурированного описания изучаемого объекта. Эта тенденция предполагает как бы разложение изучаемого или описываемого предмета, если не фактическое, то умозрительное, на его составные части. При этом понимается, что, препарировав объект определенным образом и показав в таком расчлененном и препарированном виде, мы добиваемся оптимального знания. Применение этого принципа, однако, вряд ли всегда уместно в лингвистике; более того, иногда он может оказаться бесплодным и выполненным ради соблюдения самого принципа.

Попытки формализованного структурированного описания значения лексических единиц нередко «...открывают

двери для внесения в толкование несущественной, ненужной информации, в которой тонет и в какой-то мере обесмысливается полезная и нужная информация. ¹Покажем это на примерах тех толкований, которые Ю. Д. Апресян предлагает как новый этап в развитии и познании семасиологии. Обычные краткие толкования слов *догонять*, *бить*, *идти* (см. левую сторону приводимой ниже колонки) отвергаются им, поскольку они не отвечают строгому требованию соразмерности. Вместо них он конструирует весьма подробные толкования, которые в полной мере соответствуют формальным требованиям эквивалентности.

«Идти» — двигаться, переступая ногами	А идет из Y_a в Z , А перемещается из Y_a в Z , переступая ногами и ни в какой момент не утрачивая полностью контакта с поверхностью, по которой А перемещается» ²³ .
---------------------------------------	--

Принцип структурного представления знаний весьма интересно проявился в приложении к анализу значения слова, а именно в компонентном анализе, при котором предполагается, что значение слова как бы объединяет в себе различные составные части — компоненты, а поэтому их можно и нужно выделить. Практика применения компонентного анализа очень скоро показала, что лишь небольшие специфические группы слов поддаются такому анализу. Известно, например, что наиболее успешно компонентный анализ был применен к терминам родства, которые действительно оказались очень удобными для компонентного анализа. Так, в слове *отец* можно выделить компоненты — «прямое родство», «мужчина», «старший». Однако при обращении к основной массе слов попытки расчленить их значение на компоненты оказываются совершенно бесплодными и вовсе ненужными. В самом деле, какие «компоненты» можно выделить в значениях слов *окно* или *книга* и т. п.? Попытки описать значение таких слов с опорой на компонентный анализ неизбежно сводятся к представлению значений этих слов в виде более или менее удачных дефиниций, широко известных из лексикографической практики.

В принципе это относится и к семному анализу, т. е. опять же нередко к довольно искусственному выделению значащих частей внутри целостного значения слова. Что касается производных слов, то в них иногда усматриваются еще и скрытые семы. Представляется, что при некото-

рых частных достижениях в применении к ограниченному числу слов, принцип выделения компонентов и сем в значении слов является не чем иным, как данью отыскать в значении слова элементы, недоступные прямому наблюдению и эксплицировать их, в то время, как значение слова вообще не доступно ни в целом, ни по частям прямому наблюдению, а непосредственно соотносится с обозначаемым предметом или понятием. «Поскольку значения лексических единиц всегда в той или иной степени определяются природой обозначаемых ими предметов и явлений действительности, установление каких-либо «чисто семантических» категорий в этой области вообще оказывается в известном смысле иллюзорным»²⁴. Ср. также следующее высказывание: «Критически настроенные по отношению к компонентному анализу лингвисты справедливо указывают и на произвольность, интуитивность выделения семантических маркеров, что особенно отчетливо проявляется тогда, когда анализу подвергаются макроструктуры, состоящие из групп слов... За пределами таких тематических групп компонентный анализ, в сущности, оказывается бессильным. Так, едва ли он может что-либо дать при анализе такой группы слов, как: «бытие», «утка», «бег», «колбаса», «учащение», «пример», «белизна»²⁵.

Важнейшей чертой системно-структурного подхода является также принцип формализации. Однако неумеренное использование формализации в лингвистических исследованиях ведет к существенным издержкам. Формализация выступает в таком сложном комплексе: абстракционизм — математизация — алгебраизм — логицизм — символизм. Эти черты в свою очередь влекут за собой такие явления, как редукционизм — суперсинтаксизм — тенденцию к отысканию правил по возможности везде и всюду — тенденцию к обязательной унификации и стандартизации в толковании языковых значений. Все это проявляется, очевидно, наиболее полно и показательно в так называемых трансформационных грамматиках Н. Хомского. В этих грамматиках из совокупности предложений, возможных в языке, выделяются ядерные. Они имеют наиболее простую конструкцию, остальные могут быть получены из них посредством трансформационных правил. В концепции порождающих грамматик конкретизируется положение о том, что языковые выражения мысли претерпевают значительные изменения, начиная от ее зарождения и кончая ее внешним высказыванием. Мыслительный процесс на различных этапах также использует эти многочисленные трансформы. Таким образом,

трансформационная грамматика — система правил, позволяющая из небольшого числа простейших конструкций построить с помощью фиксированной совокупности преобразований (трансформаций) все множество предложений, возможных в данном языке. Небезынтересно при этом отметить, что ни для одного языка трансформационная грамматика пока не создана.

Не ставя перед собой задачи оценивать степень соответствия построений трансформационной грамматики реальному речетворческому процессу, хотя и склоняясь чисто интуитивно к отрицанию такого соответствия, хотелось бы обратить внимание на следующие два обстоятельства: 1) операции, производимые по правилам трансформационной грамматики, выполняются обычно не на реальном, а на специально подобранном материале, что дает возможность заниматься всевозможными манипуляциями согласно «правилам»; 2) обстоятельство, которое стоит подчеркнуть особо, состоит в следующем: все операции в духе трансформаций базируются на предварительном знании существа того языкового материала, который подлежит трансформации. Поэтому, и это надо всячески подчеркивать, сами трансформации не имеют аналитической и объяснительной силы, а обладают лишь демонстрационно-репрезентативной способностью. Выражения, которые часто встречаются на страницах лингвистических работ, как, например, «трансформация показывает», «трансформация объясняет» и т. п., если только не понимать их метафорически, являются явно вводящими в заблуждение, ибо все трансформации выполняются только на основании уже имеющихся у нас знаний о языковом материале. В этом и состоит принципиальное отличие языковых трансформаций от алгебраических действий. Так, для преобразования выражения $(a + b)^2$ в другое выражение нам не нужно знать, что стоит за символами “a” и “b”. Однако для того, чтобы трансформировать (преобразовать, развернуть), например, сложное слово *man-made* в словосочетание, необходимо прежде всего знать значение слова *man* — человек, и только тогда (с учетом знания закономерностей образования слов данного типа) мы сможем развернуть это сложное слово в словосочетание *made by man*. Использование символа хотя бы для одного из компонентов сложного слова ($N + made$) сразу изменит ситуацию, так как в зависимости от значения *N* наши трансформации изменяются. Задача значительно усложняется при использовании символов для обоих компонентов ($N + PII$): *spring-sown* — *sown in spring*, *armour-clad* — *clad with ar-*

mour, insect-controlled — *where* insects are controlled. Лишь зная значение компонентов сложного слова и тем самым имея возможность установить смысловые связи, отражающие отношения между предметами, мы можем трансформировать данные сложные слова в словосочетания. В общем смысле всякая трансформация — это не что иное, как некая операция, а важность операционального анализа в лингвистике, как и в познании вообще, не следует переоценивать, ведь «...за рамками операционального определения остаются существенные черты и стороны действительности, отраженные и фиксированные в научном понятии...»²⁶.

В связи с проблемой формализации языка выскажем следующую не имеющую практического значения, но тем не менее имеющую право на существование мысль, а именно: тот несомненный факт, что естественный человеческий язык чрезвычайно трудно поддается формализации и в принципе до конца вообще не может быть формализован, хотя и неудобен с прагматической точки зрения (информатика, машинный перевод и т. д.), должен служить источником нашей гордости и счастья. Ведь в противном случае, в случае возможности полной формализации языка, человек, как *homo sapiens*, представлял бы собой нечто совершенно отличное от того, что он есть, и отличие это, по моему глубокому убеждению, было бы отличием в худшую сторону — возможность формализации языка свидетельствовала бы о более стандартном, унифицированном, «упорядоченном», не в лучшем смысле этого слова, мышлении. Это не беда, а благо, что он — Ш. Балли говорит это о французском языке, но это, безусловно, относится к любому языку, — «ненавидит жесткие правила, ненавидит все то, что могло бы привести к автоматизации, к механической работе над языком»²⁷.

II. СИНТАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ СЛОВОСЛОЖЕНИЕ (Критический обзор)

Изучение литературы по проблемам словосложения, как общего, так и в особенности словосложения современного английского языка, позволяет выделить две тенденции в изучении сложных слов. Эти тенденции несколько условно можно назвать «синтактико-ориентированное» и «семантико-ориентированное» словосложение.

Синтактико-ориентированное словосложение базируется в принципе на двух разных по своему характеру основаниях: 1) на внутренних характеристиках словосложения, которое обнаруживает определенную долю синтаксичности в своих свойствах и тем самым как бы отдает себя в распоряжение синтактико-ориентированного анализа; 2) на внешних по отношению к словосложению факторах, а именно возросшей в рамках системно-структурного метода познания ролью синтаксиса в лингвистических исследованиях.

Целью настоящего раздела является критически рассмотреть синтактико-ориентированные тенденции в словосложении. При этом собственно лингвистические причины этих тенденций будут рассмотрены по возможности подробно, а другие — в обзорном порядке, хотя и в первую очередь.

Внешние по отношению к словосложению причины синтактико-ориентированного подхода связаны с возросшей и не всегда оправданной ролью синтаксиса в лингвистическом анализе, в частности, в анализе словосложения, наделением его «всеобъемлющими правами» и «всесильностью». Одним из наиболее ярких адептов синтаксичности является, как известно, Н. Хомский, которому принадлежат слова о том, что «человек — синтаксическое животное». Сравните также следующую критику в адрес Н. Хомского: «Хомский сократил до минимума семантический аспект языка, предельно расширив синтаксический аспект, что и привело в результате к несоответствиям и искажениям»¹. Совершенно верно отмечается, что «среди бесчисленных метаязыковых единиц, которыми пользуется языкознание, термин «синтаксис» получил в настоящее время непомерное распространение и неоправданное место»².

Корни того, что можно было бы назвать «суперсинтаксизмом» в лингвистике, вообще покоятся на наделении синтаксиса такими свойствами, которые якобы не только оформляют и организуют высказывание, но и как бы направляют само его формирование. Синтаксис, таким образом, выступает не в роли оформителя, а в роли формирователя самой мысли. При таком понимании роли синтаксиса можно предполагать, что человек строит высказывание не согласно намерениям выразить свое отношение к миру действительности, а как бы стремится заполнить лексическим материалом готовые синтаксические конструкции. Само же гипертрофированное понимание роли синтаксиса связано, в свою очередь, с внешними по отношению к лингвистике факторами: «Кибернетизация лингвистических методов ведет к необычайному усилению в современном языкознании ло-

гицизма, который особенно наглядно проявляется в новых синтаксических теориях»³. Наделение синтаксиса некоей главенствующей ролью как в самом языке, так и, как неизбежное следствие, в лингвистических исследованиях связано также с ролью релятивизма в современной теории познания, когда категория отношения получает приоритет перед субстанциональной категорией. Однако «первичными являются соотносящиеся предметы, а не отношения между ними. Всякие попытки сводить язык вообще, и синтаксис, в частности, к системе отношений представляются методологически совершенно неприемлемыми»⁴.

Само синтактико-ориентированное словосложение, т. е. анализ словосложения преимущественно на базе и в рамках синтаксиса, есть одно из проявлений системно-структурного подхода, что ведет, во-первых, к предпочтительному рассмотрению объекта в системе и на фоне более общих категорий (отсюда рассмотрение, например, сложных слов непременно на базе и совместно со словосочетаниями), во-вторых, к рассмотрению объекта структурированно, выявлению его частей тем или иным операциональным способом (отсюда, например, трансформационный анализ сложных слов). В какой-то момент та и другая сторона сливаются, так как структурированное рассмотрение производится, как правило, путем соотнесения частей объекта с единицами других более общих категорий. Одновременно в рамках этого подхода проявляется и такая черта, как абстрагирование, там, где возможно и насколько возможно, от лексического значения слова, как показателя связи с миром предметов, так как это сужает возможности формализованного анализа, существенной черты системно-структурного подхода. Таким образом, «синтактико-ориентированное словосложение» есть, в общем смысле, некая конкретизация системно-структурного подхода в лингвистике при изучении проблем словосложения.

Тенденция к синтактико-ориентированному анализу производных слов с его якобы объективностью и независимостью от значения (семантики) покоится на таком понимании взаимоотношения семантики и синтаксиса, при котором семантика выполняет лишь роль «семантической интерпретации» абстрактных семантических схем, когда синтаксис первичен, а семантика вторична, когда семантическая структура ставится в зависимость от формальной структуры. На самом же деле дело обстоит наоборот: синтаксис служит оформлению содержания, что же касается производных слов, то именно семантика производного, в частности,

сложного слова является «глубинным» фактором, а синтаксические построения, более или менее адекватно отражающие его семантику, являются не чем иным, как синтаксической интерпретацией.

Вместе с тем синтактико-ориентированное словосложение имеет под собой и веские основания. Важнейшим из них является тот несомненный факт, что словосложение в определенной мере носит синтаксический характер. Это, прежде всего, значит, что часть сложных слов не служит непосредственно целям номинации, а выступает в виде цельнооформленных семантических эквивалентов синтаксическим конструкциям. К синтаксичности словосложения относятся и такие его черты, как смысловое равенство многих сложных слов и параллельных синтаксических конструкций, речевой характер некоторых сложных слов, отражение синтактико-подобных отношений в сложных словах, одновременное функционирование сходных по значению сложных слов и синтаксических конструкций. При этом многие сложные слова материально совпадают с синтаксическими конструкциями. Нельзя, безусловно, игнорировать и связи всей системы словосложения с синтаксической системой того или иного языка. Степень синтаксичности словосложения отличается в разных языках. В некоторых языках (например, немецкий, английский) эта степень настолько высока, что некоторые лингвисты говорят о синтаксическом характере словосложения в этих языках и колеблются в вопросе отнесения его к средствам словообразования или к средствам синтаксиса. Примечательно в этом отношении следующее, например, высказывание Г. Вернеке: «...богатство немецкого словаря покоится прямо-таки на «оптическом обмане», так как «громадная масса сложных слов представляет собой не более как номинатив с поставленным перед ним субъектным или объектным генитивом, то есть синтаксическое соединение, которое в средние века, как и теперь в английском, писалось раздельно, впоследствии приобрело педантический дефис, а сейчас объединилось полностью и удостоилось удивительного почета: его рассматривают как одно слово». «Отсюда, естественно, колебания немецких языковедов в вопросе об отнесении словосложения к системе средств словообразования или к арсеналу синтаксических средств, которыми располагает и пользуется каждый говорящий по-немецки»⁵.

Весьма последовательно мысль о синтаксизме немецкого словосложения проводится в ряде работ В. М. Павлова, в частности, в его статье «К дискуссии о словосложении в

немецком языке»⁶, в которой он в сжатой форме изложил признаки синтаксичности немецких композит и подверг сомнению возможность «исчерпывающего освещения «природы» немецкого словосложения» в рамках традиционного словообразовательного подхода, предполагая одновременно возможность «рационально объяснить некоторые, пусть и не всеобщие, особенности структуры и реального функционирования композитных моделей» с привлечением к анализу понятия «синтаксическое отношение»: «если иметь в виду многочисленные случаи индивидуального «комполитотворчества» и такие сложные слова, которые не поддаются осмыслению вне единичного контекста, то «утверждать суверенность словообразовательного подхода к немецкому словосложению, безраздельное господство в композитах семантического единства, понятийной «цельнооформленности»... значит закрывать глаза на очевидные факты»⁷.

Близость между сложными словами и синтаксическими единицами рассматривалась и В. Г. Адмони, который писал: «Конечно, границы между подлинным сложным словом и сложным словом, обладающим значением синтаксической группы, установить очень трудно. В сложном слове, как правило, объединяются лишь такие понятия, которые связаны друг с другом более или менее прочной, постоянной семантической связью и которые, поэтому, так или иначе тяготеют к превращению в подлинное лексическое единство, в слово. Но известные оттенки или различия в значении сложного слова, иногда непосредственно сближающиеся со значением синтаксической группы, здесь все же в ряде случаев можно прощупать». Как видим, это суждение в значительной степени опирается на семантическую сторону анализируемой единицы и абстрагируется от случаев полного совпадения значения сложного слова и словосочетания, а потому наряду с близостью сложного слова и синтаксической конструкции здесь подчеркивается и их различие. Здесь же В. Г. Адмони формулирует и более категоричное положение: «Ошибочной является попытка вообще рассматривать сложное слово в немецком языке как специфическое «неоформленное» выражение синтаксических связей»⁸. Для английского языка устанавливаются «корреляции между сложениями и исходными словосочетаниями», выявляется также структурно-семантическая соотносительность между единицами словосложения и синтаксиса»⁹.

Связи между словосложением и синтаксисом не раз являлись и продолжают являться предметом внимания и в общем языкознании. Так, Е. С. Кубрякова пишет, что связь

синтаксиса и словосложения особенно очевидна¹⁰. В отличие от положения дел, например, в немецком словосложении, где выдвигается проблема отнесения сложного слова к словообразованию или к синтаксису, в общем языкознании эта проблема иногда представляется в несколько ином ракурсе — само словообразование уподобляется синтаксису: «В определенном смысле словообразование сходно с синтаксисом, и построение словообразовательной модели близко построению синтаксической...»¹¹.

Таким образом, нельзя сказать, что синтактико-ориентированный подход вообще неправомерен и должен быть целиком исключен. Вообще рассмотрение единиц одного уровня через призму другого дает некоторый выигрыш. Выход за морфологические рамки анализа словосложения, при которых сложное слово рассматривается как нечто самодовлеющее, как вещь в себе и для себя, принес определенную пользу. Однако признание несомненного наличия синтаксических свойств сложных слов и тем самым их определенной синтаксичности, а также известная целесообразность рассмотрения словосложения через призму синтаксиса не должно передавать анализ словосложения в безраздельное ведение синтаксиса, что делает такой анализ односторонним, особенно в области семантики сложного слова, в области вскрытия смысловой структуры слова. Это стало ясно именно после интенсивного развития синтактико-ориентированного словосложения. Наличие самого этого направления и его подчас непомерные притязания должны быть осознаны при описании проблем словосложения. Это и вызывает необходимость сформулировать и критически рассмотреть основные черты синтактико-ориентированного словосложения. Особенно необходимо осознать невозможность описать все тонкости смысловой структуры сложного слова средствами синтаксиса. Необходимо также отдавать себе ясный отчет в различии между несомненным наличием синтаксических черт в словосложении, с одной стороны, и использованием синтаксиса как универсального инструмента для анализа словосложения, с другой. Справедливости ради следует заметить, что такое осознание уже произошло. Оно выразилось в некоем научном парадоксе: убедительно показав синтаксичность словосложения и успешно подвергнув его исследованию инструментами синтаксиса, лингвисты вдруг почувствовали неудовлетворенность, поняв, что за рамками синтаксичности в словосложении остается еще очень и очень многое. Это нашло отражение в таких, например, высказываниях: «...следует оговорить,

что чрезмерное увлечение «синтаксичностью» [словосложения, наблюдаемое в последние годы, особенно в работах западногерманских ученых, и находящее выражение в не всегда точных трансформациях, не представляется оправданным]¹². Сравните также: «...подход от синтаксиса не может объяснить всего многообразия словообразования»¹³. Наконец, никак нельзя не упомянуть лаконичное и в то же время весьма содержательное суждение по этому поводу М. Д. Степановой: «Синтаксическое» словообразование неоправданно сужает проблематику словообразования»¹⁴.

Основной недостаток синтактико-ориентированного анализа состоит в том, что такой анализ, претендуя на объективность благодаря отходу от предметного значения, фактически создает лишь иллюзию объективности благодаря операции синтаксического развертывания и использованию синтаксической терминологии, в то время как само синтаксическое развертывание зависит, и не может не зависеть, от значения компонентов сложного слова и их смысловой связи, что, в свою очередь, предопределяется характером наименования денотата. Выигрывая внешне (иллюзия объективности анализа), синтактико-ориентированный анализ игнорирует существенную черту словосложения, которое служит для целей номинации, основанной на отличных от синтаксиса принципах. Эта черта состоит в том, что при использовании средств словосложения номинация производится в условиях невыраженности отношений, что предопределяет принципиальное отличие сложного слова от синтагмы и составляет сущность словосложения. Словосложение — это особый не только по структуре, но и по содержанию способ номинации, в принципе не сводимый к синтаксическим закономерностям, а сложные слова принципиально не сводимы к словосочетаниям, синтагмам и другим синтаксическим единицам. Это, в свою очередь, служит достаточным основанием для анализа значения сложного слова не только в терминах синтаксиса, а и в терминах семантики.

В отличие от синтактико-ориентированного словосложения, которое, в основном, направлено на изучение формирования сложного слова как акта трансформации синтаксической конструкции в сложное слово, не связанное с обозначаемым им предметом, а мыслимое лишь как результат определенных имманентных языковых преобразований, предопределяемых некими заранее заданными правилами, семантико-ориентированное словосложение должно, в основном, быть направлено на изучение формирования сложного

слова в акте номинации, на изучение смысловой структуры сложного слова со всеми определяющими эту структуру факторами. При синтактико-ориентированном исследовании усилия лингвистов направлены на то, чтобы найти характеристики, общие для больших групп, рядов и т. п. слов, в то время как при семантико-ориентированном исследовании вскрываются характеристики и особенности каждого данного слова и только потом могут делаться обобщения, справедливые для какой-то группы слов, если такие обобщения окажутся возможными. Сугубо синтактико-ориентированный подход к словосложению неизбежно игнорирует семантические аспекты, смысловую структуру, тонкости значения сложного слова. Небезынтересно и то, что исследователи, использующие сложный формально-логический аппарат при анализе структурных свойств композит, останавливаются как бы в недоумении перед теми свойствами, характеристиками и особенностями сложных слов, которые являются простым и прямым следствием социолингвистических и семантических факторов, идиоматических и переносных значений слов, а также других, связанных с семантикой явлений.

Изучение литературы, особенно последнего времени (приблизительно 60-е, 70-е г.г.), позволяет сформулировать следующие характерные черты синтактико-ориентированного словосложения: признание возможности (а иногда неперменной целесообразности) оставаться «в мире слов» при анализе производного слова; признание необходимости вести анализ словосложения в терминах синтаксиса; преимущественное рассмотрение значения сложного слова в соотношении с предложением или синтагмой, которые ставятся ему в соответствие; положение о порождении сложного слова путем определенных трансформаций, ведущих от синтаксических конструкций в виде словосочетаний или предложений к сложному слову; неперменное усмотрение предикативности в сложном слове, отсюда обязательное признание наличия скрытого глагола-предиката в структуре сложного слова; стремление к установлению правил, согласно которым синтаксические конструкции «переходят» в сложные слова; признание возможности выводить значение сложного слова непосредственно из его структуры. Все эти черты переплетаются и взаимообусловлены и, подчас, не могут быть выделены в сколько-нибудь самостоятельные разделы; поэтому их раздельное описание следует понимать как некую организационную условность.

О возможности оставаться «в мире слов» при анализе словосложения

Одной из принципиальных черт синтаксического словообразования вообще, словосложения в частности, является признание возможности и целесообразности воздерживаться от выхода в экстралингвистический мир, оставаясь в рамках внутрилингвистического анализа. Примечательно в этом отношении следующее положение Г. О. Винокура: «Значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы, причем именно такое разъяснение значения производных слов, а не прямое описание соответствующего предмета действительности, и составляет собственно лингвистическую задачу в изучении значений слов»¹⁵. А между тем именно выход в экстралингвистический мир всякий раз неизбежно сталкивает нас с тем, что лексическое, денотативное значение производного слова не устанавливается внутрилингвистически, такой анализ лишь создает предпосылки для определения этого значения. Обратимся в этой связи к конкретному примеру. Перед нами производное слово *кумысник*. Автору этих строк, человеку, для которого русский язык родной, значение этого слова неизвестно. Как же можно «определить значение слова с производной основой посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы?» Обычно информанты-нелингвисты просто отказываются от определения значения таких слов, говоря «не знаю», или вступают на путь догадок. Лингвист, точнее специалист по словообразованию, может утверждать следующее: *кумысник* может означать сосуд для кумыса, как *чайник* или *кофейник*, или блюдо из кумыса, как *свекольник*, или любителя кумыса, как *грибник* (правда, *грибник* — скорее, не любитель грибов, а любитель собирать грибы — что еще раз подчеркивает лексические «тонкости» внутри словообразовательной структуры), или человека, занимающегося приготовлением, а может быть, продажей кумыса, а может быть, специалиста по кумысу или даже работающего в области кумыса, как *рыбник* или *сахарник*. Итак, по меньшей мере следующие значения — «сосуд», «блюдо как еда», «человек» (в одном из нескольких значений). Таким образом, прежде чем согласиться с Г. О. Винокуром, необходимо уточнить, что именно имеется в виду под «значением слова с производной основой». Всякое слово с производной основой имеет по крайней мере два типа значений — структурно-семантическое и лексическое.

Первое не имеет выхода в реальную действительность и представляет ценность преимущественно в сфере лингвистического анализа, второе непосредственно служит номинативной цели — называет предмет. Когда мы говорим, что структурно-семантическое значение представляет ценность преимущественно (а не только) в сфере лингвистического анализа, мы имеем в виду, что оно, это значение, участвует в создании предпосылки для анализа лексического значения: «кумысник — предмет или человек, имеющий отношение к кумысу». Вытекающее отсюда расхождение с Г. О. Винокуром, очевидно, связано с тем, что он исходил из производных слов другой смысловой структуры. Приведенная выше цитата предваряется у Г. О. Винокура анализом таких производных слов, как *настольный*, *косить*, *алеть*, *поднести*. Действительно в таких словах, как говорит Г. О. Винокур, «известная сторона отношений, существующих у данного предмета мысли, находит себе выражение в тех отношениях, которые существуют внутри самого слова»¹⁶. В самом деле, для определения и разъяснения лексического значения таких слов можно до определенной степени оставаться «внутри самого слова», в то время как для определения значения слов типа *кумысник* (а в принципе для этого не обязательно обращаться к таким «экзотическим» словам) неизбежно прямое описание соответствующего предмета действительности. Различие между словами типа *настольный* и типа *кумысник* в описанном выше смысле не раз являлось предметом словообразовательного анализа и может рассматриваться как с позиции синтактико-ориентированного словообразования, когда производные типа *настольный* рассматриваются как синтаксические дериваты, так и с позиции семантико-ориентированного словообразования, когда в словах типа *кумысник* усматривают «семантическую надбавку» (О. Г. Ревзина) или «приращение значения» (И. Г. Милославский). Можно предложить и другой угол рассмотрения, при котором суть остается та же, а именно можно считать, что в словах типа *настольный* структурно-семантическое значение равно лексическому, в то время как в словах типа *кумысник* такого равенства нет.

Вообще при толковании значений производных слов оставаться «в мире слов» в принципе нельзя. Даже для такого толкования слова *косить*, как «работать косой» (см. выше), необходимо располагать сведениями из «мира вещей», а именно надо знать, что коса — это определенный предмет, которым можно работать. Более того, положение о мотивированности производных слов вообще более или менее услов-

но. Следует согласиться с М. Д. Степановой, которая говорит: «...если, например, слово «паровоз» мотивировано значением корневой морфемы «пар», а «пароход» значением корневых морфем «пар» и «ход» — то соответствующие корневые слова не мотивированы, а значит и мотивированность производного и сложного слова условна, снимается немотивированностью их первичных (производящих) основ»¹⁷.

Мнение о том, что словообразовательная мотивированность слова дает возможность соотнести слово с обозначаемым предметом, имеет широкое распространение. Рассмотрим, например, следующее рассуждение: «В лексике ... имеются ... морфологически мотивированные знаки (типа «паровоз», «сапожник»), так что каждый, кто знает их компоненты, владея языком, сразу понимает их смысл»¹⁸. Интересно отметить здесь упоминание о «владении языком». Что это значит? Если владеть языком — значит знать предметные значения слов *паровоз* и *сапожник*, то все дальнейшие рассуждения о мотивированности этих слов отпадут. Если же под владением языком понимается знание значений компонентов и допускается незнание предметного значения этих слов, то «морфологическая мотивированность» этих слов проявится лишь в том, что у человека, вновь воспринимающего эти слова, возникает несколько трактовок. Так, слово *паровоз* может трактоваться и как «транспортное средство для перевозки пара» (ср. *бензовоз*) и как «человек, который возит пар» (ср. *водовоз*). Если же нам скажут, что таких предметов не существует, а есть лишь предмет, который движется (возит) с помощью пара и который называется *паровоз*, то мы моментально обнаружим, что «понимание смысла» этого слова связано не с «морфологической мотивировкой», а со знанием того предмета действительности, который обозначен словом *паровоз*, и знанием того факта, что именно за этим предметом и закреплено слово *паровоз*.

Склонность отыскивать и обосновывать возможность обходиться без обращения к миру предметов и вскрывать значения путём внутриязыковых операций, имеет широкое распространение. Например: «Характерная особенность естественного языка заключается в возможности объяснения значения одних слов посредством других... Эта особенность языка настолько важна, что ряд лингвистов считает ее определяющей. Действительно, если мы обнаружим, что некоторая популяция организмов пользуется семантической системой, в рамках которой возможно объяснение одних знаков посредством других без обращения к предметной области, обозначаемой этими знаками, то мы вынуждены будем

признать, во-первых, что эта популяция имеет язык в обычном смысле этого слова и, во-вторых, что члены этой популяции обладают способностью к абстрактному мышлению»¹⁹. Попробуем разобраться в этом утверждении. Вряд ли оно применимо к области семантики. Мы, конечно, можем заменять одно слово другим (например, *дом* — *здание*), но сама эта способность предопределяется нашим знанием о том, какие предметы означают эти слова. Так, для человека, не владеющего русским языком, звуковой комплекс *dom* не имеет предметного значения, а потому никаких замен или каких-либо других значимых манипуляций над этим комплексом звуков он не может произвести. В том-то все и дело, что язык — это не совокупность неких знаков, подобных символам в алгебраических формулах, над которыми можно производить всевозможные действия, не зависящие от того, что может стоять за этими знаками.

Противопоставим вышеприведенным высказываниям следующие суждения: «...нельзя понять язык, нельзя выйти из тупика иллюзорного словесного знания, если ограничивать исследования языка анализом отношений слов к словам, форм к формам, оставаясь в границах второй сигнальной системы, не проецируя ее на фон первой системы, самая тесная связь с которой составляет сущность второй системы»²⁰; «...как бы ни старались некоторые исследователи провести водораздел между лингвистическим и экстралингвистическим, мир слов неотделим от мира вещей»²¹.

Анализ словосложения в синтаксических терминах

При синтактико-ориентированном подходе к словосложению принимается, что само значение сложного слова выводимо из синтаксического анализа отношений между его частями, при этом предметное значение слова отводится на второй план, а анализ словосложения в синтаксических терминах считается объективным и единственно правильным, в то время как анализ сложных слов на базе семантики их частей и их смыслового взаимодействия отвергается как лингвистически необоснованный и даже неуместный в рамках лингвистики. Так, критикуя О. Есперсена за его классификацию сложных слов на базе смыслового взаимодействия их частей, Р. Лиз пишет: «Он так и не смог сделать верных выводов из своих подчас весьма метких исследований, а именно то, что просто не существует точных физических или семантических критериев для сложных слов и что в таковых нет нужды и что цель лингвистиче-

ского исследования состоит в том, чтобы найти грамматическое описание, а не классифицировать физические или семантические объекты»²². Таким образом, Р. Лизу представляется, что анализ сложных слов в терминах синтаксиса отражает их сущность, ему кажется, например, что, назвав отношения в сложном слове *garden party* как *party in the garden*, исходя из предложения *The party is in the garden*, он тем самым отошел от семантического анализа и остался в рамках «чистого синтаксиса», не отягощенного значением слов (ср. по этому поводу замечание В. Адамс: «Лиз стремится насколько возможно обойтись без семантических категорий»²³). Нетрудно, однако, заметить, что попытки отхода от семантики при анализе сложных слов просто самообман, ибо анализ сложных слов в синтаксических терминах сам основывается не на чем ином, как на знании предметного значения основ сложного слова и их смыслового взаимоотношения. Ведь уже само представление *garden party* через *party in the garden* есть результат нашего знания предметного значения слов *garden* и *party* и логико-смысловых отношений, которые могут возникать между предметами, обозначаемыми этими словами *party* (событие), *garden* (место): «событие, происходящее в определенном месте», отсюда возможность трактовки *party in the garden* с дальнейшим описанием этой логико-предметной связи в синтаксических терминах. В отличие от *garden party*, в словах *birthday party* и *cocktail party* вырисовываются другие смысловые связи между элементами, что определяется значением слов *birthday* и *cocktail*. С другой стороны, *garden apartments* может быть раскрыто так же, как и *garden party*, а именно: *apartments in the garden*, хотя смысловые отношения между словами *garden* и *party*, с одной стороны, и *garden* и *apartments*, с другой, различны, и для показа (для показа, а не выявления!) их различия потребовалось бы другое развертывание сложных слов: *garden party* — *party which is held in the garden* и *garden apartments* — *apartments which are built in the garden*, что опять основывается на семантике слов *party* (a gathering, i.e. an act — событие) и *apartments* (предмет). Все претензии Р. Лиза представить анализ сложных слов без обращения к их семантике (значению, смыслу) по существу сводятся на нет, как только он обращается к конкретным языковым примерам — словам. Тем не менее, представление отношений между компонентами сложного слова в синтаксических терминах получило чрезвычайно широкое распространение, так как такое представление, по мнению его сторонников, «соответствует

грамматике, которая направлена на продуктивные или созидательные (creating) типы словосложения». Считается, что такая грамматика объясняет различия в грамматическом смысле ("grammatical" meaning) между такими, например, словами, как playboy и call-girl, вскрывая различие между отношением их частей путем использования синтаксических парафраз (syntactic paraphrases): playboy = the boy plays, i.e. verb + subject, но call-girl = x calls the girl, i.e. verb + object²⁴. И в этом случае синтаксические перефразировки представляются их авторам как нечто независимое от предметного значения частей и всего слова в целом, в то время как эти перефразировки суть производные от значения основ сложного слова и их смыслового взаимодействия. Что же касается сложных слов, взятых здесь для примера playboy и call-girl, то значение их частей («лицо» и «действие») допускает всякий раз по крайней мере два как бы противоположных значения сложного слова, так как логическое взаимодействие между лицом и действием всякий раз допускает по крайней мере два исхода: действие выполняется лицом и действие направлено на лицо. Это и определяет разные смысловые исходы слов такого типа, а синтаксическая интерпретация лишь оформляет наше знание о значении этих слов. В данном конкретном случае, благодаря отмеченной выше возможности двоякого соотношения между лицом и действием, всякий раз возможна их двоякая интерпретация, а отсюда двоякое синтаксическое оформление: playboy = the boy plays (фактическое значение), playboy = x plays with the boy (гипотетическое значение), ср.: playfellow = a companion in games and recreation, i.e. x plays with the fellow; call-girl = x calls the girl и call-girl = the girl calls x (например, телефонистка). Сложные слова с двояким значением и, следовательно, с двоякой синтаксической интерпретацией существуют не только как гипотетические, но и как реальные лексические единицы языка, например, call-man, a man who calls up the members of a fire-brigade for duty; call-man, a man subject to call (= call boy). Отсюда, в частности, широко распространенное явление композитной омонимии. Из этого следует, что значение сложного слова определяется нашим знанием значения его частей и их смысловой взаимосвязи, что, в свою очередь, определяется нашим знанием взаимосвязи между предметами действительности (в широком смысле), а синтаксическая репрезентация является вторичным, производным фактором. Это и предопределяет принципиальное отличие сложного слова от синтагмы и составляет саму сущность словосложения, что было хорошо под-

мечено и сформулировано еще Г. Суитом: «Сама эта неопределенность (*vagueness*) является главной причиной использования словосложения: именно благодаря тому, что мы оставляем открытыми логические отношения между элементами сложных слов, мы в состоянии образовывать их так, как мы хотим, не прибегая к точному анализу логических или грамматических отношений между словами, которые мы соединяем, как нам пришлось бы делать, если бы мы соединяли их при помощи более определенных средств, таких как предлоги и флексии»²⁵.

В этом высказывании Г. Суита хорошо представлена сама суть словосложения — невыраженность отношений между компонентами сложного слова в отличие от грамматического оформления слов в синтагме, некоторая неопределенность значения сложного слова вместо ясности (по крайней мере структурной) в синтагме, опора на логические связи между названиями предметов действительности в отличие от опоры на синтаксическую выраженность отношений между членами синтагмы.

В этой связи особенно важно отметить, что синтаксис по существу не оформляет и не может оформлять смысловые связи достаточно адекватно, так как он призван оформлять лишь обобщенные отношения между словами. Синтаксические отношения нередко не в состоянии «адекватно отразить отношения, существующие между предметами и явлениями объективной действительности», так как набор синтаксических отношений неизмеримо уже отношений, существующих в реальной действительности. Синтаксис не может вторить всему множеству отношений в реальной действительности. Так, атрибутивные сочетания «относительное прилагательное + существительное» отражают лишь тот факт, что второй элемент находится в каких-то отношениях к предмету, характеризуемому относительным прилагательным. Каковы же эти отношения, синтаксис передать не в состоянии, и при одних и тех же синтаксических отношениях мы наблюдаем различные отношения между предметами реальной действительности, описываемыми этими словосочетаниями, например, морской берег — берег моря, морской корабль — корабль для плавания по морю, морские ванны — ванны (купание) в море, морской офицер — офицер, служащий на море, морское училище — училище, готовящее людей для службы на море, морской рассказ — рассказ о море (или рассказ, написанный на море), морская прогулка — прогулка по морю. Совершенно очевидно, что отношения, существующие в реальной действительности между предметом «море»

и предметами, обозначенными вторыми элементами во всех вышеприведенных словосочетаниях, различны, но их синтаксическое оформление совершенно одинаково: атрибутивная связь. Реальные отношения в таких словосочетаниях определяются отнюдь не характером синтаксической связи, а смысловыми взаимодействиями, которые и отражают отношения между предметами реальной действительности.

«Атрибутивные отношения как синтаксическая категория являются в семантическом отношении самыми емкими и разнообразными. Поэтому общую трансформационную формулу для раскрытия структурно-семантических связей между элементами именной атрибутивной цепочки дать невозможно»²⁶.

Это же по существу утверждают и Е. А. Земская и Е. С. Кубрякова, когда они говорят об «особом классе синтаксических дериватов в русском языке, составляющих отсубстантивные прилагательные, которые вне сочетания с существительными выражают общее недифференцированное отношение к тому, что названо производящей основой (типа *лесной, морской, бензиновый*). Характер отношения, выражаемого прилагательным, получает конкретизацию лишь в сочетании с существительным или в более широком контексте»²⁷. Это совершенно верное и хорошо сформулированное наблюдение можно рассмотреть под другим углом зрения. Можно констатировать, что синтаксис в виде препозитивной атрибутивной связи с согласованием не в состоянии дифференцированно отразить смысловые связи, возникающие между предметом, обозначенным основой отсубстантивного прилагательного и определяемым этим прилагательным предметом, обозначенным существительным.

Трансформационный анализ в словосложении

Можно предположить, что критика трансформационно-генеративной грамматики и других сопутствующих ей атрибутов лингвистического анализа, в частности в области словосложения, не является в настоящее время актуальной задачей, поскольку такая критика уже состоялась, а взгляды самих адептов этого направления претерпели изменения. Такое предположение было бы неверно, так как, несмотря на указанные выше действительно имеющие место обстоятельства, данное направление «не сдает своих позиций», особенно в зарубежной лингвистике, о чем свидетельствует обилие вновь и вновь появляющихся работ, так или иначе развивающих данные тенденции.

Наиболее последовательно синтаксическая ориентация проявляется через подчинение словообразовательного анализа трансформационно-генеративной грамматике. Не ставя здесь задачи подвергать трансформационно-генеративную грамматику общей критике, приведу лишь некоторые критические замечания в ее адрес, особенно замечания, направленные на те стороны, которые больше всего затрагивают «словообразовательные интересы».

Совершенно справедливо пишет Роберт А. Хилл мл.: «Техника ТГ описания заключается, по сути, в установлении серии правил-инструкций человеку или машине, применением которых данное сочетание элементов заменяется другим сочетанием, причем правила действуют только в одном направлении. Такой процедуре внутренне присущ некоторый элемент априоризма, поскольку для начального и каждого последующего этапа анализа требуется абсолютно определенный круг данных, причем не допускается никакой неопределенности. Наблюдения над реальной языковой действительностью реальных людей, однако, неизбежно вскрывают наличие всевозможных видов неопределенности, слабая определенность является характерной чертой языковых систем».

Ср. также: «...Хомский ... ошибочно рассматривал грамматику как «замкнутое в себе исследование, не зависимое от семантики», а значение — как нечто налагаемое сверху после «порождения» структурных комбинаций. Невозможно также «сохранить абстрактную математическую точность формы и одновременно объяснить все повседневные возможности семантического употребления»²⁸.

Синтаксическая трактовка словосложения, т. е. аксиоматическое приписывание сложным словам синтаксических структур, якобы непременно порождающих их и лежащих в их основе, не только не помогает выявить характер смысловой структуры сложного слова, опираясь часто на искусственно составленные структуры, но и нередко искажает характер номинативной стороны слова. Почти неизбежным следствием трансформационных преобразований сложных слов в синтаксические словосочетания является часто встречающаяся неточность трансформаций, их погрешность против денотативного значения сложного слова. Совершенно верно говорит К. А. Левковская: «Сложное слово отличается от словосочетания иным способом выражения семантических взаимоотношений между компонентами, что связано с особенностями его строения», «...сравнивать сложные слова и словосочетания вообще возможно лишь на основе рассмотрения различий в их строении», «...слово Sommerhut,

например, своей структурой никак не выражает отношения цели (того, что это шляпа, предназначенная для летнего времени)...», «...сложным словом могут выражаться самые разнообразные взаимоотношения между компонентами, которые можно только пояснить, но никак не с точностью передать теми или иными словосочетаниями»²⁹.

Наглядной иллюстрацией этого положения являются некоторые трансформации, к которым прибегает Р. Лиз. Так, к сложным словам типа arrow head (of-phrases) отнесено, в частности, слово band-wagon, в то время как такая трансформация вовсе не отражает значения этого слова: a wagon for a band of musicians. То же относится к слову ice water, которое занесено в список слов, трансформируемых по принципу with-phrases, в то время как значение этого слова раскрывается через словосочетание water from or cooled by ice³⁰.

Р. Лиз, анализируя порождение слова hay fever, опирается на синтаксическую структуру: Hay causes fever → fever from hay → hay fever. Покажем, что приписываемые данному образованию синтаксические структуры фактически не отражают реального значения слова hay fever и искажают его смысловую структуру. Обратимся для этого сначала к словарным трактовкам слова hay fever: hay fever (The Shorter Oxford English Dictionary, 3rd Edition): A catarrhal condition of the ocular, nasal and respiratory mucous membranes accompanied generally by asthmatic symptoms; a disorder of the early summer, *usually caused by the pollen of grasses and some flowers*, sometimes also by dust, etc. Казалось бы, такая трактовка находится в хорошем согласии с приписанной слову hay fever синтаксической структурой: Hay causes fever (см. выделенную часть дефиниции). Обратим, однако, внимание на то, что данный вид болезни не назван *grass fever, или *flower fever, или, наконец, *pollen fever, а назван именно hay fever, хотя слово hay отсутствует в дефиниции. Этот факт, разумеется, можно было бы игнорировать: во-первых, словарные дефиниции могут находиться в разных отношениях к смысловой структуре определяемого слова; во-вторых, как хорошо известно, при наименовании предмета язык может воспользоваться условным и мало предсказуемым или вовсе непредсказуемым признаком называемого предмета, например, соотнести название данной болезни не с травой, цветами или пылью, а с сеном. Эти рассуждения пока лишь подтверждают правомерность соотнесения слова hay fever и предложения Hay causes fever. Теперь обратим внимание на ту часть дефиниции, в которой

говорится о времени, когда, как правило, страдают этой болезнью — a disorder of the early summer. Наконец, обратимся еще к одной словарной дефиниции: hay fever (The Advanced Learner's Dictionary of Current English by A. S. Hornby et al., London, 1958): a disease affecting the eyes, nose and throat, caused by the pollen (dust) from certain grasses and plants (esp. during the hay season). Из этой дефиниции совершенно ясно, что болезнь названа hay fever не столько потому, что источником ее является сено, сколько потому, что ею болеют во время покоса сена (hay season). Таким образом, если уж говорить о «глубинной синтаксической структуре», лежащей в основе слова hay fever, то это не Hay causes fever, а скорее Fever occurs during hay season. Дело, однако, не только в этой погрешности. Погрешность здесь более глубокого и более принципиального характера. При синтаксической трактовке сложного слова игнорируется особый характер смысловой структуры сложного слова — его имплицитность и эллиптичность, свойства особенно характерные для английского словосложения. В слове hay fever это проявляется в том, что компоненты hay и fever не находятся в непосредственной смысловой связи, слово hay связано не со словом fever, а со словом season, которое само отсутствует в сложном слове. Предмет же, обозначенный словом hay, олицетворяет, таким образом, не причину, а время, хотя сам не имеет временного значения. Таким образом, наш анализ сложного слова hay fever отражает реальное, фактическое значение сложного слова и адекватно отражает смысловую структуру анализируемого объекта, в то время как синтактико-ориентированный анализ Р. Лиза искажает анализируемый объект ради подгонки его к дедуктивно составленной синтаксической структуре.

Еще одним недостатком трансформационного анализа словосложения является то, что разным по субстанциональным признакам сложным словам приписываются одни и те же синтаксические структуры, например: the plane crash и the plane crashes; the bus stop и the bus stops оказываются как бы сведенными к одному и тому же: plane crash и bus stop. Совершенно идентичные трансформации скрывают тот факт, что в первом случае сложное слово означает действие, а в другом — предмет (место).

Неадекватность ТГ для анализа и описания словообразования стала в последнее время неоспоримым фактом: «... не вызывает, например, сомнения, что недостатки этой теории весьма ощутительно дают о себе знать именно потому, что, по общему признанию, в рамках трансформационно-

порождающей грамматики адекватного описания процессов словообразования достигнуто не было...»³¹. Подвергаются критике и конкретные попытки применения ТГ, например, использование номинализации как способа трансформации в теории ТГ к анализу словосложения³².

Неадекватность ТГ целям анализа словосложения, однако, по-разному воспринимается лингвистами, занимающимися проблемами словосложения. Насколько известно, нет лингвистов, которые предлагали бы прямо и полностью отказаться от анализа проблем словосложения в рамках и терминах ТГ. Даже те лингвисты, которые отмечают неадекватность ТГ, предлагают по существу лишь внести в ТГ определенные поправки и таким образом улучшить ее, сделав более приемлемой для анализа словосложения. Можно наметить три вида таких «улучшений».

1. Исключение части сложных слов из рассмотрения при помощи ТГ. Предлагается разделить все сложные слова на лексикализованные и все остальные. Отметим, что такое деление сложных слов вовсе не ново; сравнительно новым здесь является лишь термин «лексикализованный». По существу такие слова и раньше выделялись из общего корпуса сложных слов и именовались по-разному, например, *fossilized*, *institutionalized*. Более того, на всем протяжении изучения словосложения выделялись идиоматичные слова или слова, значение которых не выводимо из значения их частей, при этом иногда предлагалось считать подлинно сложными словами только идиоматичные слова. Иногда же, наоборот, сложными словами предлагалось считать лишь те, которые могут быть представлены как структурные и семантические соответствия словосочетаниям. Однако выведение «лексикализованных» слов из общей массы композит преследует другие цели: вывести неудобные для ТГ объекты из сферы ее исследования. При этом предполагается, что за вычетом лексикализованных слов вся масса сложных слов будет представлять собой продукты, образованные по синтаксическим правилам: *“Syntactic compounds are like completely regular derived lexemes in that their meaning and distribution can be accounted for in terms of the production rules of the language-system ...”*³³. Такой подход вызывает ряд возражений. Первое из них состоит в следующем: «лексикализованный» (*lexicalized*), как это следует даже из грамматического смысла причастия (*-ный*, *-ed*), отражает процесс, в результате которого эти слова стали обладать таким свойством, которым они обладают. Спрашивается: что представляли собой эти слова до того,

как они «лексикализировались», и как, в конечном итоге, они «порождались» до момента «лексикализации», по «правилам ТГ» или нет? Весь если до момента «лексикализации» они представляли собой потенциальные (окказиональные, речевые, синтаксические и т.д.) слова, то, по крайней мере, в момент возникновения они тоже должны были «порождаться» по правилам ТГ и последней не следует «чуждаться» таких образований. Разумеется, в массе сложных слов есть и такие, которые сразу появлялись в переосмысленном, идиоматичном значении, и если быть последовательным, то такие, и только такие, слова следовало бы выводить из сферы ТГ. Однако выявление таких изначально немотивированных слов само по себе требует тщательного анализа значительного количества сложных слов и их семантики, что, конечно, никак не входит в планы ТГ.

Далее, как отмечают сами сторонники ТГ, отнесение сложных слов к лексикализированным часто не может быть достаточно достоверным: на каком данном этапе слово «уже лексикализировалось» или «еще не лексикализировалось»? Отсюда, заметим попутно, вытекает и следующее обстоятельство: если подойти к проблеме понимания сложного слова с позиций “ideal speaker-hearer”³⁴ и известной “competence”, то может возникнуть такая ситуация, когда в устах говорящего сложное слово «лексикализировалось», а в ушах слушающего оно еще не воспринимается как лексикализованное. Как в этих случаях должно, с точки зрения ТГ, происходить понимание сложного слова — как «порожденного по правилам» или как-то иначе? Ср. по этому поводу: “There appears to be no clear way of deciding at what stage an item becomes frozen or even lexicalized, since usage varies throughout a speech community and since one is dealing with psychological imponderables here”³⁵. Наконец, с точки зрения лингвистического описания при таком подходе морфологически совершенно одинаковые слова (man-made и government-financed) должны попасть в разные разделы, или даже какое-то из них должно быть выведено из словосложения вообще. Все это говорит о том, что введение понятия «лексикализованное сложное слово» не решает проблемы приспособления ТГ к нуждам словосложения.

2. Второй подход сводится к предложению ввести в ТГ семантический аспект. Это связано с тем, что даже те лингвисты, которые последовательно придерживаются использования ТГ при описании словосложения, считают, что в конечном итоге в ряде случаев значение сложного слова определяется знаниями экстралингвистического порядка. Это

безусловно так. Остается только добавить, что экстралингвистические знания определяют понимание значения сложного слова не только в каких-то определенных случаях, а во всех без исключения случаях. Так, сложное слово *steam ship* рассматривается как весьма «простое» по своей смысловой структуре, так как оно «легко» соотносится с предложением *the steam powers the ship*. При этом упускается из виду, что само это соотношение — результат нашего знания экстралингвистической действительности. Ведь если представить себе марсианина, прибывшего на нашу Землю и знающего значения слов *steam* и *ship*, но не знающего о существовании самого предмета *steam ship*, то мы должны будем констатировать неясность смысловой структуры сложного слова *steam ship* для прибывшего к нам марсианина.

Сами процедуры и операции ТГ, какими бы искусными и тонкими они ни были, возможны только при условии, если мы, начиная эти операции, исходим из знания предметного значения сложного слова. Отсюда следует, что ввести в ТГ семантический аспект невозможно, так как введение семантики в ТГ по существу есть отказ от самой ТГ, ибо ТГ как раз исходит из «порождения» языковых единиц, в том числе сложных слов, из других единиц, например, словосочетаний или предложений путем правил, представляющих собой нечто вроде алгебраизованных действий, а в такие правила не может входить значение элементов, над которыми производятся эти действия. Не случайно поэтому рассуждения о введении семантического аспекта в ТГ либо звучат робко и неопределенно, либо выглядят в виде каких-то деклараций. Например, Л. Бауэр вводит в свои рассуждения термин *pragmatics* (*The term pragmatics will be used here in a wide sense to include the entire influence of the speaker's knowledge of the world — т.е. соотношение значения с экстралингвистическими факторами*) и в связи с этим термином пишет следующее: *“Exactly how any kind of pragmatic reference is to be built into the current models of generative grammar is unfortunately far from clear ... although some of the information required might be put in the lexicon. Here it will merely be assumed that pragmatic information must be available in the grammar in some way”*³⁶. Ср. в этой связи следующее суждение: «Хотя теперь и делаются все более частые попытки ввести в «репрезентации» еще и так называемую репрезентацию семантическую, все равно реальность языкового общения остается совершенно неразъяснимой. Трансформационалистские схемы не дают возможности правиль-

ного или убедительного анализа реальных высказываний, потому что они не в состоянии раскрыть подлинную морфосинтаксическую и лексико-фразеологическую его природу»³⁷.

3. Наконец, о возможности введения «поправок» в ТГ для использования ее в словосложении. Под поправками имеются в виду либо всевозможные усложнения математизированных или схематических («деревья») описаний сложных слов, либо введение таких понятий, которые дали бы неким чудодейственным образом возможность для формализованной трактовки значения сложного слова.

Некоторые лингвисты, понимая неспособность ТГ дать трактовку словообразования, относят это не к принципиальной непригодности ТГ для адекватного толкования фактов языка, а к ее недоработке. Так, Пеннанен считает, что «явный пробел (an obvious gap) в трансформационной грамматике состоит в том, что она не обеспечивает трактовку словообразования»³⁸.

Представляется, что анализ словосложения требует полного отказа от ТГ, как от ее положений, так и от ее терминов. Это основывается на том, что сложное слово, как, впрочем, и всякая другая единица языка, в рамках ТГ есть лишь объект для всевозможных операциональных преобразований, в то время как фактически сложное слово, как и всякое слово, есть средство номинации и неразрывно связано с обозначаемым им предметом. Поэтому и анализ его характеристик, в том числе и структурных, неотъемлем от анализа его значения (обозначение предметов действительности). Из этого, разумеется, не следует, что анализ сложного слова должен подменяться анализом предметов в их взаимоотношениях друг к другу. Анализ смысловой структуры сложного слова создаст предпосылки для наблюдения над закономерностями образования сложных слов того или иного типа, т. е. возможность выведения определенных «правил» образования сложных слов, если под последними иметь в виду закономерности и ограничения разного рода, другими словами, выявить «грамматичность»³⁹ сложного слова и другие его характеристики. Однако все это может быть достигнуто при решительном отказе от ТГ.

Введение пропозиционального глагола в анализ сложного слова

Желание видеть в каждом сложном слове свернутую синтаксическую конструкцию (универб) ведет к признанию неопременного наличия предикативности в сложном слове,

т. е. к отысканию в его структуре глагола-предиката. Эта тенденция восходит, в частности, к положению Ш. Балли о том, что всякое производное есть синтагма и, следовательно, может быть представлена предикативным словосочетанием или целым предложением. «Любая совокупность знаков, отвечающая формуле AZ , называется синтагмой; следовательно, синтагмой являются как предложение, так и любая большая или меньшая группа знаков, которую можно свести к формуле предложения»⁴⁰. Разумеется, всякую группу знаков можно назвать синтагмой. Однако при таком подходе стирается различие между синтагмой на уровне морфологического оформления формы слова (*book-s*), на уровне словообразовательного оформления производного слова (*teach-er*) и на уровне образования сложного слова из двух полнозначных основ (*steam + boat*). Эта тенденция поддерживается Е. С. Кубряковой, которая утверждает, что во всяком производном содержится в скрытом виде предикативность и что, когда мы говорим «он школьник», мы по существу говорим «он учится в школе»⁴¹.

Нужно отметить, что само соотнесение производных, в частности, сложных слов, а также номинативных конструкций, с предложением было подмечено давно. Так, еще О. Есперсен отмечал параллельность таких конструкций, как *He is an early riser* и *He rises early*⁴². Еще раньше отмечалось смысловое сходство таких конструкций, как «вода испаряется» и «испарение воды»⁴³. Однако из этого не делалось каких-либо далеко идущих выводов, и такие соответствия не были использованы как основа для трансформационных преобразований и уподобления разнооформленных конструкций друг другу с отвлечением от содержащихся в них тех или иных субстанциональных различий.

Введение пропозициональных глаголов в семантический анализ словосложения свидетельствует о вполне определенной тенденции в лингвистическом анализе вообще. Эта тенденция состоит в признании возможности представить все языковые явления в максимально эксплицитном виде, в возможности набросить ограничительно-интерпретационную сетку на все языковые факты и «исчислить» при помощи ограниченного набора глаголов возможные отношения и тем самым полностью исключить такие понятия, как имплицитность, неопределенность, невыраженность, а также возможность непосредственного выхода в экстралингвистический мир, нивелировать опору на ассоциации между предметом реальной действительности как источник непосредственного

восприятия значения языковой, в данном случае лексической, единицы. Недаром вслед за введением самой идеи пропозиционального глагола непосредственно следует попытка ограничить сам набор таких глаголов и установить определенные схематичные группы, классифицируемые по типовым глаголам.

Обращение к идее пропозиционального глагола при анализе семантики сложных слов находим у лингвистов самых различных направлений, при этом идея эта выступает либо в явном, эксплицитном, либо в скрытом, иногда неосознанном и имплицитном виде, но во всех случаях такое обращение является не чем иным, как данью синтаксизму в трактовке словосложения и тенденцией представить любое сложное слово как продукт редуцирования, свертывания предложения. Если это так, то, по мнению сторонников этого положения, каждое слово должно являть собой следы предложения, а в последнем неизменно должен присутствовать предикат — глагол-сказуемое. Введение пропозиционального глагола и есть по существу реконструкция этого предиката и ведет к такому анализу, который базируется на неприменимом признании в сложном слове так или иначе выраженной предикативной связи. Если она внешне не представлена, постулируется ее присутствие в скрытом виде. Применительно к единицам словообразования это решается, например, следующим образом: «Снятие предикативной связи исходного предложения восполняется «внутренним синтаксисом» деривата, который, именно из-за ее буквальной невыраженности, становится гибким средством передачи более разнообразных типов связей и отношений»⁴⁴.

Как бы аксиоматическим свидетельством синтаксичности сложного слова выступает такой подход, когда отсутствие оформленности отношений между компонентами сложного слова расценивается не иначе, как то, что они «сняты», «опущены», «изъяты» и т. п. Ср., например, высказывание Г. Марчанда: «В композите слово выступает как чистая неопределенная семантема (*nondeterminate semanteme*). Элементы синтаксической отсылки (*syntactic reference*) опущены (*are omitted*)»⁴⁵. Ср. также: «...синтаксические отношения в композите устранены и показатели этих отношений изъяты»⁴⁶. Факт же изначального отсутствия таких отношений и формирование сложного слова в отрыве от синтаксической базы считается, таким образом, в принципе невозможным.

Положение о предикативности сложного слова нередко используется и при анализе значения конкретных сложных

слов. Например, анализируя значение таких сложных слов, как *wine glass*, В. В. Гуревич считает, что в этом слове «соединение значений двух элементов происходит ... не непосредственно, а через восстановление «опущенного» (не выраженного отдельной лексемой) глагольного значения действия, которое и выступает как связующее звено». Далее говорится о том, что слово *wine glass* представляет собой стяжение предложения *The glass is meant to contain...* Наконец утверждается, что без введения такого актанта действия «соединение двух слов не будет возможным»⁴⁷. Здесь, как и везде в подобных случаях, дело обстоит диаметрально наоборот: непосредственное соположение слов *glass* и *wine* с опорой на категориальное значение *glass* — место (точнее, вместилище для...) формирует значение сложного слова «стакан (бокал) для вина» без обращения к посреднику в виде глагола-предиката. Введение глагола-предиката, например, *to contain*, есть следствие нашего знания значения слова и является фактором лингвистического анализа, фактором репрезентации, а не имманентно присутствующей категорией сложного слова. Сложному слову *wine glass* можно приписать и другую перифразу — *the glass is for wine* и тогда, очевидно, здесь будет усмотрено не «вместилище», а «предназначение». Это еще раз свидетельствует о том, что перифразы, трансформации и т. п., в частности такие, которые содержат глагол-предикат, — фактор вторичный, репрезентационный, а не фактор, внутренне присущий сложному слову.

Последовательное соблюдение положения о наличии глагола-предиката в смысловой структуре сложного слова ведет к необходимости устанавливать предикат в виде фактического материализованного предиката-глагола, а стремление к сведению сложных слов в те или иные группы ведет к установлению обобщенных репрезентативных глаголов для каждой группы. В случае невозможности отыскать такой глагол предлагаются всевозможные способы к оправданию идеи предикативности в сложном слове. На этом пути возникает много трудностей, которые лингвисты пытаются всячески преодолеть, вводя для этого всевозможные искусственные приемы. Так, Р. Лиз, анализируя сложные слова, которым он приписывает синтаксические отношения «подлежащее — дополнение», говорит, что для них можно было бы «сформулировать правила порождения в терминах одного или нескольких индивидуальных глаголов, таких как *take*, *yield*; *cause*, *produce* etc. «К сожалению, — продолжает Р. Лиз, — вряд ли все члены одного большого продуктивного класса «подлежащее — дополнение» могут рассматривать-

ся в терминах нескольких специальных глаголов»⁴⁸. Стремление к установлению предикативности сложного слова приводит некоторых лингвистов прямо к анекдотичным предложениям. Так, Л. Бауэр предлагает постулировать наличие «проверба» (Pro-verb) в толковании любого сложного слова. Такой глагол вообще не будет иметь формы поверхностной структуры (по surface structure) и будет интерпретироваться как глагол, который «стоит в таком отношении, какое можно было бы ожидать с учетом всех контекстуальных факторов»⁴⁹. Это суждение перекликается со следующим высказыванием: "...each compound is V-ways ambiguous, where V is approximately the number of simple transitive verbs in the language"⁵⁰. Возникает вопрос: что дают эти математикоподобные выкладки с введением нигде не существующих глаголов для анализа сложных слов реально существующего национального языка?!

Продолжая, однако, далее рассуждение о таком положении с воображаемыми глаголами и понимая неудовлетворительность этой ситуации, указанные авторы отмечают: "...the underlying verb is not recoverable by any generative process that we know of. We have thus implicitly relegated the problem of the appropriate verb to the semantic component of the grammar, where we have much company in our ignorance"⁵¹. Комментарии к этому высказыванию излишни.

Итак, возникают следующие два вопроса: 1) на каком основании указанные выше и другие исследователи считают, что все сложные слова суть редуцированные предложения с «опущенным» глаголом? и 2) что дает попытка введения пропозициональных глаголов при интерпретации значения сложных слов? Дать сколько-нибудь удовлетворительные ответы на эти вопросы весьма затруднительно. Всякая попытка ввести пропозициональный глагол в анализ смысловой структуры сложного слова наталкивается на непреодолимые препятствия, как только мы сталкиваемся с более или менее сложной смысловой структурой композиты. При этом трактовка таких случаев также заслуживает внимания. Например: "...if the co-occurrence of two nouns fails to pick relevant verbs the compound becomes incomprehensible: milk-planet, fatherman"⁵². При такой трактовке мы отсылаемся не к значению сложного слова, а к какой-то имманентной способности или неспособности двух существительных выбирать соответствующий глагол. А между тем анализ значения композиты с введением глаголов-предикатов по существу ничего не дает для проникновения в смысловую структуру композиты. Так,

в одном из примеров такого анализа слово *milkman* анализируется следующим образом: *man sells milk*

delivers

handles

C

Совершенно очевидно, что на месте значка *C* (и т. д.) может появиться любой глагол, описывающий любое мыслимое действие человека по отношению к молоку, оставляя в стороне реальное лексическое значение этой композиты, в то время как в данном случае, как и вообще в аналогичных случаях, мы имеем дело с двумя уровнями значения композиты — структурно-семантическим (человек, имеющий отношение к молоку) и лексическим (человек, который продает или доставляет молоко).

В других случаях само введение пропозиционального глагола не только не проясняет значение композиты, а, напротив, как бы затемняет совершенно ясное значение сложного слова. Так, при ясном значении слова *book page* введение каких-либо глаголов-предикатов (*The book contains pages, the page belongs to the book*) лишь уводит нас от совершенно ясного смыслового логико-предметного взаимодействия частей сложного слова *book* и *page*.

Рассуждениям о пропозициональных глаголах, якобы обязательно присутствующих в сложном слове, можно противопоставить суждение о том, что компоненты сложного слова, обозначая предметы действительности, вступают между собой в непосредственную смысловую связь, формирующуюся как отражение связи между предметами (например, «предмет» + «вместилище для него» = *wine glass*) и не нуждающуюся в невыраженной, но якобы наличествующей, предикативной связи. В таких случаях «значение является значением отношения, понимаемым в отвлечении от всякой конкретности участвующих в данном построении слов»⁵³. Можно согласиться с О. В. Долговой в том, что вполне возможна связь «по смыслу» и что в такой связи «видеть в таких образованиях «пропуски», «опущения» или «подразумевания» глагола нет никаких оснований»⁵⁴. Таким образом, возможно как предикатное (при помощи глагола-предиката), так и беспредикатное выражение мысли, последнее тем более возможно в акте номинации, чему и служит сложное слово. В отличие от подчеркивания предикативного характера сложного слова при обращении к его структурным характеристикам, для плодотворного изучения именно се-

мантических аспектов словосложения необходимо подчеркивать характеристику сложных слов как непредикативных номинативных единиц.

О выведении значения сложного слова на основании его структуры

Некоторые лингвисты считают, что «...между грамматической структурой сложного слова и его лексическим значением существует определенная связь и что грамматическая структура до некоторой степени предопределяет лексическое значение сложного слова». Например: «...не зная компонентов сложного слова существительного *stargazing*, можно определить, что компонент *gazing* «наблюдение» «созерцание» означает какое-то действие, направленное на предмет, обозначенный компонентом *star* «звезда». Действительно, целостное значение рассматриваемого слова — созерцание звезд»⁵⁵. С этим никак нельзя согласиться, ибо «не зная компонентов сложного слова», нельзя ничего определить. В данном случае, только зная значение первого компонента и принимая его как объект действия, выраженного вторым компонентом, и, более того, только зная, что наблюдение звезд существует в человеческой практике, мы можем вывести значение всего образования. Сама же структура *stargazing* совершенно ничего не говорит о значении сложного слова. В самом деле, при другом лексическом наполнении структуры $N + Ving$ мы получим другие отношения между компонентами и другие значения: *bottom-dwelling (fishes) = (fishes) dwelling at bottom*; *metal-cutting (machines) = (machines) cutting metal*; *church-going (people) = (people) going to church*; *ocean-going (vessels) = (vessels) travelling on the ocean*. Эти примеры свидетельствуют, в частности, о том, что сами связи определяются лексическим (предметным) значением элементов. Чисто структурного значения не существует.

В цитируемой выше работе говорится: «...рассматриваются те случаи перевода сложных существительных, когда помощь словарей и знание контекста еще не достаточны для того, чтобы перевод был адекватным, и возникает необходимость прибегать к структурно-семантическому анализу переводимого слова»⁵⁶. Но ведь структурно-семантический анализ сам есть следствие нашего знания о значении частей слова и смысловом взаимодействии этих частей. Попытку представить структуру словосочетания близкого к сложному слову как фактор, определяющий его значение, находим,

например, в работе М. И. Павловской. «Под структурным значением, — пишет М. И. Павловская, — нами понимается значение, сигнализируемое определенной грамматической структурой и являющееся выражением связей и отношений между компонентами синтаксических единиц.

...Диагностирующая способность структурных моделей различна. В одних случаях модель однозначно соотносится с одним структурным значением (является моносемантической), в других случаях соотносится с несколькими структурными значениями (является полисемантической)⁵⁷. Однако и этот автор вынужден тут же «уступить»: «...в случае полисемантической модели обычно трудно составить представление о содержании словосочетания, исходя из его структуры, поскольку в группу словосочетаний (имеющих одинаковую структуру (форму) попадают словосочетания с различными отношениями между компонентами, т. е. одна грамматическая структура сигнализирует одновременно несколько структурных значений». И далее: «...способность полисемантической модели сигнализировать сразу несколько структурных значений возникает в результате того, что на формирование структурного значения словосочетания, кроме структуры словосочетания, оказывает очень большое влияние заполняющий структуру лексический материал. Принадлежность компонентов словосочетаний к различным семантическим группам приводит к установлению между ними различных отношений, отражающих факты реальной действительности, т. е. формированию различных структурных значений».

Таким образом, в конечном итоге, как и Г. Марчанд, М. И. Павловская приходит к выводу о решающей роли семантики компонентов в формировании значения сложного слова. «К плану содержания относятся синтаксические отношения между компонентами словосочетаний, адекватно отражающие отношения, существующие между предметами и явлениями реальной действительности»⁵⁸. Противопоставим этому следующее высказывание: «...как в эндоцентрических структурах, так и особенно в экзоцентрических, мы не можем выводить значение сложного слова из значений его компонентов, не прибегая к использованию экстралингвистической информации»⁵⁹.

О правилах в словосложении

Понятие «правило» и понятие «словообразование» нередко встречаются вместе, что свидетельствует о попытках лингвистов свести закономерности, регулирующие словооб-

разовательные процессы, к строгим правилам. Естественно, что само понятие «правило» применительно к словообразованию трактуется в прямой зависимости от того лингвистического направления, в рамках которого осуществляется эта трактовка. Приведем в связи с этим несколько примеров. Р. Кверк пишет: «...изменения в словаре, происходящие путем словообразования, в дополнение к интересу с точки зрения культуры и истории представляют собой и чисто лингвистический интерес. Другими словами, существуют образцы, поддающиеся абстрактному описанию, которые объясняют закономерности в новых словах, которые мы образуем, и объясняют также, почему определенные образования были бы маловероятны или невозможны (такие, как отрицательные прилагательные *ableungovern) ... Это не значит, что правила словообразования доступны говорящему так же, как и правила образования предложений. В то время как почти каждое предложение, которое мы образуем *ad hoc* и которое таким образом является «новым предложением», мы сравнительно редко образуем «новое слово», а в тех случаях, когда мы это делаем, наши слушатели или читатели более или менее осознают как его новизну, так и редкость, и относятся к нему как к новому явлению. При этом они обычно в состоянии отличить новое слово, которое построено правильно (например, *This wretched cupboard is ungetinable*), от неправильно построенного слова (**getunablein*). В этих пределах словообразование оказывается интересным образом подчиненным правилам, и В. Адамс подробно рассматривает много сложных видов регулярностей, которые можно наблюдать. Однако особую похвалу она заслуживает за то, что она противостоит искушению запрятать под искусно смоделированным ковром индивидуальные случаи идиосинкразии, которые, по крайней мере, не менее характерны для созидательной (*creative*) стороны лексики»⁶⁰. В связи с этим заметим, что признать факт по крайней мере в определенной мере непредсказуемости значения в сложном слове, значительной доли невозможности семантического моделирования словосложения, это значит подойти реально к проблемам словосложения в отличие от нереальных попыток упрятать все в уготовленные модели и схемы.

Как видим, в этом случае понятие «правила словообразования» сводится к закономерности последовательности морфем в производном слове: *ungetinable* — «правильно», *getunablein* — «неправильно». Естественно, что такое понимание «правил словообразования» не вызывает никакого возраже-

ния. Что касается правил образования сложных слов, то здесь следует воздержаться от попыток сформулировать глобальные, грамматически регулярные правила. Вместо этого следует попытаться отыскать структурно-семантические закономерности, определяющие формирование сложного слова. Представляется, что правила словообразования в лучшем случае могут выглядеть как «правила от обратного», т. е. как запреты и ограничения, накладываемые на формирование сложного слова той или иной модели, причем весьма вероятно, что характер закономерностей может оказаться тесно связанным с самой моделью.

В рамках синтаксического словообразования не только понимание, но и создание производных слов оказывается возможным, скорее, как некое операциональное моделирование, нежели чем отражение предметов реальной действительности. Сравните такое, например, высказывание: «В определенном смысле словообразование сходно с синтаксисом, и построение словообразовательной модели близко к построению синтаксической: на основе уже зафиксированных образцов следует создать модель, которая была бы применима не к ним одним, но и к потенциально возможным объектам и которая отразила бы в исчислимом и конечном множестве символов неопредельное и бесконечно большое количество реальных и потенциально возможных объектов»⁶¹. Особо примечательно в этом высказывании стремление к моделированию «в исчислимом и конечном множестве символов». Ср. также: «...создание производного осуществляется в ходе применения определенной формальной операции, общее число которых в данном языке конечно и исчислимо; существование этих регулярно повторяющихся в одних и тех же номинативных целях формальных операций, лежащих в основе разных способов словообразования, позволяет устанавливать словособразовательные модели в опоре на объективные критерии; это позволяет представить процессы словособразования как процессы моделирования единиц по определенным правилам и тем самым сблизить их с чисто грамматическими видоизменениями слов»⁶². Возражение здесь вызывает опять же неодолимая тенденция к тому или иному виду формализации, в данном случае формализации самого языкотворческого процесса. Из приведенного выше высказывания следует, что в акте номинации говорящие занимаются не чем иным, как «применением формальных операций». Вряд ли это так. При наименовании предмета при помощи того или иного словообразовательного средства говорящие меньше всего заняты выполнением формальных

операций. Говорящие — не языковые машины, они мыслительно увязывают свое представление о предмете с имеющимися в их распоряжении языковыми средствами и способами. Мыслительная техника, в основном, очевидно, представлена опорой на аналогичные слова, т. е. образование слов по моделям, но не в виде выполнения формальной операции, а в виде интуитивного следования образцу. В самом деле, если бы акт номинации можно было бы свести к «определенной формальной операции, общее число которых в данном языке конечно и исчислимо», словообразование действительно можно было бы представить «как процессы моделирования единиц по определенным правилам и тем самым сблизить их с чисто грамматическими видоизменениями слов».

Ср. другое мнение: «...словообразование по модели всегда базируется на ассоциативных отношениях между словами, ощущаемых носителями языка»⁶³. В этой связи чрезвычайно важно подчеркнуть, что роль модели и «моделирования» в современном анализе словообразования чрезвычайно преувеличена. Более справедливо следующее соображение: «...чтобы собразовать новое слово, индивид (носитель языка) должен ощущать некие обобщенные свойства уже существующих слов. Модель — это лишь средство реализации устанавливаемой аналогии, отпечатанное в мозгу индивида»⁶⁴. Именно потому, что номинация не зиждется на формальной операции, словобразование никогда не может быть сведено к «чисто грамматическим видоизменениям основ». Последнее действительно происходит по грамматическим правилам. Так, известны грамматические правила образования множественного числа, склонения, спряжения и многие другие. Однако неизвестно правило для выбора суффикса при образовании, например, наименования деятеля от глагола, сравни *летать* — *летчик*, а не «*летатель», но *истреблять* — *истребитель*, а не «*истребитчик». Число «операций», безусловно, «конечно и исчислимо», но выбор их недетерминирован, что и устанавливает принципиальное отличие словообразования от грамматики.

Иногда делаются попытки приравнять механизм понимания слова к механизму понимания предложения. Анализируя концепцию Пеннанена, В. Адамс пишет, что согласно этой концепции способность производить и понимать новые слова представляет собой, очевидно, такую же часть нашей лингвистической компетенции, как и способность производить и понимать новые предложения (под словом здесь имеется в виду производное слово, так как речь идет вооб-

ще о словообразовании). Однако и применительно к производным, особенно сложным словам, такая аналогия неправомерна. Если предложение можно «понимать» структурно, т. е. понимать только связи между словами (о чем свидетельствуют хрестоматийные примеры типа «глокой куздры»), то в производных словах эта возможность в значительной степени уменьшается (так, в русском производном слове типа V-тель можно утверждать, что значение этого слова «тот или то», что выполняет действие V, а в производном N-ник таких утверждений будет гораздо больше и зависеть они будут от значения N), в то время как в сложном слове такая возможность вообще исключается, что особенно наглядно видно на примере английских сложных слов типа N + N.

В зарубежной лингвистике в последнее время основной заботой исследователей словосложения стал поиск «правил» преобразования предложений в сложные слова. Вскоре, однако, стало ясно, что, если и могут быть такие правила, то они настолько отличны от грамматических правил, что вряд ли вообще о них следует говорить как о правилах. Скорее, они могут быть названы определенными закономерностями. Сама возможность производить новые слова «по правилам», подобно построению предложений, вообще весьма ограничена. Об этом говорит, например, В. Адамс: «Несоответствие грамматичности (grammaticality) и приемлемости (acceptability)... гораздо больше там, где мы имеем дело со словами, чем там, где мы имеем дело с предложениями. Оно (несоответствие) настолько велико, что занятие составлением «правил» для образования слов до сих пор представляется многим лингвистам занятием с весьма сомнительной пользой»⁶⁵.

Вместе с тем в попытках построить формализованные и чуть ли не глобальные правила словосложения была рассмотрена вполне реальная возможность вывести конкретные закономерности построений сложных слов и ограничений, накладываемых на определенные модели. Так, английские сложные слова типа «существительное + причастие II», а также сложные слова типа «существительное + прилагательное» образуются согласно закономерностям, которые вполне могут быть выявлены и сформулированы. Упомянутые сложные слова типа capacity-filled, hardware-detected, pattern-sensitive, В. Адамс говорит, что «мы, вероятно, можем преобразовать любое словосочетание, состоящее из прилагательного/причастия + предлог + существительное, в сложное прилагательное, если мы это посчитаем удобным»⁶⁶. Это

неверно, так как преобразование таких словосочетаний в сложные слова регламентируется тем простым фактом, что во многих таких преобразованиях в силу определенных причин образуется незначимая единица или единица, значение которой отличается от исходного словосочетания. Например, *accounts written on the subject* не может быть представлено как **subject-written (accounts)*, так как такое образование не имеет значения. При попытке представить словосочетание *reforms (forced) on capitalists* сложным словом *capitalist-forced (reforms)* мы получим образование, отличное по значению от исходного словосочетания, а именно: *(reforms) forced by capitalists*. Такие же ограничения возникают и при попытках преобразовать словосочетания типа *A + prep + N* в сложные слова *N + A*. Например, словосочетание *(operation) free from accidents* свертывается в значимое сложное слово *accident-free (operation)*, в то время как словосочетание *(parks) free to public* при свертывании в *public-free (parks)* не даст сложного слова, равного по значению исходному словосочетанию. Таким же образом легко показать «несвертываемость» словосочетаний, состоящих из прилагательного, существительного и предлога, выражающего отношения между ними. Например, последовательности **appearance-alike*, **stomach-awful*, **eye-bad* не имеют никакого значения в отличие от синтаксических конструкций *alike in appearance*, *awful for the stomach*, *bad for eyes*. В этом и состоит принципиальное отличие словосочетания от сложного слова, т. е. в том, что первое способно выразить любые отношения, так как для этого используются предлоги — показатели этих отношений, в то время как сложное слово, лишённое эксплицитных показателей отношений между компонентами, формирует свою смысловую структуру по другим принципам, которые и составляют суть закономерностей (а не правил) словосложения. Проследить эти закономерности — значит описать тот или иной тип словосложения. Такое описание вовсе не может быть приравнено к правилам.

Пример описания закономерностей словосложения см., в частности, в моих работах⁶⁷. Так, для описания закономерностей, действующих при образовании сложных слов *N + p II* и выявленных лишь на ограниченном материале, потребовалось более 40 страниц, при этом вопрос о возможности/невозможности образования того или иного конкретного сложного слова по этой модели во многих случаях оставался открытым. Ясно, что так не могут выглядеть «правила». В лучшем случае это — описание закономерностей.

В защиту существования правил словосложения иногда выдвигается, например, тот факт, что даже иностранец, усвоивший в той или иной мере чужой язык, способен создавать сам сложные слова, которые он раньше не слышал. Из этого делается вывод о том, что он следует определенным правилам, а, следовательно, вывод о том, что такие правила имеются (см., например, Л. Бауэр, с. 11).

Безусловно, при создании в речи производных слов как на родном, так и на иностранном языке, говорящие опираются на правила. Весь вопрос, однако, в том, что имеется в виду под «правилами». Если правила — это определенные закономерности, аналогии и т. д., которым говорящий интуитивно или осознанно следует в речи, то, конечно, правила словосложения существуют. Если же под правилами имеются в виду всевозможные математизированные преобразования, «поднимающие глубинные структуры на поверхность», то от признания наличия таких правил следует отказаться.

В результате нового подхода появились «грамматики» словосложения, см. Р. Лиз, Бауэр, т. е. описания, претендующие на установление правил образования и понимания сложных слов. Однако эти описания отнюдь нельзя называть грамматиками в обычном понимании. Так, изучив грамматику какого-либо иностранного языка, изучивший может строить грамматически правильные конструкции и понимать таковые в тексте или в речи иностранца (мы, разумеется, отвлекаемся здесь от ряда других условий: знание лексики, распознавание смонимии и пр.). Изучив же «грамматику словосложения» подобного толка, невозможно строить и понимать «правильные» слова. Все рассуждения о правилах словосложения оказываются весьма туманными и заканчиваются неизменным обращением к предмету, который обозначен сложным словом. Вот одно из многочисленных таких рассуждений: «При разработке (весьма характерно здесь само слово — *devising* — О. М.) словосложения мы учили этот факт (соотнесенность сложного слова с различными выражениями — О. М.), заявив, что глагольные или предложные отношения являются неопределенными (*unspecified*), что эти отношения должны пониматься как про-форма (*pro-form*). Однако это игнорирует тот факт, что говорящий-слушающий часто знает больше, чем дает правило. В этом случае сложное слово стало лексической единицей (*lexical item*) с установившимся или замороженным (*frozen*) значением»⁶⁸. Рассмотрим это рассуждение. Прежде всего, в нем отмечается хорошо известный и само собой

разумеющийся факт, а именно то, что одно и то же сложное слово может соответствовать нескольким словосочетаниям. Важно здесь, однако, то, в чем усматривается причина этого. Причина состоит в том, что при невыраженности отношений между компонентами они могут быть любыми мыслимыми, как отражающие любые мыслимые отношения между обозначаемыми предметами, о чем несколькими строчками выше говорят и авторы цитируемой работы на примере слова *horse-cart*, которое могло бы обозначать «повозку в форме лошади» (ср. а *box-car*), «повозку, которую везет лошадь» (ср. *dog-sled*), «повозку, в которой перевозят лошадей» (ср. *passenger-car*) и т. д. Важно и другое, а именно, что значение сложного слова устанавливается конвенционально, закрепленно, в зависимости от обозначаемого предмета. Это хорошо показано на примере О. Есперсена со словами *home-sick* и *sea-sick*. О. Есперсен, однако, не находит в этом ничего особенного, так как он не стремится установить правила, а связывает значение сложного слова с обозначаемым им предметом, а не с процессом «рождения по правилам». Далее делается известная также и по другим работам апелляция к так называемой лексикализации, «замороженному смыслу» и т. п. Следует решительно возразить против понятия лексикализации, фразеологизации производного, в частности, сложного слова. По существу всякое сложное слово фразеологично в том смысле, что его значение известно нам потому, что нам известен референт.

Одно из пониманий правил словообразования представлено в книге В. Адамс “*Introduction...*”, где имеется специальная глава “*Word-formation and Rules*”, где автор понимает под правилом возможность следовать полностью продуктивному образцу. Ср. также: «Производные не могут быть заданы закрытым списком, они задаются правилами их образования. Подобно тому, как при каждом существительном нет смысла приводить полностью все реализующие его словоформы, ибо они заданы парадигмой для целого класса слов, не при всяком слове следует давать образованные от него производные. Отдельная фиксация производного оправдана только появлением у него непредсказуемых свойств как в плане семантики, так и в плане формы»⁶⁹.

Весьма примечательным в этом высказывании являются слова «не при всяком слове». Следовательно, если не при всяком, то при каких именно словах давать их производные? Как следует из вышеприведенной цитаты, надо приводить в словаре такие производные, у которых появляются

непредсказуемые свойства, но предсказуемо ли появление непредсказуемых свойств? Сами «правила» или, точнее, закономерности образования сложных слов могут быть представлены как зависящие в определенной степени от факторов формирования смысловой структуры, т. е. можно выявить, что запреты на образование сложного слова возникают там и тогда, когда объединение двух основ не может дать значимой единицы. «Правила» должны выводиться для каждой модели слов. Следует различать «грамматические» ограничения (ср.: грамматичность сложного слова) и лексические ограничения. Последние неизбежно приобретают экстралингвистический, социально-обусловленный характер. Это хорошо показано на примере сложных слов *sea-air* и *island-air* в книге Б. Уоррен: "Comparing the combinations *sea-air* and *island-air* out of the context, we find *sea-air* acceptable but *island-air* odd. This is because the comment in *sea-air* suggests to us a class delimiting feature (ozone-rich?), but fails to do so in *island-air*. *Island-air* could, however, be acceptable in a context where it is clear that the comment serves to identify some specific air, in which case the compound would be understood to refer to the air of some specific known island(s), and not the air of islands in general"⁷⁰. Продолжая эти рассуждения, мы можем привести и такие приемлемые сочетания, как «горный воздух», «деревенский воздух», в отличие от «странных» сочетаний, например, «долинный воздух», «речной воздух» и т. п.

Тенденция подвести все языковые явления под действие правил применительно к сложным словам выражается в поисках правил «свертывания» предложений и словосочетаний в сложные слова и, наоборот, правил «развертывания», «трансформации» сложного слова в предложение. Р. Лиз, например, ставит своей задачей выявить набор правил, по которым образуются сложные существительные (set of rules by means of which new nouns are created). По мнению Р. Лиза, структура сложных существительных отражает основные грамматические отношения, существующие между членами предложения (When we examine the internal structure of more complex nominals we see that it usually incorporates the major grammatical relations found in whole sentences), а поэтому «правила» есть предписания о трансформациях, ведущих от предложения к сложному слову. В погоне за такими правилами предлагается полностью оторвать сложные слова от передаваемых ими значений, другими словами, от обозначаемых ими предметов, а отношения между компонентами сложного слова — от отношений меж-

ду предметами реальной действительности, обозначенных сложным словом. При таком подходе исключается тот факт, что само восприятие сложных слов происходит благодаря соотнесению сложных слов с называемыми ими предметами и теми физическими отношениями, которые отражаются в отношениях между компонентами сложного слова.

К сожалению, авторы, приводящие классификации сложных слов по установленным ими синтаксическим отношениям, не проверяют свои правила и классификации на сколько-нибудь представительных списках примеров. С другой стороны, сами правила выводятся дедуктивно, т.е. тоже в отрыве от самого языкового материала. Правила иллюстрируются не сплошными списками сложных слов, отобранными из текстов или из словарей, а списками, специально подобранными авторами. Следует также иметь в виду, что сложное слово далеко не обязательно отражает синтаксические отношения. Сложные слова часто формируются на базе ассоциативных связей, лежащих в основе физических связей между предметами. При этом многим сложным словам, особенно в английском языке, присуща неопределенность, в их смысловой структуре присутствует эллиптичность.

Нерегулярность процессов словосложения, а потому неохватываемость их правилами справедливо подчеркивается по самым разным поводам. Например: «Хотя в английском языке много сложных слов, процесс словосложения не очень поддается лингвистическим исследованиям, направленным на обобщения. Словосложение предстает как нерегулярное явление во многих отношениях. Рассмотрим сначала кажущуюся несистематичность комбинации морфем: мы говорим *Englishman* и *Irishman*, но не говорим *Germanman* и *Spanishman*; существует слово *into*, но нет слова *inthrough*; человек может быть известен за свой *putons*, но не за свои *jumpins*; мы можем выполнять действие *sunbathe*, но не действие *rainstand*.

Нельзя и предвидеть часть речи при образовании сложного слова: *earthquake* — существительное, образованное из существительного и глагола; *sunbathe*, которое также содержит существительное (*sun*) и глагол (*bathe*), — глагол ...»⁷¹.

Весьма важным представляется следующее суждение: «Одной из основных трудностей построения генеративного словообразования является создание правил порождения семантически нерегулярных конструкций (или — в нашей терминологии — конструкций с инвариантными аффиксами). Но даже для решения более скромной задачи, поставленной в некоторых работах, — построения правил порождения не-

регулярных конструкций не в их реальном лексическом значении, а в «структуральном» значении, т. е. в значении, равном сумме значений составляющих морфем, — необходимо знать значение этих морфем, в том числе инвариантных. Значение инвариантных морфем — это тот участок семантико-словообразовательного поля, в котором находятся и контекстные значения данной морфемы; этот участок очерчен теми семантическими границами, в пределах которых возможны новообразования с помощью данной морфемы»⁷².

Кратко резюмируя данный раздел, можно сказать, что при синтаксическом подходе затуманивается характер и степень эксплицитности и имплицитности в смысловой структуре сложного слова, а также нивелируется ряд особенностей сложного слова: наличие или отсутствие прямых (непосредственных) смысловых связей между компонентами, наличие или отсутствие смыслового эллипса, в стороне остается вопрос о совокупности средств, действующих для создания номинативной базы сложного слова. Обращает на себя внимание и то немаловажное обстоятельство, что предложения, якобы лежащие в основе тех или иных сложных слов, в ряде случаев носят искусственный характер и являются лишь обратной подгонкой под иллюстрируемые ими сложные слова.

В заключение отмечу, что тесная взаимосвязь трансформационалистских тенденций с синтаксизмом и их «недружелюбие» к семантике хорошо сформулированы, например, У. Чейфом, который описывает два взгляда, господствовавших в американском языкознании, начиная с 1920-х годов: «Первый из них, преобладавший до конца 50-х годов, часто фигурирует под названием структурализма. Взгляд, который ... все еще доминирует, носит такие названия, как трансформационная или порождающе-трансформационная теория. Я буду называть ее синтаксизмом... Оба эти взгляда базировались на принципиальном недоверии к семантическим данным»⁷³.

Часть II

“Definition is ordinarily supposed to produce clarity in thinking. It is not generally recognized that the more we define our terms, the less descriptive they become and the more difficulty we have in using them...
... The extreme cases are different enough, but when we start out to make precise definitions of our words, or to classify cases, the differences start to blur.”

Maston Bates. *The Forest and the Sea*

I. ИДЕНТИФИКАЦИЯ СЛОЖНОГО СЛОВА

Проблема идентификации сложного слова английского языка является чрезвычайно сложной и может, очевидно, «претендовать на звание» одной из сложнейших в лингвистической науке. Сложность ее многоаспектна и многопланова.

Во-первых, как известно, в аналитических языках формальные признаки, позволяющие отграничить основу слова (компонент сложного слова) от слова (элемента словосочетания), найти чрезвычайно трудно и само использование этих признаков не имеет прочных, хорошо обоснованных критериев, что объясняется отнюдь не недостатками в разработке проблемы, а природой самого объекта, которая часто вообще исключает однозначное решение. Попытки применения то одного, то другого, то третьего (семантического, морфологического, фонетико-орфографического) признака, а также признание какого-либо признака то ведущим, то вспомогательным, или же попытки использования комбинации признаков неизменно наталкиваются на трудности, подчас непреодолимые при практическом применении этих критериев к анализу конкретного материала — многочисленных лексических единиц, как тех, которые являются принадлежностью языка, так и тех, которые постоянно возникают в речи.

Во-вторых, сам подход к сложному слову может производиться с разных позиций, например, словообразовательной и морфологической, что ведет к тому, что, признавая ту или иную лексическую единицу сложным словом с морфологических позиций, мы можем отказать ей в статусе сложного слова, подвергая ее словообразовательному анализу. Отсюда такие оппозиции, как деривационно сложное слово — мор-

фологически сложное слово; подлинно сложное слово — сложнопроизводное слово; подлинно сложное слово — псевдосложное слово; собственно сложное слово — синтетически сложное слово.

В-третьих, при изучении сложных слов и сравнении их со смежными лексическими единицами лингвисты нередко наделяют их такими характеристиками, которые вносят дополнительные трудности в проблему идентификации сложного слова, а также предопределяют дальнейшую стратификацию внутри изучаемого объекта. Сюда же можно отнести и попытки разработать операциональные приемы отграничения сложных слов от внешне сходных образований, которые, по мнению их авторов, должны дать объективные критерии для идентификации исследуемых единиц в отрыве от их субстанциональных признаков.

В-четвертых, при выделении сложных слов возникает более одной оппозиции, а именно: сложное слово — простое слово; сложное слово — производное, например, аффиксальное слово; сложное слово — словосочетание; наконец, сложное слово как окказиональное образование, потенциальное и т. п. слово — сложное слово, как лексическая единица языка, зафиксированная в словаре.

Решение задачи идентификации сложного слова, даже если оно никогда не может быть окончательным, способствует расширению и уточнению наших знаний об изучаемом объекте — сложном слове английского языка. Поэтому можно утверждать, что сами попытки идентификации сложного слова, даже если они оказываются безуспешными или практически малоценными, способствуют совершенствованию наших знаний как о сложном слове, так и о сопоставляемых с ним единицах. Именно на этом основании и предпринимается здесь обзор проблематики идентификации сложного слова, при этом в качестве основной задачи выдвигается не формулирование критериев для отнесения рассматриваемых единиц к сложному слову, а описание самой проблематики, которую схематично можно представить следующим образом:

— словообразовательно-морфологическая идентификация, т. е. отличие сложного слова от морфологически одноосновного слова;

— деривационная идентификация, которая определяет статус исследуемой единицы с позиции деривационной истории слова;

— словарно-лексикографическая идентификация;

— лингво-исследовательская идентификация, т. е. страти-

фикация внутри класса сложных слов, уже отнесенных к таковым на основании тех или иных принятых признаков.

Оппозиция «сложное слово — простое слово»

При разграничении морфологически сложных и простых слов острие анализа направлено в диахронию. Известно, что многие слова, сложные по морфологическому составу, в прошлом, претерпели упрощение и стали морфологически простыми (woman ← wīf + man, lord ← hlāf + weard). Таким образом, эта проблема является преимущественно этимологической и рассматриваться здесь не будет.

Оппозиция «сложное слово — словосочетание»

Эта оппозиция является наиболее сложной для английского языка как языка аналитического строя, а также и для других языков, где нет четкого противопоставления «основа — слово». Небезынтересно, что эта оппозиция возникает и в языках, весьма далеких от английского. Исследователь японского языка А. А. Пашковский пишет: «...когда именны́е основы — компоненты сложных слов — и имена существительные — члены словосочетаний — материально совпадают, сложное слово трудно отличить по морфологическому признаку от словосочетания»². То же отмечается и для тагальского языка как одного из индонезийских, «в которых «цельнооформленность» не имеет существенного значения в силу ограниченного использования формообразовательных средств»³. То же подмечается и в тюркских языках: «...некоторые исследователи не всегда правильно отличают сложные слова от словосочетаний. Конечно, различать их очень трудно, порою совершенно невозможно»⁴.

Напротив, в русском языке как в языке с хорошо выраженным флективным строем, как правило, не возникает трудностей разграничения между сложным словом и словосочетанием.

Возвращаясь к английскому языку, можно отметить, что проблема разграничения сложных слов и материально совпадающих с ними словосочетаний оказалась в центре многочисленных исследований и заняла место, явно непропорциональное той практической значимости, которая могла бы вытекать из ее решения. Лингвисты оказались как бы в плену у этой проблемы, нельзя уйти от нее и нам.

При рассмотрении различных лексических единиц с целью отнесения их к сложным словам или к словосочетаниям может быть два подхода — глобальный и индивидуальный;

при первом устанавливается общий критерий, распространяемый на весь корпус образований данного типа, при втором испытанию подвергается каждая данная лексическая единица с целью отнесения ее к одному из классов объектов.

Примером первого подхода является соображение, которое, в частности, находим в работе В. И. Шадрина: «Сложность проблемы (проблема образований типа *stone wall*) объясняется особенностями строя английского языка, который предполагает возможность атрибутивной функции для существительных в общем падеже без предлога, а также парадигматическую неоформленность имени прилагательного. Неразличимость существительного в функции препозитивного определения и прилагательного, выполняющего ту же функцию, ведет к тому, что, признавая определяющий компонент атрибутивного образования основой имени существительного, мы обязаны отнести комплекс к сложным словам (как состоящий из двух субстантивных основ), определяя тот же самый компонент как прилагательное, мы вынуждены считать данное атрибутивное образование словосочетанием»⁵.

При индивидуальном подходе для идентификации каждой данной единицы включается весь имеющийся аппарат с использованием семантических, морфологических и фонетико-орфографических признаков и их разнообразных комбинаций с опорой на принцип «цельнооформленности», предложенный А. И. Смирницким.

При опоре на фонетический признак нередко оказывается, что семантически монолитные образования могут не иметь обобщающего ударения и, что реже, наоборот, образования с обобщающим ударением могут не обладать достаточной смысловой спаянностью.

Что касается орфографического принципа, то единственное, что можно с уверенностью утверждать для английского языка, так это следующее: в то время как раздельное написание не является признаком словосочетания (в отличие от сложного слова), слитное написание является признаком сложного слова (в отличие от словосочетания).

Индивидуальная идентификация наталкивается на многочисленные трудности. Ее использование, в частности, должно предполагать разработанность таких понятий, как взаимодействие признаков и их иерархия, а также их соотносительность с данными логико-операционального анализа, если таковой вообще принимается во внимание. Так, если в орфографически раздельной лексической единице *black market* нет объединяющего ударения, но есть цельность номинации

(семантический критерий) и операциональный тест на дополнение диагностирует принадлежность этой единицы к сложному слову — невозможно а *very black market*, — то возникает вопрос, какой или какие критерии важнее.

В принципе можно было бы полагать, что коль скоро та или иная лексическая единица наделяется статусом сложного слова, то она должна отвечать всем критериям сложного слова — фонетическому, орфографическому и семантическому. Если отбросить орфографический признак, как весьма неустойчивый, то, по крайней мере, фонетический и семантический признаки должны бы совпадать, т. е. слова с объединяющим ударением должны обладать семантической целостностью и наоборот. Однако фактический языковой материал опровергает и это. П. Матеус приводит примеры образований, которые, согласно семантическому критерию, должны быть отнесены к сложным словам, но они не имеют объединяющего ударения и, тем самым, согласно фонетическому критерию, должны быть отнесены к словосочетаниям. Отсюда следующее суждение: “Unfortunately, while the semantic criterion allows too many “compounds”, the phonological criterion (it might be argued) will allow too few”⁶.

Приходится, очевидно, признать, что нет ни гармоничности признаков, ни их иерархии, что вполне естественно, так как живой, динамичный организм языка не предполагает статистических аксиоматических определений.

Наибольший интерес, конечно, представляет семантический признак идентификации сложных слов. При семантическом критерию опираются по существу на принцип «обособления значения», который выдвинул Г. Пауль. Как это нередко случается в лингвистике, Г. Пауль лишь наметил принцип, оставив другим задачу его разработки и конкретного применения: «Вообще различие между сложным словом и группой слов, объединенной главным ударением, заключается не в физиологических, а в чисто психологических моментах. Предпосылкой для возникновения сложного слова, которая, впрочем, тоже не является абсолютно необходимой (...), служит то обстоятельство, что лежащее в основе сложного слова словосочетание может быть воспринято как выражение единого понятия». И далее: «Необходимо, чтобы сочетание в целом было каким-то образом обособлено по отношению к тем элементам, из которых оно состоит. Общезначимого определения той степени обособления, которая необходима для слияния элементов в сложное слово, сформулировать невозможно»⁷.

Современные авторы, использующие семантический критерий, по существу так или иначе опираются на принцип обособления значения, хотя их терминология и фразеология может значительно отличаться от таковых, используемых Г. Паулем и другими ранними авторами. Например, Джон Лайонз⁸ анализирует сложные слова в разделе, озаглавленном "Compound lexemes" (Сложные лексемы), обозначая этим термином такую лексическую единицу, в которой объединяются две или более основы. Он также вводит термины *word-compound* и *phrasal compound*, замечая, что различие между ними в английском языке менее ясно, чем во многих других индоевропейских языках, что отражается в орфографической непоследовательности (слитное, раздельное, дефисное написание). Далее говорится о том, что в устной речи различие между *word-compound* и *phrasal compound* состоит в наличии у первого такого ударения, которое характеризует «морфологическое объединение основы» (*morphological composition of item*). Приводимые примеры *screw-driver*, *blackbird*, *boy-friend*, *window-box* классифицируются как слова-основы (*word-stems*), независимо от способа их написания. Следовательно, Джон Лайонз различает собственно сложные слова (*word-compounds*, *compound stems*) и то, что он называет *phrasal compounds*, не приводя, к сожалению, примеров последних. Однако, замечает далее Джон Лайонз, более важным различием является различие между сложными лексемами (*compound lexemes*) и тем, что он называет, ссылаясь на отсутствие лучшего термина, синтаксическими сложными словами (*syntactic compounds*). Последние характеризуются, по мнению Дж. Лайонза, тем, что их значение и дистрибуция объясняются продуктивными правилами языковой системы и, следовательно, их не обязательно перечислять в словаре.

Что касается сложных лексем, то они нередко возникают как синтаксические сложные слова и, «узаконившись» (*having become institutionalized*), приобретают более или менее специальное значение. В качестве примера приводится сложное слово *countryside*, которое получает значение, отличное от материально совпадающего синтаксического словосочетания, обозначая не просто «дом в сельской местности», а загородную резиденцию аристократа. Нетрудно видеть, что по существу здесь речь идет о том же обособлении значения, о котором писал еще Г. Пауль.

Логико-операциональные приемы идентификации

Трудность идентификации сложного слова стимулировала применение логико-операциональных приемов, используемых для отграничения сложного слова от словосочетания. Операциональная идентификация не может рассматриваться в одном ряду с семантической, фонетической или орфографической, так как ее приемы основываются на логических критериях, которые, будучи верными сами по себе, могут не отражать существа дела. Логико-операциональные приемы особенно характерны для структуральных исследований, так как «структуралисты обычно ставят знак равенства между логической доказанностью и истинной сущностью предмета или явления»⁹. Вместе с тем такие приемы могут вносить свою лепту в решение проблемы идентификации, подкрепляя данные субстанционального анализа или входя с ними в противоречие, подходя к объекту с других позиций.

Ясности и справедливости ради следует отметить, что логико-операциональные приемы не стоят в стороне от других методов исследования и описания языковых фактов. Более того, как это станет ясно из последующего материала, в ряде случаев лингвисты доструктуральных направлений прибегали, и небезуспешно, к таким приемам. Все же принципиальной особенностью операционализма системно-структурного подхода является жесткая последовательность применения приемов, немаловажна и сама терминология или фразеология, используемая в этом направлении, например, тестирование, дополнение, расширение, подстановка — сами слова-понятия как бы удаляют нас от сущностных, семантических признаков исследуемого объекта. В общем смысле операциональное тестирование основывается на принципе цельнооформленности сложного слова в отличие от раздельнооформленности словосочетания.* Операциональное тестирование можно подразделить на три вида: прием дополнения, прием расширения, прием подстановки.

а) Прием дополнения. Тот несомненный факт, что компоненты сложного слова, не будучи самостоятельными сло-

* Это вовсе не означает, что каждый лингвист, предложивший или применяющий тот или иной операциональный прием в конкретных исследованиях, является последовательным сторонником структурального направления в лингвистике.

вами, не могут вступать в сепаратные синтаксические связи, послужил поводом для тестирования испытуемых единиц путем их дополнения, которое сводится, главным образом, к введению определяющего слова для первого компонента.

В. Адамс приводит пример сложного слова *small talk* в отличие от словосочетания *wet day*: последнее возможно дополнить — *a very wet day*, а первое невозможно — **a very small talk*¹⁰. Такой прием применяется и другими лингвистами и, в частности, Л. Блумфилдом, который противопоставляет словосочетание *a very black bird* сложному слову **a very blackbird*. При схожести самой идеи Л. Блумфилда и других лингвистов, с одной стороны, и В. Адамс, с другой, последняя говорит о «применении тестов»: “We may apply tests to find out whether the first elements are separable from the heads, ...these tests are reliable in separating sequences that we would like to think of as compounds from those which we feel are free phrases”¹¹. Она также дополняет этот тест другими приемами — постановкой определяющего элемента в сравнительную степень (*Wetter day is possible, but not smaller talk*) и постановкой его в предикативную позицию (*The day is wet makes sense, but not the talk is small*). Все это направляет такой анализ в русло операционализма. Это заставляет нас еще раз подчеркнуть тот факт, что операционализм может лишь иллюстрировать, эксплицировать субстанциональные признаки, и само тестирование базируется на наших априорных знаниях о значении тестируемой единицы, на этом же основывается и оценка результатов тестирования (ср. выше “makes sense”).

б) Прием расширения. Этот прием основан на возможности/невозможности расширить двухэлементное образование путем введения в его состав нового однородного элемента. П. Матеус приводит пример лексических единиц *corn bunting* (просянка — птица, обитающая в злаковых полях) и *red admiral* (нимфалида — насекомое). В качестве тестирования на расширение предлагается введение других определений к определяемым элементам: *reed and corn buntlings*, *white and red admirals*, при этом возможность таких расширений может свидетельствовать о принадлежности тестируемых единиц (*corn bunting*, *red admiral*) к словосочетаниям, а не к сложным словам. Впрочем, четкого мнения на этот счет у автора этого анализа нет, кроме того, и здесь неизбежно возникает необходимость обращаться к семанти-

ке тестируемых единиц: "Syntactically, one might think of testing whether the subordinate member can enter its own construction. One could talk of reed and corn buntings or a flock of white and red admirals; therefore, it may be argued, red admiral, corn bunting, etc., cannot be compounds. ...But in fact this is more a reflection of transparency and possible semantic contrast"¹².

Вообще прием расширения может зависеть от каких-то побочных факторов, а не от сущностной характеристики испытуемой единицы. Сделаем в этой связи экскурс в русский язык и рассмотрим примеры *железная дорога* и *зубная паста*. Известно, что *железная дорога* является очень тесно спаянным словосочетанием, своего рода раздельно-оформленным сложным словом¹³, но оно может быть расширено: *шоссейные и железные дороги*. Не менее тесно спаянным словосочетанием является *зубная паста*, но это словосочетание вряд ли может быть так же легко расширено, как *железная дорога*, но не потому что *зубная паста* обладает другими характеристиками, чем *железная дорога*, а просто потому, что вряд ли есть параллельное словосочетание, не вызывающее логического возражения против расширения словосочетания *зубная паста*. Так, *томатная и зубная пасты* неприемлемо по логическим причинам, т.е. причинам, не имеющим органической связи с вопросом, на который отыскивается ответ.

Выше отмечалось, что элементы логико-операционального анализа применялись и раньше. Однако они существенно отличались, во-первых, тем, что не претендовали на все-сильность и не проводились с настойчивой последовательностью, а во-вторых (что очень важно), сочетались с анализом сущностных признаков. Например, при решении проблемы отдельности слова В. М. Жирмунский прибегает к тому, что можно назвать приемом расширения. Он иллюстрирует самостоятельность предлога *в* как слова в словосочетаниях *в саду*, *в твоём саду*, *в твоём цветущем саду* и делает на этом основании вывод о том, что «с точки зрения формальной, предлог обладает, в противоположность морфеме, выделяемостью, представляющей минимум формальной самостоятельности слова». Суть, однако, в том, что сам этот формальный анализ служит В. М. Жирмунскому лишь подкреплением для сущностной характеристики слова, так как несколькими строчками выше он пишет: «В семантическом отношении служебное слово, например, предлог *в*, хотя оно и не употребляется самостоятельно, без имени, обладает тем не менее, помимо своей грамматичес-

кой функции, известным минимумом лексического значения, присущего и служебным словам в отличие от морфем: оно обозначает «внутри чего-нибудь» в отличие, скажем, от *с*, означающего «вместе с чем-нибудь или кем-нибудь»¹⁴. Следовательно, главный признак предлога *в* как слова есть «известный минимум лексического значения», а его выделяемость, доказываемая приемом расширения *в саду, в твоём саду* и т. д., есть лишь формальный показатель сущностного признака.

в) Прием подстановки. Прием подстановки был предложен, в частности, И. П. Ивановой. Этот прием основывается на том, что «слово, включенное в большую структуру, может быть замещено, перемещено или отделено от других слов без нарушения его структурной целостности; морфема этой способностью не обладает. Так, при замене словообразовательной морфемы изменяется и структурная характеристика включающего ее образования (ср. *a stone wall, a stone-and-brick wall, a stone gate*, но: *friendship, friend, friendly*)»¹⁵.

При таком подходе принимается некое равенство между словообразовательными морфемами, например, суффиксами, и полнозначными основами, входящими в состав сложного слова. Однако первые не имеют самостоятельного лексического значения, а вторые представляют собой по существу полнозначные лексические единицы — слова. Это, естественно, понимает и автор вышеприведенных слов, отмечая, что «...соотношение корневых морфем в сложном слове иное, чем морфемы корневой и словообразовательной в производных...» «Однако, — продолжает она, — наша основная посылка — закрепленность морфем как частей слова, в противоположность подвижности слова, — дает нам основание для сопоставления рассматриваемых единиц именно с точки зрения этих их наиболее существенных признаков»¹⁶. Вместе с тем, отмечая наличие сущностного различия между корневой и аффиксальной морфемой, И. П. Иванова видит «наиболее существенный признак» этих морфем в их «закрепленности/неподвижности», отсюда возможность/невозможность подмены компонентов должна служить диагностирующим признаком.

Как это нередко бывает в подобных случаях, выводы здесь сделаны на ограниченном и специально подобранном материале. Например, невозможность подстановки первого компонента в слове *rainbow*, т.е. неотмеченность, по сви-

детельству И. П. Ивановой, *fogbow, *sleetbow* должна означать, что rainbow — сложное слово, а не словосочетание. Напротив, наличие ряда stone wall, brick wall, concrete wall, glass wall должно доказывать, что образование stone wall — словосочетание. Однако если мы обратимся к другим примерам, то получим прямо противоположные результаты. Так, blackbird — сложное слово (ср. объединяющее ударение, слитное написание, целостность номинации), но оно допускает подмену компонентов, как первого — red bird (*иволга*), yellowbird (амер. разновидность щегла), так и второго — black-beetle (*черный таракан*), blackcock (*тетерев*).

Справедливости ради заметим, что И. П. Иванова вводит элемент, связанный со значением компонентов сложных слов, а именно: «Подстановка имеет смысл только в том случае, если заменяемый и заменяющий элемент обладают однотипной предметной соотнесенностью...». Однако и при этом условии разобранные выше слова не отвечают принципам и выводам применяемого И. П. Ивановой анализа. Так, в словах rainbow, fogbow; blackbird, black-beetle, blackcock выполняется условие однотипной предметной соотнесенности. Однако результат остается прежним: несмотря на возможность подмены компонентов в испытуемых единицах, по своим сущностным признакам они тяготеют к сложным словам, а не к словосочетаниям.

Другими примерами сложных слов с возможностью подмены их компонентов являются английские слова с компонентом ache: face-ache, stomach-ache, toothache, back-ache, heart-ache, belly-ache. Можно также обратиться и к русским сложным словам с возможностью подмены компонентов: *снегопад, звездопад, водопад, листопад*, а также *снегоход, ледоход, водоход, пароход, турбоход* и т.п. Возражение, наконец, вызывает и сама трактовка возможности/невозможности подстановки. Например, констатируется невозможность подстановки типа lipstick — *cheekstick. Естественно, такая подстановка невозможна, но сама эта невозможность не имеет никакого отношения к сущностным признакам сложного слова. Единственное, о чем свидетель-

* Заметим попутно, что слово fogbow, которое помечено И. П. Ивановой как несуществующее, фактически существует в английском языке (см. словарь Webster's Third New International Dictionary): a fogbow *n.*: a nebulous arc or circle of white or yellowish light sometimes seen in a fogbank — called also fogdog, fogeater, seadog. То же относится и к слову starshine, которое в упомянутой работе помечено звездочкой, в то время как его можно найти в словаре — the glow of the star.

ствуется невозможность подстановки в паде lipstick — *cheekstick — это то, что не существует предмета реальной действительности, который мог бы называться *cheekstick. Если бы такой предмет существовал и назывался бы *cheekstick, то подстановка оказалась бы возможной и это должно было бы обозначать, что lipstick не сложное слово, а словосочетание. Нельзя не отметить произвольный релятивизм этого анализа.

Оппозиция «сложное слово — сложнопроизводное слово»

Эта оппозиция находится целиком в рамках словообразовательного анализа как анализа, противопоставляемого морфологическому, и может быть сформулирована как «морфологически сложное слово — деривационно сложное слово». Такое противопоставление связано с различием между морфологическим и словообразовательным анализом. Для словообразовательной теории и практики сложное слово — это лексическая единица, образованная из двух или более основ путем сложения и выделяемая в потоке речи на основании своей цельнооформленности. Подчеркивая характер образования сложного слова («путем сложения»), мы тем самым отграничиваем деривационно сложные слова от тех слов с двумя и более основами, в которых соединение основ дает лишь материал для какого-то другого (не сложения) словообразовательного акта (суффиксации: *horn-rimmed*, конверсии: *week-end* (*v.*), обратного словообразования: *baby-sit* (*v.*)).

Морфологический анализ устанавливает состав слова в его статике, а словообразовательный определяет, как образовалось слово, выясняет его деривационную историю. На этом основании можно проводить различие между морфологически сложным словом и деривационно сложным словом. При морфологическом анализе всякое слово, состоящее более чем из одной основы, — сложное, при деривационном (словообразовательном) анализе сложным словом признается лишь то, которое образовалось путем сложения основ, причем акт сложения основ был последним актом в образовании слова.

Воспользовавшись хорошим примером В. П. Григорьева¹⁷, поясним это, обратившись к русскому слову *водопроводчик*, которое не является деривационно сложным, так как оно не образуется путем сложения *вод* + *о* + *проводчик*, а образуется путем суффиксирования уже существующего сложного слова: *водопровод* + *чик* и является, таким образом,

суффиксальным словом со сложной производящей основой. В отличие от слова *водопроводчик*, слово *кораблестроитель* является сложным: *корабль* + *e* + *строитель*. При кажущейся казуистичности такого анализа, он не только имеет право на существование, но и является весьма полезным, отражая смысловую структуру слова: *кораблестроитель* = строитель кораблей, в то время как *водопроводчик* ≠ *проводчик воды, а человек (-чик), имеющий отношение к водопроводу.

В английском языке такое различие проводится Л. Блумфилдом¹⁸, который связывает такой подход с понятием о непосредственно составляющих: «Согласно принципу непосредственно составляющих, в языке обычно разграничивают сложные слова, производные от словосочетаний (ср., например, *old-maidish стародевичий* — вторичное производное, в основе которого лежит словосочетание *old maid старая дева*), и производные от сложных слов (как, например, *gentlemanly по-джентльменски*, являющееся вторичным производным, в основе которого лежит сложное слово *gentleman джентльмен*»).

Вообще интересные и важные суждения Л. Блумфилда, относящиеся к сложным словам, неизбежно связаны с его дескриптивистской позицией, что находит свое выражение в принципиальном неразличении полнозначных слов, словообразовательных элементов и словоизменительных морфем. Кроме того, суждения Л. Блумфилда по проблемам словообразования оказываются связанными с анализом по непосредственно составляющим, который, хотя и отражает словообразовательную статику, но не затрагивает проблемы деривационной истории производного слова¹⁹.

Различие между сложными и сложнопроизводными словами приобретает иногда весьма трудно вскрываемый характер и требует тщательного анализа. Примером тому могут служить образования с формантом -ed. Всякое двусловное образование, оформленное формантом -ed, где первый компонент представлен именем, а второй компонент выражен такой основой, в которой совпадают глагол и имя, может принадлежать к одному из следующих типов: 1) собственно сложные слова с первым компонентом — существительное и вторым компонентом — причастие прошедшего времени: *n + PII — state-financed = financed by the state*; 2) сложнопроизводные слова, состоящие из двух именных основ, оформленных словообразовательным суффиксом при одновременном акте словосложения и словопроизводства: (*n₁ + n₂*) + *ed — metal-edged = having a metal edge*. Внутри этой груп-

пы можно различать образования, производящей основой которых является более или менее свободное сочетание двух слов, например, *blue eyes* — *blue-eyed*, и образования, производящей основой которых выступают устойчивые словосочетания, например, *grass widow* — *grass-widowed*, *ivory-tower* — *ivory-towered* (poet); 3) суффиксальные слова, состоящие из сложной именной основы, конвертированной в глагол, и оформленные суффиксом, т.е. полученные в результате трех словообразовательных актов: а) $n_1 + n_2 = N$, б) $N \rightarrow V$, в) $V + ed$, например: $atom + bomb = atombomb$, $atombomb N \rightarrow atombomb V$, $atombomb + ed$. И в этом случае деривационная история отражается в смысловой структуре слова. Если предположить, что в образовании *atombombed* происходило сложение *atom + bombed*, то это должно бы найти отражение в значении: *atombombed (town) = (town) bombed by atom(s)*, что не имеет смысла. Напротив, слово *atombombed*, отражающее вышеуказанную деривацию, отражает и значение *(town) subjected to atombombing*.

Таким образом, при внешней одинаковой структуре необходимо различать слова, получившиеся в результате различной деривационной истории и отличающиеся сущностными признаками на уровне сложившихся слов: отношениями между компонентами внутри слова и отношениями такого слова к тем словам, с которыми оно вступает в сочетание.

К вопросу о «псевдосложных» словах

Анализируя слова типа *paleface*, *birdbrain*, Г. Марчанд приходит к следующему выводу: "If a combination like *birdbrain* 'stupid person' is not explainable as 'B determined by A' but as 'person having a birdbrain', grammatically = 'person-denoting ← \emptyset -morpheme/determined by birdbrain,' then the combination is not a compound but a derivative." Такие образования Г. Марчанд называет псевдосложными словами и определяет их как "combinations with a compound determinant and a zero determinatum" (сложное определяющее с нулевым определителем)²⁰.

Такое рассуждение представляется неверным. Морфологически *birdbrain* — сложное слово, так как оно состоит из двух основ; словообразовательно это тоже сложное слово, так как последним словообразовательным актом при образовании этого слова является сложение. Тот факт, что одновременно со словообразовательным актом в этом случае происходит лексико-семантический акт — наделение слова пе-

реносным значением, не имеет отношения к словосложению как таковому. Никакой морфемы, означающей человека, в этом случае нет, а есть переносное значение слова, что уже не связано со словообразовательными процессами. Если бы мы допустили наличие в словах типа *birdbrain* морфемы, обозначающей человека, то почему бы не допустить *mutatis mutandi* наличие такой морфемы в слове *ass* в значении «глупый человек»: *person-denoting ø-morpheme/determined by ass*. Правда, в отличие от слов типа *paleface*, *birdbrain*, в слове *ass* семантический процесс переосмысления отделен по времени от образования самого слова в первоначальном значении, в то время как в словах типа *бахуврихи* сложение и переосмысление происходят одновременно. Однако так или иначе Г. Марчанд смешивает здесь словообразовательный анализ с анализом значения слова.

Здесь же Г. Марчанд критикует Р. Лиза за то, что последний безуспешно пытается найти трансформы для сложных слов типа *redskin*: "This is the difficulty Lees has not been able to solve for the type *redskin*: *redskin* cannot be embedded in the matrix sentence this is a skin..."

Таким образом, анализ слов типа *paleface*, проводимый Г. Марчандом, основывается на двух положениях — наделение таких образований «нулевой морфемой», передающей значение лица, и констатация того факта, что эти образования не отвечают требованиям разложения сложного слова по принципу $AB = B$, т.е. *a pale face is not a face*. Это связано с общими установками Г. Марчанда, которые он принимает во втором издании книги "The Categories and Types...", где он определяет сложное слово как синтагму, основанную на отношениях «определяющее/определяемое». Далее он говорит о сложных словах типа *steamboat*, *colorblind* как о «распространениях» (*expansions*) типа AB , где $AB = B$. Эти положения Г. Марчанд принимает за обязательные критерии для отнесения лексической единицы к сложному слову и, как следствие, исключает из категории сложных слов все те образования, которые не отвечают этому критерию. При таком подходе полностью снимается семантический момент, т.е. приобретение сложным словом переносного значения в момент сложения. Именно это переносное значение и не дает возможности «подогнать» сложные слова типа *бахуврихи* под «нужные» трансформы. Другими словами, Г. Марчанд связывает свой анализ с морфологическими и синтаксическими факторами и полностью отказывается от связи композитного анализа (анализ сложного слова) с лексико-семантическим анализом.

Однако сложное слово есть прежде всего слово, т.е. лексическая единица, и тот факт, как ведет себя эта лексическая единица при попытке представить ее в единицах другого уровня, не должен являться критерием отнесения (или не отнесения) лексической единицы к сложным словам.

Известно, что в английском языке названия людей и предметов могут образовываться путем сложения двух основ, одна из которых означает какую-то часть человека или предмета, а другая является определением, выраженным прилагательным или существительным. В момент сложения происходит и семантический акт, в результате которого часть вместе с определением получает значение целого (человек или предмет). Более того, можно утверждать, что безаффиксальные двуосновные бахуврихи являются одной из национально специфических черт английского словосложения, в отличие от, например, русского языка, в котором обозначение человека по какой-то его части возможно лишь путем словосложения и аффиксации, например, *тупоголовый*, *краснокожий* (исключение могут составлять прозвища).

Г. Марчанд утверждает, что образования типа *paleface* являются производными с нулевой морфемой (а не сложными словами). Отсюда следует, что производящей основой в таких случаях является свободное словосочетание (*pale face*), которое оформляется нулевой морфемой. Эта последняя, по мнению Г. Марчанда, переводит субстантивную конструкцию, например, *birdbrain*, в другой семантический класс, т.е. в класс одушевленных существительных. Возникает, однако, вопрос, что же делает эта нулевая морфема в случае неодушевленных бахуврихи, например, *longleaf* (*сосна южная или болотная*), *paperback* (*книга в бумажном переплете*). Следуя идее «нулевой морфемы», мы должны бы признать здесь наличие “thing-denoting morpheme” (ср. “person-denoting morpheme” в анализе Г. Марчанда). В этом случае мы ушли бы еще дальше от реальных фактов языка, так как в английском языке вообще нет каких-либо морфем, означающих «предметность».

К вопросу о «синтетически» сложных словах

Г. Марчанд (1969) лишает статуса подлинно сложных слов такие образования, как *watchmaker*, *housekeeping*, на том основании, что вторые элементы в этих образованиях не являются самостоятельными лексическими единицами:

maker и keeping (в значении, которое оно имеет в housekeeping) не могут функционировать самостоятельно в отличие от, например, hunter (ср. deer hunter) или dancing (ср. rope dancing).

Тем не менее такие образования, как watchmaker и housekeeping, не выводятся Г. Марчандом из категории сложных слов: называя их синтетически сложными словами (synthetic compounds) и противопоставляя сложным словам (compounds versus synthetic compounds), он усматривает их принципиальное отличие от подлинно сложных слов в том, что синтетически сложные слова не разлагаются в номинативные составляющие (nominal compounds), например, steamboat, oil well, а соотносятся с лежащими в их основе предложениями, из которых они и образуются (...they are reduced from full sentences), например, watchmaker — one who makes watches. И в этом случае Г. Марчанд целиком связывает образование сложного слова с соотносимым с ним предложением.

Однако образование сложного слова можно связывать и с моделированием и образованием по аналогии. Так, если есть модель $N_1 + N_2$ при $N_2 = V + \text{er}$, то по аналогии с deer hunter могут возникать слова типа watchmaker, при этом второй компонент может быть представлен элементом, не имеющим самостоятельного употребления. В этом, очевидно, и сказывается сила и роль аналогии в словосложении.

Если же принять подход Г. Марчанда, то сложные слова с усеченными основами (например, в русском языке) тоже пришлось бы лишить статуса сложных, так как их вторые элементы либо вовсе не имеют самостоятельного хождения (ср. *миролюбие*), либо употребляются не в том значении, в котором они входят в состав сложного слова (ср. *станкостроение*). Известно также, что для таких слов, как *паровоз*, *пароход*, невозможно найти лежащие в их основе предложения. Все это говорит о том, что не следует принимать за всеобъемлющий критерий сложного слова соотношенность / несоотношенность анализируемых лексических единиц с соответствующим предложением.

Оппозиция «сложное слово — аффиксальное слово»

Эта проблема сводится к определению статуса элементов рассматриваемого образования. Очень часто один из элементов не вызывает сомнения в его однозначности, в то время как другой элемент может быть отнесен либо к корневой (полнозначной) основе, либо к аффиксу. Как это

часто бывает, и здесь мы сталкиваемся с многочисленными промежуточными и переходными случаями, когда элемент сложного слова, с одной стороны, обладает признаками полнозначного слова, с другой стороны, выступает в составе анализируемого образования в своем ослабленном семантическом значении или же приобретает такое значение, которое ему не свойственно в свободном употреблении. Это может сопровождаться фонетическими показателями. Слово *тап* имеет самостоятельное значение в современном английском языке, является полнозначным словом и поэтому слова, включающие основу *-тап*, являются сложными (*work-тап*). Однако, входя в состав слова типа *workтап*, элемент *тап* приобретает определенные суффиксоподобные свойства — редуцированное произношение, выражение стереотипного, стандартного значения в больших рядах слов, что позволяет отнести его к суффиксам. Сюда же можно включить и такие образования, в которых второй элемент передает значение пола (*schoolboy*) или другое типизированное значение (*roommate*). Все же, хотя такие элементы и проявляют некоторые свойства суффиксов, они сохраняют свои основные характеристики полнозначных основ — соотнесенность со свободно употребляемыми словами и сохранение своего основного лексического значения в составе сложного слова. Это и является решающим фактором при установлении статуса образований, включающих такие элементы: такие образования относятся к сложным словам.

Следовательно, наличие в составе лексической единицы полнозначной основы, несущей принципиально ту же семантическую нагрузку, которую она несет в свободном словосочетании, предопределяет этой лексической единице статус сложного слова. Отнесение к суффиксоидам (суффиксоподобные элементы) чрезмерно большого количества лексических единиц неправомерно, так как это ведет к размыванию границ между словосложением и суффиксацией. Известно, что такое двойственное поведение слов типа *тап* привело к разработке теории полусуффиксов, которая нашла как сторонников, так и противников (см. М. Д. Степанова, К. А. Левковская).

С другой стороны, в современном английском языке можно выделить ряд слов, которые, с одной стороны, являются полнозначными словами, а, с другой, образуя некоторые лексические единицы, выступают в них в других и в то же время типизированных значениях и тем самым приближаются к суффиксам. Можно назвать по крайней мере несколько слов современного английского языка, которые,

не выпадая из системы однозначных лексических единиц, в то же время образуют производные слова, выполняя роль суффиксов. Элементы *-full (handful)*, *-load (busload)*, *-strong (10,000-strong)* могут быть приравнены к суффиксам на том основании, что в таких образованиях они утрачивают свое вещественное значение и лишь придают производному слову какое-то дополнительное, обобщенное, одинаковое для всех слов данного ряда, значение, т.е. выполняют функцию, типичную для суффикса. В самом деле, *busload* не значит «груз автобуса», а *полный автобус*. То же относится и к словам типа *10,000-strong (demonstration)*. Эти слова нельзя отнести к сложным, так как их вторые элементы не несут полной лексической нагрузки, они не переосмысливаются, а десемантизируются и становятся носителем неполного лексического значения.

Совершенно в другой плоскости находится вопрос о разграничении между сложным словом и аффиксальным при рассмотрении лексических единиц с так называемыми связными основами, которые в современном английском языке представлены в основном элементами греческого и латинского происхождения. Установление статуса этих элементов и определяет идентификацию таких слов. Рассмотрим пример возможного решения этого вопроса на конкретном материале, назвав анализируемые элементы комбинирующими формами, как они нередко называются в специальных исследованиях²¹.

Примером комбинирующей формы в русском языке может служить морфема *-вед* в словах типа *языковед*. Морфема *-вед* обладает лексическим значением «тот, который изучает что-то». Наличие лексического значения в этой морфеме становится очевидным при сравнении морфемы *-вед* с суффиксами деятеля, например, с суффиксом *-чик* в словах типа *докладчик*, *пулеметчик*. В отличие от морфемы *-вед*, которая указывает на то, какое действие выполняет лицо, т.е. изучает что-то, суффикс *-чик* лишь образует существительные со значением лица без указания на то, какое именно действие выполняет данное лицо. Кроме того, один и тот же суффикс, в частности суффикс *-чик*, может обозначать лиц, выполняющих разные действия по отношению к предмету, обозначенному основой (ср. *докладчик*, *пулеметчик*), в то время как комбинирующая форма *-вед* образует ряд слов со стандартным и вполне конкретным значением: *языковед*, *краевед*, *землевед*, *товаровед* и др.

В современном английском языке функционирует большое количество комбинирующих форм, при этом они зна-

чительно отличаются от таковых в русском языке. Их основное отличие состоит в том, что большинство из них представлены не исконно английскими элементами, а основами латинского или греческого происхождения.

Примером комбинирующей формы в английском языке может служить элемент *-cide* (от латинского *caedere* *убивать*), встречающийся в словах *pesticide*, *herbicide* и в ряде других. Комбинирующая форма *-cide* несет в таких случаях значение «тот, кто убивает» или «то, что убивает», а также иногда «акт убийства или уничтожения» в прямом или переносном смысле, например, *microbicide*, *liberticide*. На основании анализа слов с компонентом *-cide* становится, в частности, совершенно ясной структура широко распространенного слова *genocide*, где первый компонент соответствует греческому *genos* *раса, происхождение, род, вид*.

Комбинирующие формы, аналогично аффиксам, могут образовывать большие ряды слов со стандартным значением. Например, в обратном словаре английского языка²² приводятся следующие слова, оканчивающиеся на компонент *-cide*: *microbicide*, *herbicide*, *piscicide*, *weedicide*, *regicide*, *fungicide*, *aphicide*, *felicide*, *filicide*, *silicide*, *stillicide*, *prolicide*, *chemicide*, *homicide*, *germicide*, *vermicide*, *formicide*, *teenicide*, *tyrannicide*, *lapicide*, *vulpicide*, *bactericide*, *sorocide*, *uxoricide*, *matricide*, *patricide*, *fratricide*, *raticide*, *insecticide*, *feticide*, *foeticide*, *miticide*, *parasiticide*, *adultericide*, *infanticide*, *giganticide*, *rodenticide*, *menticide*, *liberticide*, *abortionicide*, *pesticide*, *locusticide*, *suicide*, *ovicide*, *larvicide*, *bicide*, *genocide*, *antricide*.

Такое обилие образований с повторяющимся элементом и имеющих стандартное значение может наводить на мысль о том, что повторяющийся элемент является аффиксом. Именно так и трактуется элемент *-cide* в словаре *The Concise Oxford Dictionary*, где находим: *-cide* — *suf. forming nouns meaning* (1) *person or substance that kills*, (2) *killing of*.

Однако отнесение элемента *-cide* к суффиксам принципиально неверно, так как суффиксы характеризуются весьма абстрактным лексическим значением, а значение элемента *-cide* весьма конкретно. Различие между комбинирующей формой и суффиксом в данном случае будет совершенно ясно, если проанализировать ряд слов с суффиксами, обозначающими деятеля, например, *-an* (*electrician*), *-ee* (*employee*), *-er* (*teacher*), *-ist* (*Marxist*). Все они указывают лишь на то, что образованное с их помощью слово означает де-

ятеля, находящегося в той или иной связи с предметом или действием, обозначенным основой. В отличие от суффиксов деятеля, комбинирующая форма *-side* означает не просто деятеля, а такого деятеля, который выполняет конкретное действие (убийство, уничтожение), т.е. несет более конкретное по сравнению с суффиксом значение.

Другой тип сложных слов с комбинирующими формами представлен словами с усеченными основами, соединяющимися со вторыми компонентами при помощи соединительной гласной, например: *electro-duct*, *electro-conductivity*, *electro-music*. Комбинирующая форма *compu-* — усечение слова *computer* — встречается в словах *computalk* *разговор с кибернетической машиной*, *computicket* *билет, выдаваемый кибернетической машиной*. Элемент *есо-*, выделяемый из слова *ecology*, используется при образовании новых слов, например: *есо-activist* *человек, который принимает активное участие в мерах по охране окружающей среды*; *есocatastrophe* *гибель в результате катастрофического загрязнения среды*.

В последнее время большое распространение получили слова с первым компонентом, обозначающим часть света: *Euro-dinner*, *Euro-politics*, *Euro-farmer*, *Euro-money*, *Afro-American*, *Americo-logue*.

Весьма интересна комбинирующая форма *allo-* со значением «другой, отличный от», например, в слове *allotheism* *почитание других, не санкционированных данной церковью богов*. В химических терминах *allo-* служит для обозначения одного из двух органических изомеров. В фонетике *allo-* означает один из вариантов звуков, образующих фонему. В морфологии и словообразовании *allo-* — одна из форм. Так, суффикс *-able* может иметь алломорфы: *read-able*, *responsible*.

Комбинирующие формы могут быть классифицированы по различным признакам, например, по происхождению — греческие, латинские, исконно английские, по значению — названия химических, биологических и других элементов, названия национальностей и др.

Среди комбинирующих форм можно выделить такие, которые материально почти полностью совпадают с функционирующими самостоятельно словами, например, *curve-* — *curved*. Другие комбинирующие формы не имеют аналогов в виде полнозначных слов, например, *allo-*.

Комбинирующие формы можно подразделять по их позиции в составе сложного слова: встречающиеся только в начале слова, например, *деса-*, только в конце слова, на-

пример, -side, встречающиеся как в начале, так и в конце слова, например, -drome-: aerodrome, dromograph.

Комбинирующие формы могут писаться либо слитно, либо через дефис, отдельного написания не встречается, что подчеркивает их тесную спаянность в составе сложного слова.

Оппозиция «сложное слово — окказиональное (потенциальное и т.п.) сложное слово»

Эта оппозиция обращена к проблемам лексическим, лексикографическим, имеет прямой выход в социальный аспект словосложения и носит лексикологический, а не словообразовательный характер. Она не имеет сколько-нибудь строгих лингвистических и тем более формализованных решений. Как правило, эта оппозиция рассматривается с привлечением данных словарей: при фиксации лексической единицы в слове она считается словом, при отсутствии в лексико-графических источниках она рассматривается как потенциальное слово. Нет нужды комментировать условный и подвижный характер такого подхода. Различные точки зрения на такие лексические единицы повели к обилию наименований, которыми они наделяются в зависимости от того, какая черта попадает в центр внимания исследователя. Так, в работе М. С. Ретунской²³ упоминается 17 названий для таких лексических единиц.

Однако есть в этой оппозиции и другой аспект. Если рассматривать лексические единицы в речевой цепи, то все они предстанут либо как слова, либо как словосочетания — *tertium non datur* — и тогда всякая единица, обладающая признаком цельнооформленности, есть сложное слово, независимо от того, принадлежит ли оно словарю или нет.

Этот подход, верный сам по себе с морфологической и словообразовательной точки зрения, не может не вызывать «неудовольствия» со стороны лексиколога и особенно лексикографа. «Наш вокабуляр (Vocabulary) был непомерно раздут — и наши словари тоже — признанием того, что законные (legitimate) сложные слова являются постоянными. В немецком языке сложные слова образуются еще более свободно, чем в английском, но многие из самообъяснимых (self-explanatory) слов рассматриваются как временные образования, почти как предложения, и никакой лексикограф не может и подумать о том, чтобы перечислить их все... Словари включают лишь те сложные слова, которые либо часто встречаются, либо имеют особое значение, которое

читатель может не понять путем рассмотрения (by examining) его составных частей. В английском языке, однако, мы чувствуем, что слово есть слово и что всякое новое сложное слово должно быть либо отвергнуто как неправильное или же записано в словарь, чтобы все могли им пользоваться»²⁴.

Вопрос об идентификации сложного слова можно дополнить краткими замечаниями, относящимися к периферии этой большой и сложной проблемы. В заимствованных словах язык-реципиент не различает словообразовательной структуры, т. е. не выделяет в них мотивирующих частей слова. Такое слово, как *футбол*, для русского языка не членимо на *фут-* и *-бол*, так как эти части не имеют какого-либо значения в русском языке, и, таким образом, слово *футбол* в русском языке простое, однокоренное, а не сложное слово. Даже если поставить слово *футбол* в ряд известных для русского языка слов типа *гандбол*, *волейбол*, *мотобол*, *баскетбол*, то и тогда сложный состав этих слов в русском языке не выявится, так как повторяющаяся морфема *-бол* не имеет предметной значимости для русского языка и может быть воспринята в значении, например, суффикса, обозначающего «игра».

Сравним также слово *локомотив*. В нем для русского языка не выделяются части *локо-* и *-мотив*. Название предмета *локомотив* оказывается словообразовательно немотивированным в противоположность, разумеется, слову *паровоз*.

Тот факт, что язык-реципиент, как правило, не различает структуры заимствованного слова, хорошо иллюстрируется хрестоматийным примером со словом *зонтик*, заимствованным из голландского языка.

Можно привести и другой любопытный пример. Английское слово *boots* *буцы* было заимствовано во множественном числе, однако оно не осознавалось как слово во множественном числе и окончание множественного числа *-s*, естественно, не могло восприниматься в русском языке в своем грамматическом значении.

II. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЛОВОСЛОЖЕНИЯ

1. Предварительные замечания

Вопросы, связанные со значением сложного слова, будут описаны преимущественно на примерах образований типа $N + N$, при этом в материал описания включаются все лекси-

ческие образования, состоящие из двух существительных (N + N) или прилагательного и существительного (A + N), независимо от того, являются они цельнооформленными (по известному определению — сложными словами) или раздельнооформленными (по тому же определению — словосочетаниями). Формальным основанием для этого является такой подход, при котором принимается, что всякая последовательность двух существительных в общем падеже не может представлять собой синтаксической последовательности, т. е. словосочетания, а поэтому по принципу *tertium non datur* такая последовательность должна рассматриваться как сложное слово. «Так, в *door-knob* *дверная ручка*, *horsefly* *слепень*, *bedroom* *спальня*, *salt-cellar* *солонка*, *tomcat* *кот* имеются два существительных, объединенных в конструкции, которые не встречаются в синтаксисе английского языка»¹.

Вопрос об адъективации первого компонента в последовательности N + N решается при этом отрицательно, т. е. принимается, что в последовательностях типа *stone wall* первый компонент — существительное. Таким образом, вполне возможно и плодотворно включать в сферу проблематики словосложения всякое лексическое образование типа N + N или A + N.

Анализ таких образований неизбежно связан с их смысловой структурой, т. е. с такой структурой, которая основывается на логико-предметных связях, формирующихся между двумя предметами мысли, представленными в образовании N + N. Такой анализ не следует связывать с характером оформления смысловой связи, ибо последняя никак не меняется в зависимости от того, представлены элементы, выражающие эту связь, цельнооформленно или раздельнооформленно, вплоть до морфологического флективного оформления. Такое рассуждение проводится, например, и Б. Уоррен: “I have made no distinction between noun-noun combinations that, in the view of some scholars, are phrases and not compounds (for example *leather band*, *London home*, *garden party*) and those that are recognized as compounds. In consequence, I use the term compound more freely than some linguists. I doubt that it is possible to make a clear distinction of this kind, and even if it were, as far as the covert semantic relations between the constituents is concerned, there are no differences between the supposedly non-compound noun-noun combinations and the compound noun-noun combinations...”²

Другими словами, взаимодействие двух предметов мысли, отраженное в лексическом образовании *stone wall* — *камень + стена* (материал + предмет, сделанный из этого материа-

ла), остается одним и тем же, независимо от того, принимаем ли мы данное образование за сложное слово или за словосочетание. Не вносит никаких изменений в формирование смысловой структуры и морфологическое оформление, т. е. смысловая структура остается той же самой и в русском словосочетании *каменная стена*. Не меняют сути дела и случаи, известные как обособление значений в результате перехода словосочетания в сложное слово. Так, словосочетание *country house*, означающее «всякий дом в сельской местности», может также выступать в обособленном значении, означая не всякий дом в сельской местности, а «богатый, аристократический дом за городом». В этом случае, если придерживаться семантического критерия, *country house* в значении «аристократический загородный дом» можно отнести к сложным словам, в отличие от словосочетания *country house* в значении «всякий дом в сельской местности». Однако такая разница в конкретном лексическом значении не затрагивает и не может затронуть сути смысловой структуры, т. е. взаимодействия между предметами мысли *country* и *house*. И в первом и во втором значении логико-предметное отношение между частями этого образования остается одним и тем же: «место — предмет: предмет в определенном месте — дом в сельской местности». Изменение в значении, трактуемое в терминах Г. Пауля как «изоляция, обособление значения» или в терминах современной словообразовательной теории как семантическая надбавка³ при переходе от словосочетания к сложному слову, не вносит изменений в логико-предметные связи, т. е. в смысловую структуру таких лексических единиц. Смысловая структура таких образований не связана и с фонетической и/или орфографической целью оформленностью. Так, в случае обобщающего ударения и дефиса в сложном слове *'ice-cream* *мороженое* в отличие от свободного словосочетания *ice cream* *холодные (как лед) сливки или крем* не меняется логико-предметное соотношение частей — «лед (признак холода) и сливки», хотя, разумеется, сложное слово *'ice-cream* означает не всякие *холодные сливки*.

Употребление существительного в препозиции является весьма распространенным, типичным явлением для современного английского языка. Атрибутивные словосочетания с препозитивным определением, в противоположность постпозитивным, характеризуются невыраженностью логико-предметной (смысловой) связи между определяемым и определяющим, что является лингво-логической базой для имплицитности, неопределенности таких атрибутивных словосочетаний

или сложных слов. Большая распространенность сложных слов типа N + N в английском языке предопределяется в значительной степени тем фактом, что английский язык predisposed к атрибутивным словосочетаниям в препозиции, при этом очень важно то, что смысловые отношения в таких словосочетаниях практически ничем не ограничиваются. Это последнее обстоятельство, как правило, не находит должного отражения при анализе причин распространенности таких словосочетаний в английском языке. Обычно это связывается с другими, более формальными факторами. Например: «Стяжение определенных элементов в очень компактные, экономичные синтаксические структуры, в основе которых лежат синтаксические и логико-смысловые конструкции (слияния), обусловленные аналитическим строем, является одной из наиболее типичных и распространенных специфических особенностей английского языка»⁴, т. е. «стяжение... в очень компактные ... структуры» ставится в зависимость от аналитического строя языка. Однако аналитический строй языка сам по себе не предопределяет и не может предопределять логико-смысловых связей в словосочетании, а лишь оформляет эти связи определенным образом.

Конденсированные по смыслу конструкции, особенно с опорой на контекст, могут иметь место и в языке с флективным строем, и флективное оформление как таковое не влияет на характер смысловых отношений и степень смысловой контракции. Характерен в этой связи следующий пример из русского языка. В устной речи было употреблено словосочетание *конфликтный стол*. Ситуация, в которой было употреблено это словосочетание, свидетельствовала о том, что оно означает «стол, из-за которого в мебельном магазине возник конфликт между покупателями». Другими примерами такого рода в русском языке являются такие словосочетания, как *тысячная лава* (лава, где добывается тысяча тонн угля), *остановка печи на холодный ремонт* (ремонт, при котором работа печи приостанавливается и она должна остыть), *переводная телеграмма* (телеграмма, по которой производится перевод денег), *земная биография Будды* (биография жизни Будды на земле), *тропическое исполнение* (исполнение, изготовление оборудования с такими характеристиками, которые позволяют ему работать в тропическом климате).

Однако при всей распространенности таких препозитивных определений в русском языке все-таки можно говорить об их меньшей типичности по сравнению с английским языком (любопытно, что само распространение таких словосоче-

таний в русском языке связывалось даже с влиянием английского языка)⁵. Употребление таких словосочетаний в русском языке в отдельных случаях может вызвать непонимание их значения. Так, словосочетание *тревожная группа* (в газетной статье о пограничной заставе) не сразу воспринимается в значении «группа, вызываемая по тревоге»⁶.

Здесь можно привести и примеры словосочетаний, возникших на нерусской почве и построенных так, как они строились бы в английском языке, т. е. с неприемлемой в данном случае для русского языка препозицией, например, *провинциальный парламент* в значении «парламент провинции». Это говорит о том, что русский язык часто отказывается от таких препозитивных определений, в то время как английский язык прибегает к ним весьма охотно. Эти косвенные наблюдения можно подкрепить микростатистическими данными. При анализе 433 английских терминов типа N + N (например, rock basin, oil area, space chamber, corrosion fatigue) было выявлено, что одному этому типу соответствует пять типов русских эквивалентов, при этом эквиваленты в виде структуры того же типа, т. е. русского сложного слова N + N, составляют наименьший процент⁷.

Смысловая связь, базирующаяся на высокой степени контракции и вытекающей отсюда неопределенности значения, вполне возможна в морфологически оформленных словосочетаниях с препозитивным определением, построенным по принципу согласования, в отличие от атрибутивных словосочетаний, построенных по принципу управления. Ведь морфологическое оформление в препозитивных определениях с согласованием вовсе не оформляет характера смысловых связей между определяемым и определяющим словами, и «...отсубстантивные прилагательные ... вне сочетания с существительными выражают общее недифференцированное отношение к тому, что названо производящей основой (типа *лесной, морской, бензиновый*). Характер отношения, выражаемого прилагательным, получает конкретизацию лишь в сочетании с существительным или в более широком контексте»⁸.

Важно и то, что атрибутивная связь не имеет в своем распоряжении никаких средств для передачи смысловых отношений в паре «определяющий — определяемый». По принципу от обратного можно утверждать, что если атрибутивная связь не имеет возможности оформлять какие-то конкретные отношения, то она тем самым допускает любые смысловые отношения, а вся смысловая нагрузка ложится на логико-предметную связь и логико-смысловые отношения

между словами, передающими значения этих предметов. При этом особенно важно отметить, что эти отношения могут быть прямыми, т. е. такими, которые позволяют их преобразование в словосочетание с постпозитивным определением по принципу управления с использованием минимальных средств, и не прямыми, т. е. такими, которые не допускают таких преобразований. Примером словосочетаний с прямыми отношениями могут служить следующие словосочетания с отсубстантивным прилагательным *морской*: *морской берег* — берег моря, *морская вода* — вода из моря/вода в море, *морская волна* — волна на море, *морской корабль* — корабль для плавания по морю. В отличие от таких словосочетаний, следующие словосочетания могут быть охарактеризованы как словосочетания с непрямыми смысловыми отношениями: *морская пехота* — пехота, десантируемая на берег при помощи морских судов, *морское училище* — училище, готовящее лиц для службы на море. Как видно из примеров второй группы, морфологическое, флективное оформление прилагательного несколько не препятствует созданию атрибутивных словосочетаний с любой заданной, и в то же время неопределенной связью по принципу смысловой контракции. Сложность смысловой структуры таких образований определяется смысловой взаимосвязью двух понятий, отражающих два предмета действительности, и в данном случае совершенно неважно, что анализируется — английское сложное слово типа $N + N$: *sea coast* или русское образование в виде словосочетания *морской берег*. И в этом и в другом случае анализу подлежит логико-смысловая связь между предметами «море» и «берег». Это же положение можно проиллюстрировать и примерами из английского языка на материале отсубстантивных прилагательных, маркированных словообразовательными средствами, например, прилагательных с суффиксом *-al*, которые образуют разнообразные смысловые отношения: *educational facilities* (возможности для образования), ср. неприемлемость словосочетания *«образовательные возможности» в русском языке, *ministerial resignation* ср. *«министерская отставка», *congressional approval* ср. *«конгрессное одобрение». В этом смысле нет никакой разницы между цельнооформленными сложными словами и раздельнооформленными словосочетаниями.

О сближении атрибутивных словосочетаний и сложных слов анализируемого типа А. И. Смирницкий говорит, что «атрибутивная связь по своей прочности, по силе «сцепления» между ведущим и зависимым словом приближается к связи между компонентами сложного слова, т. е. к связи

лексического характера» и, конечно, «атрибутивный комплекс стоит на грани сложного слова»⁹

Таким образом, характер морфологического оформления (флексивность/синтетичность — нефлексивность / аналитичность) не имеет отношения к логико-предметным связям, которые устанавливаются как в препозитивных атрибутивных словосочетаниях (относительное прилагательное + существительное), так и в сложных словах (основа существительного + основа существительного).

Распространенность сложных слов типа $N + N$ в английском языке определяется не столько морфологическими условиями (аналитичность языка), сколько лексико-семантическими, т. е. способностью двух существительных вступать в соединение в атрибутивное словосочетание для передачи любого семантического задания. Следовательно, предрасположенность английского языка к препозитивным определениям с любыми смысловыми связями между определяющим и определяемым есть тем самым и предрасположенность этого языка к сложным словам типа $N_1 + N_2$, где N_1 выступает по отношению к N_2 в роли определения в любом требуемом смысловом отношении.

Эти предварительные замечания дают возможность перейти к анализу факторов, формирующих смысловую структуру сложных слов, состоящих из двух существительных или близких к ним словосочетаний, не проводя между ними принципиального различия.

Смысловая структура сложного слова

Значение сложного слова — это прежде всего то, что позволяет ему означать тот или иной предмет действительности, а воспринимающему соотносить сложное слово с определенным предметом действительности. Анализ смысловой структуры сложного слова состоит в выяснении указанных условий. Основная сложность этого анализа связана с тем фактом, что сложное слово, будучи, как и всякое слово, обращенным к «миру вещей», обращено одновременно и к «миру слов», т. е. является мотивированным. С другой стороны, сама эта мотивация носит в сложном слове имплицитный характер, не имея в своем распоряжении материализованных средств для обозначения мотивации. Эта противоречивость смысловой структуры сложного слова — обращенность одновременно к миру вещей и к миру слов, — а также имплицитная мотивированность и делает анализ смысловой структуры сложного слова особо трудной проблемой,

в которой можно выделить следующие основные элементы: мотивированность сложного слова, отношения между компонентами сложного слова, виды значений сложного слова (структурно-семантическое и лексическое) и их взаимодействие, многозначность сложного слова, идиоматичность сложного слова, омонимия сложного слова. Совокупность этих элементов и составляет основную проблематику семантического словосложения. Все эти элементы взаимосвязаны, и раздельное их описание представляет собой некую организационную условность.

Наиболее ярко проблема значения сложного слова выступает в тех случаях, где компонентами являются существительные. Поэтому целесообразно рассмотреть проблему значения сложного слова на материале сложных слов типа $N + N$ и $N + A$ (Р II, Р I). Это наиболее распространенные типы сложных слов, а принадлежность их к именным и адъективным дает возможность проанализировать два различных вида сложения.

К понятию «мотивированное/немотивированное» сложное слово

Что можно понимать под мотивировкой сложного слова? Для уяснения смысловой структуры сложного слова первейшую важность приобретает понятие структурной мотивировки, т. е. то структурно-смысловое взаимодействие частей сложного слова, которое формирует денотативное, лексическое значение слова. Поскольку такое взаимодействие предопределяется значением, семантикой частей сложного слова, то структурно-смысловая мотивировка — это не что иное, как структурно-семантическое значение сложного слова. В отличие от лексического значения, такое значение есть некое схематичное значение в большем или меньшем отвлечении от обозначаемого денотата, создающее в то же время предпосылки для такого обозначения. Аналогию структурно-семантическому значению сложного слова можно найти в значении производного (например, аффиксального) слова. Известно, что в производном слове выделяются два вида значения: одно — заданное схемой характера сочетания, что результируется в словообразовательном значении, например, *писатель* — тот, кто пишет, другое — реальное, лексическое — *писатель* — тот, кто как профессионал, пишет художественные и др. произведения.

Возникает вопрос: существуют ли эти два вида значения в сложном слове и если да, то какова их характеристика? То, что эта характеристика должна отличаться от таковой в

производном слове, — это ясно, так как здесь в игру вступают значения двух полнозначных основ, в отличие от основы и словообразовательного форманта в производном слове.

Если опираться на определение О. С. Ахмановой понятия «мотивированный», то мотивированное сложное слово — это такое сложное слово, которое более или менее непосредственно соотнесено со словосочетанием, передающим его содержание, т. е. значение. Применение этого понятия в простейшем виде, очевидно, означает, что слово *home-made* (*made at home*) является мотивированным, а слово *house-broken* (*trained to live in a house...*) является немотивированным, так как его значение не передается словосочетанием *broken + Prep + house*, а требует введения дополнительных элементов (*to live*). В общем виде такое понятие мотивированности/немотивированности сложного слова вполне приемлемо. Следует, однако, обратить внимание на то, что в случае *home-made* слово развило переносное значение, в котором первый компонент десемантизируется, ср. *a special dish of this restaurant is home-made noodles*. Лексическая мотивировка здесь утрачивается: *home-made* уже не значит *made at home*, а означает, очевидно, «сорт, вид блюда». Вместе с тем, благодаря совершенно прозрачному смысловому взаимодействию *home* и *made* сложное слово *home-made* и в этом втором значении тяготеет к словосочетанию *made at home*. Во всяком случае, это единственное словосочетание, с которым его можно соотнести. Таким образом, можно говорить о структурной мотивированности при лексической идиоматичности в силу переосмысления одного из компонентов и, тем самым, слова в целом. Обратим также внимание на то, что в слове *home-made* (второе значение) структурная мотивированность является как бы унаследованной (или неутраченной). В отличие от унаследованной структурной мотивированности в сложных словах можно обнаружить и изначальную структурную мотивированность при изначальной лексической идиоматичности. Так, слово *gate-crasher* в силу глагольности второго компонента и, как следствие, объектности первого компонента вполне разложимо в словосочетание *crasher of the gate* (*one who crashes the gate*). Однако значение этого слова вовсе не соответствует этому легко полученному словосочетанию, а означает *безбилетный зритель* и *незваный гость*, при этом важно то, что в прямом, лексически неидиоматичном значении это слово вообще никогда не употреблялось (изначальная лексическая идиоматичность)¹⁰.

Наоборот, существуют сложные слова, характеризующиеся неразложимостью в словосочетания (т. е. структурно-немоти-

вированные) при лексической неидиоматичности их компонентов. Их структурная немотивированность является следствием того факта, что их компоненты не находятся в непосредственных отношениях, а связаны опосредованно, характеризуются тем или иным смысловым эллипсом. Так, в слове *hand bridge* (небольшой мостик с поручнями) слова (и обозначаемые ими предметы) не связаны непосредственно. Предмет «рука» связан непосредственно с предметом «поручень», обозначение которого отсутствует в слове *hand bridge*. Прямым следствием такой смысловой структуры сложного слова является невозможность разложить это слово в словосочетание с той или иной заранее определенной структурой: *hand bridge* — *bridge* + ? + *hand*. Вместе с тем оба компонента употреблены в прямом лексическом значении, и, таким образом, слово в целом нельзя считать идиоматичным. Из всего сказанного следует, что структурная мотивированность и идиоматичность могут находиться в разнообразных отношениях, что можно в общем виде показать при помощи схемы:

	ст. мот.	ст. немот.	неидиом.	идиом.
1) <i>home-made</i> ₁	+	—	+	
2) <i>home-made</i> ₂	+ (унаследов.)	—	—	+ (приобрет.)
3) <i>gate-crasher</i>	+ (изначальн.)	—	—	+ (изначальн.)
4) <i>hand bridge</i>	—	+	+	—

Что же касается конкретных лексических значений, то их соотношение с категорией мотивированности также является весьма сложным и не может быть схематизировано, а является фактором каждого данного слова. Рассмотрим, например, слова *field-dog*, *house-dog*, *sweater-girl*, *cat-bird*. В первых двух проявляется мотивация, так как предметы, обозначенные их компонентами, находятся в мыслимых, прогнозируемых логико-предметных отношениях: «поле/собака = собака в поле»; «дом/собака = собака в доме», т. е. логическое отношение между местом и предметом состоит в отношении «предмет находится в определенном месте». Это структурно-семантическое мотивированное значение этих сложных слов. Лексическое значение связано с вопросом «для чего предмет используется, находится и т. п. в данном месте». В случае *field-dog* — для охоты в поле (*a dog (as a pointer) used for hunting in the field*), в случае *house-dog* — для охраны дома (*a dog used for keeping the house*). Струк-

турно-семантическая мотивация не дает ответа на этот вопрос, и, в конечном итоге, лексические значения этих слов оказываются немотивированными. Более того, можно показать различный характер (по степени и по природе) сложности смысловой структуры этих слов. Переход от структурно-семантического значения к конкретно-лексическому в слове *field-dog* затруднен тем, что понятие *field* вовсе необязательно связывается с охотой и «полевая собака», очевидно, необязательно «охотничья собака», поэтому структурно-семантическое значение не наводит прямо на лексическое значение. В слове *house-dog* этот переход связан с другими мыслительными операциями и, с одной стороны, проще, чем в случае *field-dog*, так как набор логико-предметных связей между *house* и *dog*, очевидно, более непосредственен, а с другой, этот переход более сложен, так как при более непосредственных связях больше вероятности выбрать более чем одну связь, что как раз и имеет место в этом случае: 1) *house-dog* *сторожевой пес*, 2) *house-dog* *домашняя (комнатная) собака*.

О значении сложного слова

Совершенно очевидно, что изучение и описание семантических аспектов словосложения — это прежде всего и главным образом изучение и описание значения сложного слова. Однако при однозначном понимании этого положения могут намечаться довольно различные подходы, что зависит от того, что понимается под значением сложного слова, что, в свою очередь, зависит от того, как понимается «значение». Абстрагируясь от сложнейших логико-философских, а также теоретико-лингвистических проблем, связанных с самим этим понятием, можно в простом виде наметить три подхода к пониманию значения слова. Первый непосредственно связан с миром вещей — значение слова отражает понятие о предмете; второй подход рассматривает значение слова в рамках лексической системы языка, а поэтому значение слова выступает не только как наименование обозначаемого предмета, но и как элемент лексической системы, что как бы модифицирует его значение; наконец при третьем подходе значение слова меньше всего связывается с обозначаемым им понятием, а рассматривается как зависимое от возможности слова так или иначе проявлять себя в системе. В этом случае значение еще больше «обеспредмечивается» и попадает в «сетку значимостей», при этом значение как фактор обозначения предмета вообще выводится из сферы лингвистики.

Так, А. А. Реформатский пишет: «Отрицать у слов значение никто не собирается, и в очень многих случаях этим и должен заниматься ученый. Но какой ученый? Кто по специальности? Вряд ли лингвист, если лингвист изучает язык как систему и структуру»¹¹.

Все эти три подхода имеют право на существование, и каждый из них имеет свои основания и свою направленность. Для целей, поставленных в этой книге, основным является первый из перечисленных подходов, так как здесь рассматривается вопрос о том, каким образом сложное слово приобретает способность называть предмет, и в этом случае само понятие «знать значение сложного слова» это значит знать, какой предмет действительности оно называет, т. е. уметь соотносить высказывание с предметной ситуацией. «Слова, взятые в их отношении к вещам и явлениям действительности, служат различными знаками, названиями этих явлений действительности, отраженных в общественном сознании»¹². Другими словами, здесь нас интересуют прежде всего «индивидуальные лексические значения слов», которые «в значительной степени обусловлены природой обозначаемых словами предметов и явлений самой действительности»¹³. «В той мере, в какой слово содержит в себе указание на предмет, необходимо для понимания языка знать обозначаемые словами предметы, необходимо знать весь круг соответствующей материальной культуры»¹⁴. Соотнесение же сложного слова со словосочетанием или предложением — фактор вторичный и зависимый от предметного значения сложного слова. Всевозможные преобразования (трансформация и пр.) сложного слова предопределяются не структурой сложного слова, а нашим знанием обозначаемого предмета, а структура лишь оформляет, объективирует это знание.

Для анализа значения сложного слова необходимо прежде всего определить проблематику такого анализа, ее центральные и периферийные вопросы. Представляется, что центральной проблемой семантического описания является смысловая структура слова, которая представляет собой совокупность всех факторов, формирующих значение сложного слова. При этом под значением имеется в виду то, что дает возможность сложному слову служить акту номинации и поэтому неразрывно связано с обозначаемым предметом действительности. Поскольку сложное слово как одна из производных единиц является мотивированным, то встает вопрос о характере мотивации, об использовании частей, о мыслительной технике (не смешивать с механизмом порождения на синтаксической основе) в акте сложения. Эти во-

просы неизбежно вовлекают ряд семантических проблем, уже достаточно изученных и традиционно освещаемых, а также выявляют такие стороны семантики слова, в первую очередь существительного, которые непосредственно влияют на формирование смысловой структуры сложного слова, но могут оказаться недостаточно исследованными до сих пор.

Если мы рассматриваем сложное слово как средство номинации, то оно должно отражать понятие о предмете действительности, а если это понятие сложное, расчлененное и в то же время интегрированное, то мы должны проследить и картину его расчлененности, равно как и его части и характер их интеграции. Особенно важны при этом отправные точки, которые ориентируют нас на рассмотрение семантических аспектов словосложения с учетом приоритета значения перед формой. Здесь можно сослаться на лингвистов разных направлений. Так, Э. Бенвенист говорит: «При анализе сложных имен следует различать два фактора, которые подчиняются разным условиям: логическое отношение и формальную структуру. Последняя зависит от первого. Структура формируется отношением. Только логическое отношение дает критерий для функциональной классификации типов сложных имен»¹⁵. Возникает, однако, вопрос — логическим отношением чего к чему? Э. Бенвенист дает следующий ответ на этот вопрос: «...отношение является не логическим и не грамматическим, а семантическим... Отношение устанавливается между вещами, а не между знаками»¹⁶. Об этом же говорит и Е. С. Кубрякова: «Первоначально отношение устанавливается не между знаками, а между вещами; в акте словосложения известны вещи, и устанавливаются сами отношения между ними»¹⁷. Следовательно, смысловая структура сложного слова отражает структуру логико-смысловых отношений, которые могут существовать между предметами («между вещами») и которые обозначены компонентами сложного слова. Отношения между этими понятиями и лежат в основе формирования смысловой структуры сложного слова. Это положение однозначно понимается рядом лингвистов: «Сложное слово всегда постулирует наличие связи между обозначенными сущностями (вернее, как всегда в языке, между стоящими за этими обозначениями объектами действительности), а о характере связи судят, опираясь на знание естественной логики вещей»¹⁸. То же самое было высказано и мной: «...то, что мы называем отношениями между компонентами сложного слова, есть по существу отражение отношений между объектами реальной действительности. В самом деле, поскольку компоненты сложного слова не офор-

мляются каким-либо образом, то нам не дано ничего, кроме двух основ, а их смысловое отношение мы выводим, опираясь на знание фактов материального мира»¹⁹.

Наряду с признанием факта отражения отношений между предметами реальной действительности в смысловой структуре сложного слова, бесспорно признается и то, что эти отношения никак не выражены. «По-видимому, наиболее типичной чертой сложного слова в его отличии от соответствующего ему синтаксического оборота является то, что синтаксические отношения в композите устранены, и показатели этих отношений изъяты»²⁰. Отмечается также, что «между членами композита всегда существуют семантические связи, но обозначены они неконкретно, в общем виде»²¹. Здесь не может не возникнуть вопрос: как же все-таки обозначены семантические связи между членами композиты, пусть даже это обозначение «неконкретно» и представлено «в общем виде»?

Наконец, отмечается и тот факт, что невыраженность отношений так или иначе должна быть компенсирована, ибо в противном случае сложное слово не могло бы нести значения и быть значимой единицей. Однако здесь многие лингвисты обычно не идут дальше высказываний о том, что значение сложного слова должно выводиться тем или иным образом. Согласно О. Есперсену, отношения между компонентами в сложном слове не выражены, и, следовательно, значение сложного слова ничем не предопределено (Compounds express a relation between two objects or notions, but say nothing of the way in which the relation is to be understood). С этим нельзя не согласиться. Эти отношения, пишет О. Есперсен, выводятся из контекста или каким-либо другим образом (that must be inferred from the context or otherwise)²². По этому поводу то же самое говорит и Б. Уоррен: «Очевидно, что две составляющих сложного слова как-то семантически связаны (It is obvious that the two constituents of a compound are somehow semantically connected)»²³. Об этом же по существу говорит и Э. Сепир: «Коль скоро два или более корневых понятия в непосредственной последовательности одно за другим предлагаются человеческому уму, этот последний силится как-то взаимно увязать сопряженные с ними значимости»²⁴. Во всех трех цитатах, а их можно было бы умножить, подчеркивается неопределенность («как-то») формирования семантических отношений внутри композиты.

Е. С. Кубрякова прямо констатирует отсутствие у нас знаний о том, как устанавливаются смысловые отношения в

структуре сложного слова: «Семантическим каркасом сложных слов, схемой их семантического строения оказывается название двух величин, между которыми, благодаря их непосредственному соположению друг с другом, постулируется наличие определенной связи: каким конкретным образом происходит приписывание этого признака объекту, остается неопределенным. Лишь в сложных словах с глагольным компонентом характер подобной связи вполне очевиден и получает свое обозначение. Предпосылки установления словообразовательного значения, характерного для всех членов ряда, построенного по одной и той же модели, здесь коренятся, следовательно, в описании и анализе самих этих семантических схем и в интерпретации их с помощью особого метаязыка»²⁵. Таким образом, невыраженность смысловых отношений в сложном слове ведет к одному из двух выводов: либо сложное слово неспособно выражать значение достаточно ясно для коммуникативных целей, либо отношения между компонентами сложного слова не сигнализируют о его значении. Близкое к первому положению находим у Е. С. Кубряковой: «Синтаксический оборот точен и однозначен, сложное слово — неопределенно в своем значении»²⁶. Однако вряд ли следует понимать это высказывание слишком прямолинейно. Не всякий синтаксический оборот «точен и однозначен», и не всякое сложное слово «неопределенно в своем значении». И те и другие единицы могут быть однозначны и омонимичны и, таким образом, иметь более одного значения. Другое дело, что степень и характер омонимичности, причины формирования и условия функционирования омонимичных единиц этих двух типов весьма различны.

Безусловно, невыраженность отношений в сложном слове служит источником повышенной омонимичности в словосложении, но основная масса сложных слов однозначна и имеет вполне определенное значение, в противном случае словосложение как способ номинации не имело бы ценности. Очевидно, вышеприведенное суждение Е. С. Кубряковой следует понимать лишь как указание на меньшую определенность сложного слова по сравнению с синтаксическим оборотом, а не на абсолютную его неопределенность. Что касается второго возможного вывода, а именно того, что сами отношения в сложном слове не связаны с восприятием его значения, то такое мнение было высказано, например, В. З. Панфиловым: «...смысловые отношения компонентов сложного слова никогда не являются моментом общения, объектом осознания говорящего (если только не брать здесь того момента, когда происходит образование сложного сло-

ва)»²⁷. При таком рассуждении значение сложного слова прямо и целиком связывается с обозначаемым им предметом. Высказывания о том, что знать значение сложного слова — это по существу знать обозначаемый им предмет, находим и у других авторов. Ср., например, В. Адамс: «Для того чтобы понимать слово, нет необходимости осознавать то, как оно построено (constructed)... Мы можем употреблять слово, которое является для нас новым, когда мы узнаем, какой предмет или понятие оно означает»²⁸. Такое рассуждение, принятое в абсолютном смысле, увело бы нас от какой-либо возможности лингвистической интерпретации значения сложного слова, передав проблему целиком в компетенцию анализа и описания реальной действительности. В этой связи плодотворное суждение находим у Е. С. Кубряковой, которая говорит, что узнавание связи между называемыми объектами «проявляет сложную зависимость от тесного переплетения лингвистического и экстралингвистического опыта человека. Оно обуславливается как знанием мира реальных, так и знанием семантического образа данной модели...»²⁹

Итак, сложное слово, хотя и не содержит в себе выраженных отношений между компонентами, безусловно обладает значением. Что дает сложному слову такую возможность? Эта возможность кроется в «тесном переплетении лингвистического и экстралингвистического опыта человека». Выявить основу и закономерности этого переплетения и значит решить проблему формирования смысловой структуры и значения сложного слова. Эта структура — не результат каких-либо гомогенных, равнодействующих, стандартных факторов, подлежащих непосредственному наблюдению. Нельзя не согласиться со словами М. Д. Степановой о том, что «семантический анализ сложных слов связан с серьезными, подчас почти с непреодолимыми трудностями»³⁰. К сложным словам полностью относится высказывание о том, что «...имеются определенные способы построения речи, сущность которых не может быть раскрыта только путем использования соответствующих схем...»³¹. В самом деле, «природа языка, как средства обмена мыслями, не укладывается в рамки уровневой его аранжировки и не исчерпывается правилами трансформационных грамматик»³². В словосложении все гетерогенно, системно и в то же время асистемно, однозначно и в то же время разноточно, факторы, имеющие решающее значение в одних случаях, отходят на задний план в других. Ведь смысловая структура сложного слова отражает структуру взаимодейст-

вия предметов реального мира, неизмеримо сложную саму по себе, осложненную к тому же весьма непростыми способами опосредования между предметами и их представлением в языке.

Анализ смысловой структуры сложных слов

В связи с тем, что сложные слова типа N + N представляют собой огромный массив лексических единиц, весьма разнообразных по многим своим свойствам, совершенно невозможно пытаться анализировать их смысловую структуру недифференцированно. Наблюдения над сложными словами английского языка типа N + N позволили сделать вывод о различных факторах формирования отношений между компонентами сложного слова, действующих в разных типах сложных слов. В порядке экспозиции положений, подробно развиваемых дальше, разберем следующие три примера сложных слов с их словарными дефинициями: 1. *handbag* — *bag carried in/by hand*; 2. *hand-towel* — *small towel for wiping hands after washing*; 3. *hand-gallop* — *a fast pace in horse-back riding between a cantor and a gallop (so called from the fact that the horse is kept well in hand to control his speed)*. При идентичной морфологической структуре (N + N) все эти три слова характеризуются различием в смысловой структуре, точнее в мыслительной технике соотношения и названия предметов (обозначенных компонентами сложного слова), результирующей в образовании значимой единицы. Обратимся к конкретному анализу данных слов.

1. *handbag*. При восприятии этого слова возникают логико-предметные ассоциации между предметом *bag* и предметом *hand*, при этом решающее значение приобретает тот факт, что предмет *hand* выступает здесь не просто в значении предмета с тем или иным конкретным значением, а прежде всего как предмет, выступающий в роли орудия, инструмента (обобщенно «агента») действия по отношению к предмету *bag*. Это и является стержнем формирования смысловой структуры сложного слова *handbag*: *Agent (Instr) + предмет*. Такая смысловая структура формируется за счет того, что значение *hand* позволяет отнести его к категории «агент, инструмент, деятель и т. п.». Другими словами, *hand* выступает здесь в своем категориальном значении, в то время как *bag* выступает в роли предмета, по отношению к которому выполняется то или иное действие со стороны агента *hand*. В этом случае мы можем говорить о мотивировании смысловой

структуры сложного слова по категориальному значению одного из компонентов.

2. hand-towel. В отличие от handbag в слове hand-towel ни один из компонентов не проявляет себя в каком-либо категориальном значении, в результате смысловая структура сложного слова формируется на ассоциациях, базирующихся на конкретно-предметном значении слов hand и towel, что и результируется во вполне ясном значении *полотенце для рук, ручное полотенце*.

Из примеров 1 и 2 следует, что в одном случае смысловая структура сложного слова мотивируется отношением компонентов, предопределяемых возможностью отнести один из компонентов к той или иной категории предметов, например, к категории «агент, инструмент». На этом основании такие сложные слова можно отнести к словам с «категориальным» отношением между компонентами. Во втором случае (hand-towel) смысловая структура мотивируется конкретно-предметным значением слов-компонентов. На этом основании такие сложные слова можно отнести к словам с «предметным» отношением между компонентами.

Вместе с тем при отмеченном различии в примерах 1 и 2 они характеризуются принципиальным сходством в том смысле, что и в том и в другом случае смысловая структура таких слов мотивируется прямыми ассоциациями, существующими между двумя предметами действительности. На этом основании слова (1) и (2) относятся к структурно-мотивированным сложным словам, при этом различается мотивированность категориальным значением одного из компонентов (категориально-мотивированные) и мотивированность конкретно-предметным значением (предметно-мотивированные).

3. hand-gallop. В отличие от слов (1) и (2) сложное слово hand-gallop характеризуется отсутствием прямой ассоциации между предметами hand и gallop, и тем самым структура этого слова оказывается немотивированной. Поясним следующее положение. Как следует из дефиниции (см. выше) и особенно ее поясняющей части (so called from the fact that the horse is kept well in hand to control his speed), компонент gallop не находится в прямой связи с компонентом hand. Эти компоненты (точнее, предметы, обозначенные данными компонентами) находятся лишь в опосредованной связи — через предмет horse, обозначение которого в самом сложном слове отсутствует. В этом смысле образования типа hand-gallop индивидуальны и, следовательно, идиосинкретичны или идиоматичны (не в смысле

лексической идиоматики). Это дает основание провести границу между словами типа (1) и (2) — структурно-мотивированными, с одной стороны, и словами типа (3) — структурно-немотивированными, с другой. Такая классификация сложных слов имеет принципиальное значение для подробного анализа смысловой структуры композит. Представленное выше описание принципов подразделения композит на типы (1), (2) и (3) является лишь экспозицией примеров, вводящей читателя в проблематику смысловой структуры сложного слова, которая по возможности подробно излагается на последующих страницах.

О категориальном аспекте значения существительного

Принимая во внимание тот самоочевидный факт, что отношения между компонентами сложного слова никак не выражены, а вместе с тем в каждом конкретном слове они присутствуют, без чего, т. е. без отношений между компонентами, не могло бы быть и значимой лексической единицы, можно предположить, что эти отношения, хотя и не выражены, устанавливаются самим значением в их логико-предметной взаимосвязи.

В многочисленных сложных словах устанавливаются вполне четкие, вполне определенные структурно-семантические отношения, которые являются базой для формирования смысловой структуры сложного слова. Если в сложном слове отсутствуют морфологические и любые другие формально выраженные показатели отношений, а отношения тем не менее существуют, иначе слово не имело бы значения вообще, то остается предположить, что сама семантика компонентов в их взаимосвязи и формирует структуру сложного слова. Каким же образом семантика компонентов может формировать смысловую структуру сложного слова? Для ответа на этот вопрос необходим экскурс в определенные семантические свойства существительных, которые приобретают большое значение при формировании смысловой структуры сложного слова. Можно предположить, что эти их свойства не попали в поле зрения лингвистов по той причине, что, с одной стороны, они самоочевидны, а с другой стороны, очень плохо поддаются объективизации и, тем более, формализации, что в последние десятилетия развития лингвистической науки считается весьма нежелательным.

Важным фактором для формирования отношений между компонентами сложного слова, в которых выступает основа существительного, является тот факт, какой именно аспект

своего значения отдает существительное, выступая в качестве компонента сложного слова. Под аспектом значения здесь имеются в виду не различные виды значений слова: прямое, переносное, общее, конкретное и т. п., а лишь тот аспект значения, который соотносит существительное с одной из следующих категорий: агенс, место, время, материал. Эти значения существительных можно называть категориальными аспектами значения. Под категориальным значением существительного понимается в данном случае не то, что обычно имеется в виду при семантическом анализе, когда слово включается в ту или иную категорию, например, категории «предметность», «действие», «признак». При таком анализе слово относится к какой-либо категории по принципу оппозиции: «предметы — не предметы», и, далее, внутри категории, например, «предметы одушевленные — предметы неодушевленные», причем такое деление является статическим, т. е. одно слово всегда означает, например, предмет одушевленный, а другое — неодушевленный. В нашем случае важнее другое, а именно то, что одно и то же слово может выступать в речи, то проявляя, то не проявляя свой категориальный аспект (значение агенса, места, времени, материала). В слове, взятом вне синтагматической цепи, предметность существительного и его категориальный аспект сосуществуют, не вычлняясь из единого смыслового комплекса. Однако в речи в дополнение к общему аспекту существительного — «предметность» — в нем может проявляться и его категориальный аспект, в этом как раз и сказывается, очевидно, один из случаев «способности словесного знака быть общим и одновременно конкретным (виртуально-актуальным)»³³.

Таким образом, тот аспект значения, который нам важно выделить при исследовании отношений между компонентами сложного слова, точнее можно было бы назвать актуально-категориальным аспектом значения существительного. Такое наименование, однако, слишком громоздко и поэтому далее будет использоваться наименование «категориальный аспект» или «категориальное значение». Категориальный аспект существительного может проявляться в речи, а может не проявляться; во втором случае значение существительного низводится на роль обозначения предмета без категориального аспекта. Проявление или непроявление категориального аспекта существительным имеет место как в свободных словосочетаниях, так и в сложных словах, когда основа существительного выступает компонентом сложного слова.

Проиллюстрируем это на примерах свободных словосочетаний, а затем на примере сложных слов. В предложении *Дом построен из бетона* существительное *бетон* проявляет такой аспект своего значения, который позволяет нам отнести это слово к категории «материал». Однако в предложении *Бетон доставили на машине* слово *бетон* по отношению к действию *доставили* и тем самым в предложении в целом не выступает в значении «материал», хотя в принципе слово это, разумеется, сохраняет свое значение и здесь, оно лишь не проявляет его так, как это было в предложении *Дом построен из бетона*. Таким образом, в предложении *Бетон доставили на машине* слово *бетон* утрачивает актуализованную соотнесенность с категорией «материал» и превращается в «предмет, груз, вещь и т. п.». Различие в проявлении/непроявлении категориального аспекта в слове *бетон* в первом и втором предложении легко показать, подставляя в эти предложения другие слова: *Дом построен из бетона (дерева, кирпича и т. п., т. е. из какого-то материала)*. Это предложение будет оставаться осмысленным до тех пор, пока вместо слова *бетон* мы будем подставлять слова, соотносимые с категорией «материал». Осмысленность высказывания утратится, как только вместо слова *бетон* будет подставлено слово, обозначающее предмет, не соотносимый в обычной человеческой практике с понятием «материал», например, слово *бегемот*: *Дом построен из бегемота*. Напротив, подстановка слова *бегемот* в предложении *Бетон доставили на машине* не превратит последнее высказывание в противоречащее нормам человеческой практики, и предложение *Бегемота доставили на машине* не вызывает никакого возражения.

То же самое можно показать применительно и к таким категориям, как «агенс», «место», «время». Например, в предложении *Он живет в городе* слово *город* проявляет свой категориальный аспект «место»: *Он живет в городе (деревне, Москве, лесу и т. п.)*, но в случае *Он доволен городом* в слове *город* категориальный аспект локативности не проявляется. Наличие категориального аспекта в слове *город* в случае *Он живет в городе* и отсутствие такового в случае *Он доволен городом* можно проиллюстрировать возможностью подмены слова *город* любым другим словом во втором случае — *Он доволен костюмом, обедом, зарплатой и т. п.* и невозможностью такой подмены в первом случае, т. е. невозможно *Он живет в костюме, обеде, зарплате и т. п.*

Тот факт, что категориальный аспект значения существительного проявляется под воздействием значения глагола,

не меняет главного, а именно самой возможности существительного проявлять или не проявлять категориальный аспект своего значения. Заметим попутно, что в сложных словах типа $N + N$ глагол отсутствует, а категориальный аспект существительного все равно проявляется.

Думается, что эти соображения о категориальном значении существительного подкрепляются в определенной мере и в определенном смысле следующими суждениями Н. Д. Арутюновой: «Для выявления общих закономерностей формирования смысловой стороны предложения особенно важно деление существительных на имена конкретные и отвлеченные (пропозитивные), т. е. на обозначения предметов и веществ (масс), мыслимых прежде всего в связи с пространством, и обозначения событий, качеств, действий и состояний, характеризующихся в первую очередь временным параметром. Соответственно этому делению синтаксические отношения, термином которых является имя, в принципе распадаются на отношения пространственного и временного плана с последующим развитием первых в объектные (функции прямого и косвенного объектов), а вторых — в логические значения (т. е. значения причины, цели, следствия, условия и уступки). Согласно этой общей системе, семантический тип имени должен соответствовать типу отношения, термином которого оно является. Так, пространственные предлоги подчиняют себе имена конкретного значения, а темпоральные и логические предлоги, соотносимые с союзами, управляют именами событийной (пропозитивной) семантики. В реальном тексте, однако, темпоральные и логические предлоги соединяются не только с именами пропозитивной семантики, но и с конкретной лексикой. Ср.: «Я пропустил лекцию из-за поезда». Предметные существительные в этих случаях эквивалентны по значению пропозиции. Они употреблены здесь не в своей основной и первичной, а во второй синтаксической функции»³⁴. Разумеется, здесь речь идет о существительных, выступающих в синтаксических построениях, где отношения передаются не семантикой самого существительного, а специальными средствами. Тем не менее, вышеприведенные суждения Н. Д. Арутюновой и особенно понятие «семантический тип имени» согласуются, очевидно, с введенным здесь понятием «категориальный аспект значения существительного».

В подкрепление наличия у существительных категориального аспекта и возможности классифицировать существительные по этому их признаку приведем высказывания разных лингвистов, в которых они прямо или косвенно об-

ращаются к этой стороне семантики существительных.

Так, О. Есперсен, критикуя классификацию наречий по значению (в грамматике), отмечает: «...это подобно тому, как если бы давалось подразделение существительных на существительные времени (год, месяц, неделя...), места (страна, город, деревня...) и т. д.»³⁵. Хотя О. Есперсен критикует такую классификацию, но приведенная здесь цитата свидетельствует о принципиальной ее возможности. Можно назвать и других авторов, которые классифицируют существительные по тому признаку, который здесь назван категориальным аспектом значения. Д. Н. Шмелев, например, говорит о существительных, имеющих «количественно-временное значение»³⁶. Сравните также: «...предметы могут быть одушевленными и неодушевленными, а среди последних легко выделить классы орудий или инструментов и т. п.»³⁷. Понятие о категориальном аспекте имени лежит по существу и в основе следующего высказывания: «От слов типа *pen, spade, hammer* можно ожидать скорее, чем от слов *I, man, boy*, что они будут связаны с такой ролью, как «орудие», а для вторых более обычна роль действия»³⁸. А. Г. Хэтчер выделяет семь основных разрядов существительных: лица, животные, конкретные предметы, место, время, деятельность и все остальные³⁹. Опору на категориальное значение существительного находим, наконец, и у Г. Марчанда, у которого встречается следующая классификация определяемых компонентов сложного слова: «агенса, место, инструмент, период или точка времени»⁴⁰. Правда, здесь такие существительные синтаксически обусловлены, тем не менее такая классификация существует и у Г. Марчанда. Следовательно, такая классификация в принципе возможна, хотя для нее почти нет материальных лингвистических признаков.

Небезынтересно сопоставить классификацию существительных по их категориальному аспекту с другими классификациями. Такое сравнение покажет ее принципиальное отличие от других классификаций. Возьмем для примера классификацию А. А. Уфимцевой, в которой наименования объектов распределены по предметным сферам⁴¹. В этой классификации выделяются: географические объекты (озеро и др.), сооружения (здание и др.), объекты растительного мира (травы), учреждения (школа), предметы домашнего обихода (посуда и др.), которые объединены тем, что они способны проявлять категориальный аспект «место». Например: *lake trout* (any of several varieties of trout and salmon found in lakes), *housefly* (a two-winged fly found worldwide in and

around houses), bushman (a person who lives in the Australian bush), schoolmaster (a man who teaches in a school), water glass (a glass container for water).

С другой стороны, предметы одной сферы могут проявлять различные категориальные аспекты, например, «сооружения, здания, механизмы, приспособления» могут проявлять аспект «место» (school, house, etc.) и аспект «агенса» (machine tool).

В свою очередь, представители всех предметных сфер могут быть сведены к «бескатегориальному аспекту», т. е. выступать в таких сложных словах, в которых другой компонент берет на себя категориальную роль. Однако это свойство больше присуще таким сферам, как «объекты растительного мира», «части тела человека и объектов животного мира», «предметы домашнего обихода». Например: flower girl: girl — агент, flower — предмет; flower pot: pot — место, flower — предмет; hair brush: brush — агент, hair — предмет; cupboard: board — место, cup — предмет.

Таким образом, проводимая нами классификация существительных по их категориальным аспектам пересекается с другими классификациями существительных, не проявляя по отношению к ним свойств изоморфизма.

Способность к проявлению категориального аспекта у различных существительных

Есть слова, категориальный аспект которых находится почти на уровне их словарного значения: *Москва, страна, озеро* и т. п. — это прежде всего территория, т. е. слова с ярко выраженным локативным аспектом. Слова *день, ночь, месяц, год* — слова с ярко выраженным темпоральным аспектом. Другие слова обладают весьма слабым категориальным аспектом. Так, слово *стул* может восприниматься как существительное с локативным значением: *Он сидит на стуле*, но по сравнению с такими словами, как *Москва, страна, озеро* и т. п., его «локативность» весьма ограничена: она ассоциируется только с очень ограниченным набором действий, по отношению к которым *стул* выступает в значении «место». Не случайно, что слова со слабым категориальным аспектом не формируют сложных слов, значение которых устанавливается с опорой на этот признак.

При классификации существительных по их категориальному аспекту довольно легко выделить существительные с типичным категориальным аспектом «время», «место», «материал». Что касается аспекта «агенса», то выделение существ-

вительных, способных проявлять такой аспект, весьма затруднительно, так как существительные самых разнообразных семантических категорий проявляют большую способность выступать в значении «агенса действия». См. по этому поводу следующее наблюдение Б. Н. Аксененко: «Первоначально к понятию самостоятельного деятеля относились люди, личности из мифологии и вероучения, животные, силы природы, небесные тела, а также персонифицированные явления и вещи, такие как война, смерть, буря; корабль, меч; гнев, любовь, ненависть. Впоследствии к числу такого рода деятелей присоединились многочисленные машины, разные физические и химические агенты. Поэтому действующее лицо... может оказаться по степени автономности далеко отстоящим от таких лиц или сил, которые, естественно, являются или легко представляются самостоятельными. Важно, чтобы это было нечто активно воздействующее на к/ч-ли-бо»⁴².

Категориальным значением «место» могут обладать существительные неизмеримо более узкого круга. Это существительные со словарным значением, соответствующим понятию «территория» (*страна, город, деревня, море, озеро* и т. п.), «помещение» (*дом, комната* и т. п.), а также слова со значением «вместилище», например, *сумка, стакан* и т. п.

В категории «время» могут выступать слова со значением, непосредственно относящимся к понятию «время» (*день, ночь, зима* и т. п.). Эта категория лексики была бы еще более гомогенной, если бы она не расширялась за счет слов со значением «событие». В силу того, что событие обладает временной протяженностью, оно может служить обозначением времени. Например, в предложении *За этот поход они стали дружными* (из радиопередачи) слово *поход* явно выступает в темпоральном значении, т. е. когда, «за какой поход», «в течение какого похода» они стали дружными. Поэтому слова типа *война* вполне естественно могут выступать в темпоральном значении, например, *Он был убит на войне* — это прежде всего «когда убит». Не случайно в английском языке — *He was killed at the war*, где предлог *at* имеет темпоральное, а не локативное значение. Обратим также внимание на возможность темпорального употребления отдельных существительных, например, *Во время выставки были организованы лекции специалистов*.

Наконец, наиболее узкая категория — «материал». Слова, которые могут проявлять категориальный аспект значения «материал», семантически однородны. Гомогенность этой категории поддерживается тем фактом, что слова с другими

категориальными значениями не обладают способностью занимать место этой категории.

Вообще границы категорий «агенс», «место», «время», «материал», слабо очерченные сами по себе, могут «размываться» еще в результате метонимических переносов, когда то или иное слово употребляется не в типичном для него категориальном значении. Так, слова со значением «место» могут персонифицироваться (*Весь город был на улицах*), слово без выраженного категориального значения может приобретать таковое в индивидуальных речевых построениях («После вкусной ухи») ⁴³. Однако общей картины категориального аспекта значений существительного такие случаи не меняют. Более того, они подтверждают наличие самой способности имен существительных выступать в роли намеченных здесь категориальных значений.

Покажем теперь роль введенного понятия «категориальный аспект значения» для формирования логико-предметных связей между словами в условиях эксплицитной невыраженности отношений между ними, т. е. в речевых произведениях, в которых отсутствуют грамматические (морфологические и другие) показатели этих отношений. Как известно, такими речевыми произведениями являются, в частности и в первую очередь, сложные слова и атрибутивные словосочетания с относительным прилагательным в роли препозитивного определения. Прекрасный материал для такой иллюстрации находим у Г. В. Колшанского: «...наиболее распространенная — грамматическая полисемия, как, например, полисемия атрибутивных словосочетаний, устраняется только внутренним значением самих слов (ср. *угольный комбайн* — *угольная свеча*)» ⁴⁴. В чем же собственно состоит в данном случае «внутреннее значение самих слов»? В свете предложенного мною понятия «категориальное значение» различие в значении словосочетаний *угольный комбайн* и *угольная свеча* состоит в том, что логико-предметное взаимодействие предметов «уголь + комбайн» и «уголь + свеча» различно. В первом случае «комбайн» берет на себя роль «агенса» по отношению к предмету «уголь»: комбайн выполняет какое-то действие по отношению к углю, при этом предмет «уголь» по отношению к предмету «комбайн» остается лишь предметом, объектом воздействия. В отличие от «уголь + комбайн» в паре «уголь + свеча» предмет «свеча» никак не воздействует на предмет «уголь», последний же выступает по отношению к предмету «свеча» в своем категориальном значении «материал»: свеча сделана из угля (ср.: комбайн не сделан из угля, а свеча не воздействует на уголь). Таким

образом, при одном и том же конкретно-лексическом значении слова *уголь* («ископаемое твердое горючее вещество растительного происхождения» — словарь С. И. Ожегова) оно то выступает в категориальном значении «материал» (*угольная свеча*), то не выступает (*угольный комбайн*), чем и определяется различие в значении этих словосочетаний. Интересно отметить, что при опоре на категориальное значение «материал» со словом *угольный* формируется ряд однородных словосочетаний, например, *угольная свеча*, *угольный карандаш*, *угольные брикеты*, *угольный электрод*; при соотношении «предмет + агенс» формируется другой ряд словосочетаний: *угольный комбайн*, *угольный струг*, *угольный экскаватор*.

Разумеется, не все так просто в формировании значений по принципу категориального аспекта существительного. В другой паре примеров *снежные городки* — *снежные пушки*, приведенных в той же работе Г. В. Колшанского, анализ логико-предметных связей оказывается не таким прямолинейным. В случае *снежные городки* аспект «материал» легко устанавливается в определяющем элементе, в то время как определяемый элемент *городки*, хотя потенциально и относится к категории «место», в данном случае не актуализует этого потенциала и выступает по отношению к материалу «снег» не как место, а как предмет в некатегориальном значении (городки сделаны из снега, а не городки, где что-то делают по отношению к снегу). Еще сложнее дело обстоит в случае *снежные пушки*. Если воспринимать это как принадлежность снежных потешных городков, то они тоже могут быть сделаны из материала «снег». Если же в этой паре устанавливается отношение «снег-предмет + пушка-агенс», то возможны, по крайней мере, два следующих исхода: пушки стреляют снегом (ср.: «электронная пушка — для выпуска электронов в атмосферу») или пушки стреляют по снегу (исходя из того, что пушки предназначены для стрельбы по той или иной цели). В данном конкретном случае оказывается второй исход: «Арсенал технических средств горнолыжного спорта — канатные дороги, новое снаряжение, машины для утрамбовки снега и т. д. — пополняется снежными пушками» (Техника молодежи, 1965).

Положение о категориальном аспекте существительного можно согласовать с рассуждениями М. Д. Степановой⁴⁵. В одной из своих работ по словосложению М. Д. Степанова приводит примеры сложных слов, которые она расчленяет на «гнезда», например:

1-е гнездо: Ziegeldach, -haus, -mauer
Glasdach, -haus, -mauer

К этому гнезду сделано пояснение: предмет, выполненный из данного материала.

2-е гнездо: Ziegelwerk, -brennerei
Glasfabrik, -hütte

К этому гнезду автор дает пояснение: место обработки материала.

Хотя М. Д. Степанова не выводит никакого обобщения из этих примеров, нетрудно видеть, что по существу она опирается на категориальные аспекты существительных. В первом гнезде компонент -haus означает просто предмет, а не место. Компонент же Ziegel- здесь не просто предмет, а материал. Во втором гнезде Ziegel- низведен на роль предмета, а категориальный аспект проявляется в компоненте -werk.

Чрезвычайно интересно остановиться на том факте, что данное явление в словосложении, в частности английского языка, буквально привлекает к себе внимание всякого, кто так или иначе вовлекается в анализ значения сложных слов такого типа. Иногда этот анализ приближается к методу выделения сем или компонентов значения (семный или компонентный анализ) в основах сложного слова, но и такой метод сводим, в основном, к предлагаемому нами понятию категориального значения существительного. Для иллюстрации остановимся подробно на анализе значений сложного слова brick warehouse, проводимом Б. Уоррен⁴⁶. Описывая то, что она называет "ambiguities", Б. Уоррен анализирует формирование смысловой структуры сложного слова brick warehouse (*кирпичный склад*) в двух его значениях — warehouse made of bricks (*склад, построенный из кирпича*) и warehouse where bricks are kept (*склад для хранения кирпича*). В этом анализе выделяются семы в основах brick и warehouse. Далее показывается, что в зависимости от того, какая комбинация сем осуществляется в том или ином случае, такое значение и приобретает данное сложное слово.

Анализ

brick	warehouse
+ неодушевленный	+ неодушевленный
+ конкретный	+ конкретный
+ материал (Sic!)	+ искусственный предмет (Sic!)
+ искусственный предмет	+ место
значение: «склад, построенный из кирпича»	

brick	warehouse
+ неодушевленный	+ неодушевленный
+ конкретный	+ конкретный
+ материал	+ искусственный предмет
+ искусственный предмет (Sic!)	+ место (Sic!)
значение: «склад для хранения кирпича»	

В этом анализе Б. Уоррен опирается на понятие «семантической модели» (semantic pattern), в которой выделяются только определенные черты составляющих, т. е. компонентов сложного слова (“...a semantic pattern highlights only certain features of the constituents”). Далее Б. Уоррен говорит: “If brick warehouse is interpreted “warehouse made of brick” it is the feature + Manmade object among the features of warehouse and the feature + Material among the features of brick that are highlighted, whereas these particular features are backgrounded if brick warehouse is interpreted “warehouse where bricks are kept”. Таким образом, в данном случае «одни черты выделяются, а другие уходят на задний план» (highlighted — backgrounded). По существу этот анализ полностью совпадает с предлагаемым мною понятием категориального аспекта. Попутно обратим внимание на то, что выделенные семы (неодушевленность, конкретность) не имеют никакого отношения к формированию смысловой структуры анализируемого слова. «Расстановка смысловых сил» в этом случае концентрируется между категориями (семами) «материал», «место», «предмет». При расстановке «материал» — «предмет» получаем: склад из кирпича, при расстановке «место» — «предмет» получаем: склад для хранения кирпича.

Вопрос неоднозначности композиты интересует и Е. С. Кубрякову. Анализируя слово Papierkorb, она опирается на синтаксические отношения, которые могут лежать в его основе и которые «в композите устранены и показатели... которых изъяты. Нем. Papierkorb может быть вследствие этого интерпретировано и как Korb für Papier и как Korb mit Papier «корзинка для бумаг, из бумаги или же с бумагой». ...Фактически Papierkorb может обрести в тексте любое из указанных значений, хотя в словаре за ним закрепляется значение «мусорная корзина для бумаг», из чего следует, что первоначальная мотивация была связана с закреплением одного из возможных отношений отношением «для»⁴⁷. На первый взгляд принципы анализа Б. Уоррен и Е. С. Куб-

ряковой совпадают. И в том и в другом случае авторы прибегают к синтаксическим парафразам: Б. Уоррен — *warehouse made of bricks, warehouse where bricks are kept*; Е. С. Кубрякова — *Korb für Papier, Korb mit Papier*. Однако это лишь внешние результаты анализа. Принципиальное отличие состоит в том, что в первом случае (Б. Уоррен) сама синтаксическая парафраза есть естественное следствие значения компонентов и их смыслового взаимодействия (см. колонки *brick* и *warehouse*), в то время как во втором случае (Е. С. Кубрякова) само значение сложного слова есть результат (отражение) некоей синтаксической конструкции, которая априорна по отношению к сложному слову, и существование которой признается аксиоматически. Но даже если бы это было и так, сами синтаксические конструкции (*Korb für Papier, Korb aus Papier*) есть не что иное, как отражение возможных смысловых отношений между этими двумя предметами. Таким образом, логико-предметная расстановка отношений между предметами *Papier* «бумага» и *Korb* «корзина» может быть двоякой: предмет «корзина» сделан из материала «бумага» (*бумажная корзина*, ср. *ивовая корзина* — из ивовых прутьев) и вместилище «корзина» предназначено для предмета «бумага» (ср. *мусорная корзина*). В зависимости от того, какой тип логико-предметных отношений лежал/лежит в основе формирования смысловой структуры такого сложного слова, и создается его значение.

Анализ с позиции категориального значения существительного имеет своей целью не выявление неизвестных нам значений, не исчисление возможных смысловых отношений между предметами реальной действительности, а логико-лингвистическое описание известных нам предметов и известных нам существующих между ними отношений. Основная задача при этом состоит в том, чтобы показать, что существительные могут выступать в «категориальных» и «некатегориальных» аспектах своего значения. Эта способность является определяющим фактором при формировании смысловой структуры большого количества сложных существительных типа $N + N$.

Категориально-мотивированные сложные слова

Для конкретного анализа того, как проявляет себя категориальный аспект существительного в формировании значения сложного слова, были взяты сложные слова с первыми компонентами *hand* (агенс), *sea* (место), *night* (время), *steel* (материал). Слова взяты из словаря *Concise Oxford Dictionary*.

1. Слова с первым компонентом «агенс»

Слова с первым компонентом *hand* (всего 30 слов) характеризуются четким делением на слова, формирующиеся по значению «агенс»: *hand-bag*, *hand-ball*, *hand-barrow* и др. (всего 15); слова, в которых *hand* не проявляет себя как «агенс» по отношению ко второму компоненту и выступает в роли предмета, образуя логико-предметную связь с определяемым предметом, т. е. образуя предметно-мотивированные слова: *hand-towel*, *hand-cream* и др. (всего 7 слов); структурно-немотивированные: *hand-gallop* (1 слово); слова с затемненной мотивировкой: *handmaid* (1 слово); слова со вторым глагольным компонентом, значение которых формируется преимущественно по глаголу-действию: *hand-shake* — *shake of person's hand with one's own* (6 слов).

Важно отметить, что в начале словарной статьи, где представлены сложные слова с первым компонентом *hand*, сделано примечание: "Attrib.'operated by hand (*hand-brake*, -*mill*, -*press*, -*pump*, -*wheel*), held or carried in the hand (*hand-baggage*, -*mirror*).". Такая словарная помета подтверждает трактовку о формировании типичных отношений (агенс — предмет) в словах этого типа. Значения остальных слов также находят хорошо обоснованную интерпретацию.

2. Слова с первым компонентом «место»

Эти слова характеризуются весьма большой однородностью за счет того, что существительное *sea* очень устойчиво проявляет себя в значении «место, территория». Хотя характер этого понятия варьируется — «море как водный бассейн», «море как его прибрежная часть», «море как масса воды в море», «море как пространство, по которому передвигаются определенные средства транспорта», в общем понятие «море» неизменно остается локативным пространством. Не меняет этого и тот факт, что сложные слова с первым компонентом нередко обозначают предметы, лишь внешне относящиеся к морю или его признакам. Это хорошо сформулировано в пояснении к словарной статье *sea*:- (attr. and in comb.) *living or used in or on, of, near, like the sea (often prefixed to name of animal, fruit etc. to form name of marine thing with merely superficial resemblance to what it is named after, as sea canary, cucumber, -fox, -raven)*. Из 30 слов *sea* + N 29 проявили описанное выше свойство: *sea-air* — *air at seaside esp. as recommended for invalids etc.*, *sea-fear*; *sea-foot* — *sailor's high waterproof boot* и др.

3. Слова с первым компонентом «время»

Этой группе слов в словарной статье предшествует помета *night (in comb.), by, like, during, appropriate to, employed for, active in the night*, т. е. предполагается участие данного слова в роли временного показателя. Слова этой группы (30) показывают большую однородность: 28 означают предметы, для которых *night-* выступает в роли временного квалификатора, например: *night-bell, night-bird, night-boat, night-club*. Одно слово оказалось структурно-немотивированным: *night-man* — a man employed to remove night soil и одно предметно-мотивированным: *night-piece* (painting of night scene or landscape).

4. Слова с первым компонентом «материал»

Рассмотрены слова с первыми компонентами *brick-, steel- и gold-* (всего 30). Эта группа слов показала очень большой разброс по логико-смысловым отношениям, особенно в группе с первым компонентом *gold-*.

Предметы, обозначенные словами *brick-, steel-, gold-*, выступают в значении материала лишь в 11 случаях, при этом только в нескольких случаях второй компонент обозначает предмет, сделанный из материала, обозначенного первым компонентом, например, *gold metal*. В ряде слов второй компонент означает не предмет, сделанный из данного материала, а как бы форму, в которой существует материал, например, *gold-dust, steel-plate*.

В связи с большой семантической емкостью слова *gold* (ценный металл, носитель определенного цвета и др.) это слово выступает как носитель тех или иных признаков в наименовании предметов живой природы (*gold-finch*), объекта воздействия со стороны человека (*gold-smith*), а также образует немотивированные сложные слова (*gold fever*.) Все это определило большой разброс отношений в этой группе: материал — 11, предмет (предметно-мотивированные слова) — 15, структурно-немотивированные — 3: *gold-fever, steel-band, gold block*; одно слово с глагольным компонентом — *gold rush*.

Предметно-мотивированные сложные слова

В этот разряд включаются многочисленные сложные слова, в смысловой структуре которых не обнаруживаются признаки категориального значения. В таких случаях логико-предметная связь между компонентами устанавливается с

опорой на непосредственное предметное значение основ компонентов, например, *eye wrinkle, hat band, knee breeches*. Значение всех этих слов легко воспринимается, хотя ни одно из них не может быть проанализировано с позиции категориально-мотивированных отношений. Так, *knee breeches* (*бриджи*) — это брюки до колен, т. е. слово *knee* выступает в значении меры длины. Но ведь в самом понятии *knee* — «колено» не заключено ничего, что относило бы это слово к каким-то единицам измерения (сравните такие слова, как *metre, day, hour*). Слово *knee* проявляет такую способность только в данном конкретном сочетании. Следовательно, формирование и восприятие такого сложного слова происходит на базе смысловой ассоциации между предметами, обозначенными компонентами композиты: при одновременном восприятии понятий «колено» и «брюки» у нас, естественно, возникает ассоциация с понятием «брюки до колен». Одна из особенностей таких слов состоит в том, что предметно-мотивированное сложное слово может служить образцом для создания некоторого множества слов только в узком ряду. Конечно, наряду с *knee breeches* могут существовать и легко восприниматься и *knee dress*, и *knee coat*, и *knee jacket*, но нетрудно видеть, что их смысловая сфера очень ограничена: все эти слова означают предметы одежды, за пределами таких сочетаний слово *knee* вряд ли сможет выступать в значении меры длины.

За вычетом категориально-мотивированных остается по существу основная масса сложных слов, для трактовки значений которых не имеется ничего, кроме значения сопологающихся основ и смыслового взаимодействия между предметами, ими обозначаемыми; для них не представляется возможным установить категориальный признак, который доминирует в формировании смысловой структуры категориально-мотивированных сложных слов.

В предметно-мотивированных сложных словах смысловая структура устанавливается в результате отражения логико-предметного взаимодействия, существующего между предметами реального мира. Таким образом, речь здесь может идти о всем многообразии связей между предметами внешнего мира. При этом нередко постулируется, что такое многообразие должно быть охвачено «семантическими схемами» и отражено в понятии словообразовательного значения⁴⁸. Постулируя обязательное наличие того, что в последнее время называется словообразовательным значением, некоторые авторы говорят о том, что «для выявления словообразовательного значения сложного слова необходим учет

не только часте-речевой характеристики и семантики сочетающихся компонентов, но также и их структурной характеристики... необходим также учет смысловых отношений между первыми и вторыми компонентами сложных существительных»⁴⁹. В приведенной цитате фигурируют четыре параметра: 1) часте-речевая характеристика; 2) семантика; 3) структурная характеристика; 4) смысловые отношения. При анализе сложных существительных $N + N$ параметр 1 (часте-речевая характеристика) задан уже самим выбором объекта анализа; параметр 2 (семантика), очевидно, всегда учитывается, ибо без значения частей слова и всего слова в целом нам вообще нечего анализировать; параметр 3 (структурная характеристика компонентов) не вполне ясно обозначен — не ясно, что авторы имеют в виду под структурной характеристикой; что же касается параметра 4 (смысловые отношения между первыми и вторыми компонентами сложных слов), то именно этот параметр и является сутью смысловой структуры сложного слова, ибо они определяют, в какой связи находятся между собой части, означая целое, — значение этого целого и определяется в данном случае взаимоотношением частей. Это всегда осознавали все исследователи сложных слов, и проблема отношений между компонентами (которые именовались и именуются по-разному, в том числе и смысловыми, т. е. так же как они именуются цитируемыми авторами) никогда не исключалась из репертуара проблем словосложения. Для того чтобы подтвердить это, очевидно, достаточно краткого экскурса в историю вопроса, не выходящего за рамки XX века, что и будет сделано по возможности кратко на последующих страницах⁵⁰.

К. Бругман, анализируя именные сложения (*stammcomposita*), отмечает, что отношения обнаруживаются исключительно по смыслу, который сочетаемые основы имели сами по себе. К. Бругман называет эти отношения смысловыми („Bedeutungsverhältnis“, „Bedeutungsbeziehung“)⁵¹.

Нилс Бергстен анализирует логические и семасиологические отношения в сложных словах⁵².

Большой вклад в анализ и классификацию отношений между компонентами сложных слов, в частности $N + N$, внес О. Есперсен, который совершенно справедливо утверждал, что «...число возможных логических отношений между элементами бесконечно»⁵³.

И. В. Арнольд пишет: «Семантические взаимоотношения элементов внутри сложных слов могут быть в английском языке очень разнообразными... один из элементов может

уточнять значение, выраженное вторым в отношении материала, цвета, происхождения, занятия, качественной характеристики, места, времени, назначения и т. д.»⁵⁴.

С. С. Хидекель отмечает, что сложным словам свойственна высокая ситуативность отношений между компонентами, которая проявляется в способности сложных слов обозначать разноаспектные характеристики лиц, предметов и т. д.⁵⁵.

Уже этот краткий экскурс свидетельствует о том, что недостатка в осознании важности отношений между компонентами сложного слова нет. Если же анализ этих отношений и других свойств сложного слова не привел к разработке словообразовательного значения сложного слова, то, как представляется, причина здесь в том, что само понятие «словообразовательное значение» неизбежно связано с установлением семантических типов, семантических схем, классификацией сложных слов, а это вряд ли вообще может быть выполнено сколько-нибудь удовлетворительно и исчерпывающе. Ведь отношения между компонентами сложного слова вторят отношениям между предметами реальной действительности, а последние вряд ли подведомственны сколько-нибудь исчерпывающим классификациям. Еще в 1939 г. Ч. Карр писал: «Хотя попытки классифицировать сложные слова с точки зрения семантики могут предприниматься, невозможно установить все встречающиеся отношения и приписать каждое слово тому или иному классу»⁵⁶ (ср. также высказывание О. Есперсена о «бесконечности» отношений в сложном слове). Спустя двадцать лет эту же мысль повторил лингвист совершенно другого направления: «Мы всегда будем пытаться строить классификации, но следует иметь в виду, что сложные слова — это не та категория, которая хорошо отвечает требованиям классификации и вряд ли их вообще следует классифицировать»⁵⁷. Однако здесь, как и всегда, не следует делать абсолютных и прямолинейных выводов. Вышеприведенные высказывания, будучи вполне справедливыми, не должны непременно означать некий запрет на попытки семантических классификаций сложных слов. Эти попытки могут быть весьма полезными и приводить к выявлению тех или иных непознанных сторон словосложения. Однако не следует ожидать, что такие классификации могут привести к отысканию априорно разработанных понятий в тех предметах, которые ими вообще могут не характеризоваться. Если словообразовательное значение должно быть связано с отношениями между компонентами сложного слова, то установление словообразовательного

значения для сложных слов так же затруднительно или невозможно, как и установление отношений между компонентами сложного слова.

Таким образом: а) анализ отношений между компонентами сложного слова неизбежно сводится к анализу отношений между предметами, а этот последний не может во многих случаях не быть субъективным, т. е. зависит от понимания, от угла зрения исследователя; б) описание отношений между компонентами сложного слова может не отражать подлинных смысловых отношений между компонентами. Например: сложному слову *larva bread* можно приписать синтаксическую конструкцию *larva yields bread* — субъектно-объектные отношения, но фактически *larva* является материалом, а не субъектом выполнения действия. «Секрет» здесь в том, какой именно глагол выбран при синтаксической интерпретации, глагол *yield* в этом смысле является амбивалентным: «порождать что-либо» — «быть сделанным из чего-либо»; в) одно и то же слово можно синтаксически интерпретировать по-разному при одном семантическом инварианте. Например: *bargirl* — *the girl is in the bar* («субъект» + «место»), *the girl frequents the bar* («субъект» + «объект»); г) особенно противоречивым оказываются предложные трактовки, так как при одном предлоге могут быть совершенно различные отношения; это особенно наглядно проявляется в предлоге *of*: 1) *computer science* — *science of computers*, 2) *slumlord* — *lord of slums*, но (1) *наука о компьютерах*, а (2) *хозяин трущоб*.

Все это еще раз заставляет отказаться от синтаксической трактовки отношений между компонентами сложного слова.

Виды значений сложного слова

Особенно сложен вопрос о формировании индивидуальных лексических значений сложных слов. В них «установление критерия номинативной релевантности конкретного признака зависит от множества факторов, влияющих на выбор способа обозначения денотата. В психолингвистическом плане все эти факторы носят ассоциативный характер. Конкретный же мотив ассоциации определяется спецификой познавательно-практического подхода человека к действительности и получает свое таксономическое закрепление в виде соответствующего ассоциативно-номинативного признака»⁵⁸.

Другой подход к факторам, формирующим смысловую структуру сложного слова (или близкого к нему словосоче-

тания), находим в работе В. В. Гуревич⁵⁹. Анализируя значение слова *wine glass*, этот автор говорит о том, что в этом случае сема «вмещать» участвует в создании значения сложного слова. В. В. Гуревич, однако, основное значение придает «индивидуальному значению стержневого существительного». Так, слова с первым компонентом *air-* анализируются этим автором в зависимости от конкретных значений вторых компонентов: *air-bed* — матрас, надуваемый воздухом, *air-brake* — тормоз, приводимый в движение воздухом, *air-ship* — корабль, движущийся в воздухе. Безусловно, конкретные индивидуальные значения слов *-bed*, *-brake*, *-ship* участвуют в формировании смысловой структуры анализируемых сложных слов. Однако к их анализу можно подойти и с другой стороны, а именно с учетом различных семантических типов, проявляющихся в слове *air-*. Слово *air* может означать «воздух» как некое вещество, используемое для чего-либо, и тогда в *air-bed* предмет *bed*, выступающий какместилище для вещества *air*, образует обозначение для нового предмета *air-bed*, при этом *air* выступает лишь для обозначения вещества, т. е. чего-то пассивного по отношению к предмету *bed*. Так формируется смысловая структура таких слов, как *air-bag*, *air-box*, *air-jacket*. Эти рассуждения станут более понятными при сравнении смысловой структуры слов типа *air-bed* со словами типа *air-brake* и типа *air-ship*. В случае *air-brake* слово *air* обозначает уже не пассивное вещество по отношению к предмету *brake*, а орудие, воздействующее на предмет *brake*, отсюда значение *air-brake*. Наконец, третий семантический тип слова *air* проявляется в случае *air-ship*, где *air* выступает как обозначение пространства, воздушной массы, в которой могут перемещаться различные предметы, отсюда значение *air-ship*.

Попутно интересно отметить косвенное отражение данных такого анализа при сопоставлении этих слов с лексическими средствами, обозначающими те же предметы в другом, например, русском языке: *air-bed* — *надувной матрас* (передан способ: матрас надувается воздухом — веществом, сам «воздух» пассивен по отношению к предмету «матрацу»), *air-brake* — *пневматический тормоз* (пневматика — средство приведения в действие различных устройств). Что касается *air-ship*, то здесь *air* проявляет себя двояко: если *air-ship* понимается как дирижабль, т. е. воздушный корабль, наполненный воздухом, то по смысловой структуре это слово при-мыкает к типу *air-bed*; если же *air-ship* понимается как любое средство воздушного транспорта, т. е. транспорта, перемещающегося в воздушной массе, тогда *air-ship* примы-

кает к таким словам, как air-bus и air-castle (нечто находящееся в воздухе, в воздушной массе).

Важно также установить характер соотношения между разными видами значений в разных типах сложных слов. Так как структурно-семантическое значение представляет собой наибольшую степень абстракции и в сущности не отражается в реальной смысловой структуре сложного слова, то целесообразно рассмотреть соотношение между структурно-семантическим и лексическим значениями сложного слова, что и будет сделано ниже на материале сложных слов $N + N$. Подавляющее большинство таких слов имеет прозрачную смысловую структуру, независимо от того, в каком значении — прямом или переносном — употреблены компоненты. Примерами таких слов являются alarm bells, beamwidth, bikeway, deathplace, fertility drug, balloon astronomy. В этих и подобных словах семантическое взаимодействие основ таково, что значение слова воспринимается, как правило, однозначно. В самом деле, deathplace не может означать ничего иного, как place of death, the place where one dies; bikeway не может означать ничего иного, как way for bikes.

На этом основании можно утверждать, что структурно-семантическое значение (то, которое формируется как результат смысловой взаимосвязи двух существительных) этих слов полностью совпадает с их реальным, фактическим значением) тем значением, которое служит для номинации предметов реальной действительности). Значение таких слов воспринимается независимо от знания референта.

В отличие от таких слов в языке постоянно формируются сложные существительные, структурно-семантическое значение которых ясно, но их фактическое, реальное значение не охватывается полностью смысловым взаимодействием частей, а представляет собой семантическую надбавку. При этом значение слова может быть воспринято лишь на основании знания референта. Наглядными примерами таких сложных слов являются образования типа $N + N$, в которых второй компонент представлен глагольной основой с суффиксом -er. Так, слова body-builder, weight-watcher, clock-watcher в структурно-семантическом плане не вызывают никаких сомнений и однозначно расшифровываются по формуле $N_2 (V + er)$ of N_1 : builder of the body, watcher of the weight, watcher of the clock.

Однако это структурно-семантическое значение ничего не дает для понимания фактического значения данных слов. Другими словами, структурно-семантическое значение в этом случае не отражает названий предметов реальной действи-

тельности. Вышеприведенные слова имеют следующие значения: *body-builder* человек, который укрепляет свое тело физическими упражнениями; *weight-watcher* человек, следящий за своим весом, соблюдая диету; *clock-watcher* человек, нетерпеливо ожидающий конца рабочего дня. Обратим внимание на то, что невозможность восприятия значения этих слов без предварительного знания самих предметов, которые они называют, связана не с их идиоматичностью, а с тем дополнительным значением, которое присутствует в слове помимо его структурно-семантического значения.

Можно показать, что рассуждение о структурно-семантическом значении и семантической надбавке применимо и к сложным словам типа $N + N$, в которых оба компонента являются именными основами. Так, в слове *bodysuit* смысловое взаимодействие частей дает структурно-семантическое значение *suit for the body*. Это, однако, вовсе не создает никакого представления о предмете, обозначаемом таким словом. Более того, можно констатировать, что в этом случае структурно-семантическое значение есть не что иное, как полная тривиальность, ибо всякий костюм есть костюм для тела, а поэтому такое значение является нулевым с точки зрения реального значения слова (*bodysuit — a woman's tight-fitting, one-piece garment covering the torso, used informally for outer wear in combination with skirts or slacks*).

В других случаях может складываться иное соотношение между структурно-семантическим и фактическим лексическим значениями. Например, смысловое отношение в слове *airbus* складывается из слов «воздух (воздушное пространство) + какое-то средство транспорта». Это наводит нас на мысль о самолете или другом летательном аппарате. Фактическое значение слова *airbus* — реактивный самолет для перевозки приблизительно ста пассажиров на короткие или средние расстояния — является по существу уточнением структурно-семантического значения. В этом случае структурно-семантическим и реальное значения гораздо ближе друг к другу, чем в слове *bodysuit*.

Структурно-семантическое значение может быть двусмысленным. Проанализируем слово *airhouse*. Смысловое взаимодействие компонентов здесь может быть двояким. Компонент *air* может восприниматься и как «вещество», и как «пространство». В зависимости от этого *airhouse* может быть *house with (inflated with, full of, etc.) air* или *house in (flying in, soaring in, etc.) the air*. (Ср., например: *air-castle* — *несбыточная мечта*, дословно «воздушный замок»).

Фактическое значение *airhouse* — надувное сооружение, предохраняющее строительных рабочих от непогоды — свидетельствует о том, что в основе его лежит то из двух возможных структурно-семантических значений, в котором *air* означает воздух как вещество, которым наполняется предмет, обозначаемый вторым компонентом.

Двуисходность структурно-семантического значения может однозначно реализоваться за счет контекста. Например, значение слова *bedspace* может решаться в структурно-семантическом плане и как *space in bed*, и как *space for bed(s)*. Поэтому только из контекста будет ясно реальное (лексическое) значение *bedspace*. Например: *A computer lists available bedspace at the hospital nearest the patient.*

По модели $N + N$ образуется также большое количество слов, в которых не только фактическое значение, но и само взаимодействие частей является неясным. Так, *action painting* — вид живописи, при котором происходит спонтанное самовыражение путем разбрызгивания или поливания краски на полотно — не воспринимается даже на структурно-семантическом уровне. Нам не ясно, в каких смысловых отношениях находятся части *action* и *painting*, т. е. мы не понимаем, идет ли речь о каком-то рисовании во время другого действия, рассматривается ли само рисование как действие или же речь идет об изображении действия в живописи. В этом случае структурно-семантическое значение вовсе не проявляется, и значение сложного слова в целом сосредоточивается в семантической надбавке, которая и есть реальное значение слова.

Лексическое значение сложного слова в разных словах формируется по-разному, индивидуально. В одних случаях оно как бы вторит обобщенному структурно-семантическому значению, при этом индивидуальные значения компонентов мало или вовсе не проявляются в формировании смысловой структуры композиты, а в других случаях, напротив, это значение целиком обязано той или иной части индивидуального значения компонентов, при этом само структурно-семантическое значение как бы отходит на второй план вплоть до полной утраты своей роли с одновременным увеличением роли индивидуального лексического значения компонентов и композиты в целом. Это можно пояснить подробным анализом следующих примеров сложных слов с первым компонентом *book-*: *book-hunter*, *book lung*, *book word*. В одном случае (*book-hunter*) лексическое значение формируется как бы в максимальном отвлечении от индивидуального

лексического значения компонентов. В самом деле, конкретные свойства предмета *book* не выступают в виде решающего фактора при формировании смысловой структуры сложного слова: охотник за книгами, разумеется, отличается от, например, охотника за черепами, но принципиально смысловое взаимодействие между компонентами *book + hunter* и *head + hunter* одно и то же. Отличая предметы *book-hunter* и *headhunter*, первые компоненты в то же время участвуют в формировании смысловой структуры этих сложных слов не своими индивидуальными значениями, а своими обобщенно-предметными значениями. Благодаря этому такие сложные слова обладают следующими характеристиками: 1) наличие больших рядов слов со стандартными отношениями между компонентами: *book lover = one who loves books*, то же в случае *book dealer*, *bookseller*; 2) прозрачность значения и легкое восприятие даже впервые встречаемых образований: *bookwagon*, *bookvan*, *book truck*. Или: *book-shelf*, *book-case*, *bookrack*, *bookstore*; 3) в таких рядах возможна подмена первого компонента при стандартном значении в рядах, например: *book-case*, *fiddle-case*, *brief-case*, *watch-case*, *suit-case*; 4) сложные слова и параллельные им словосочетания адекватны в смысловом отношении.

Принципиально отличны от таких образований слова типа *book lung*, смысловая структура которых формируется при активном участии значения первого компонента. В этом случае *book* отдает ту часть своего значения, которая ассоциируется с внешним видом, формой, наличием листов. Предмет, обозначенный вторым компонентом, имеет определенную характеристику, сходную с характеристиками предмета, обозначенного первым компонентом. Они, эти характеристики, присущи ему органически, без них этот предмет стал бы предметом с другими характеристиками. В таких словах интуитивно ощущается большая смысловая спаянность, чем в словах типа *book-hunter*. Это отличие, воспринимаемое интуитивно, подкрепляется следующими характеристиками: 1) значение этих слов не выводится из значения их частей, так как смысловая связь не находит между этими частями сколько-нибудь эксплицитной опоры в их логико-предметном соотношении; например, не зная самого предмета, обозначенного словом *book lung*, мы не можем догадаться о том, что между предметами *book* и *lung* следует усматривать отношения подобия а *lung like a book*; 2) трансформация таких слов в словосочетания с предлогом приводит лишь к структурному соответствию, а денотативное значение раскрывается подробными дефинициями. Так, например, если в случае *book ge-*

view перифраза в review of books дает адекватное описание предмета, то в случае book gill перифраза gill like a book не дает представления о предмете gill. Характер уподобления должен быть раскрыт, поэтому дефиниции таких слов более подробны, например, book gill — a gill found in the king crabs that consists of membranous folds arranged like the leaves of a book; book tile — a flat clay building tile that has hollow sections... and that is shaped roughly like a closed book so that adjoining pieces fit into each other. Как видно, характер уподобления в этих двух случаях различен. Следовательно, перифразы таких слов могут быть типизированными лишь в структурном плане (a book gill — a gill like a book, a book tile — a tile like a book). Перифразы на денотативном уровне для этих слов, как показано выше, будут существенно отличаться от слов первой группы: перифразы a bookcase — a case for books и a bookshelf — a shelf for books адекватны не только на структурно-семантическом, но и на денотативном уровне, т. е. дают представление о самом предмете; 3) подмена первого компонента, если и возможна в принципе, уведет нас от типизированного смыслового взаимоотношения (подобие).

Еще более тесную смысловую спаянность находим в словах book word и book hand. Здесь воздействие первого компонента на второй и тем самым на смысловую структуру сложного слова в целом еще больше, что выражается в специфическом значении композиты: book word — a word learned solely or principally from reading and often understood without knowledge of its customary information. Здесь word как бы не существует само по себе, а имеет значение только как часть всей композиты. То же справедливо в случае book hand — the handwriting designed primarily for legibility and beauty and ordinarily used in officially transcribing manuscripts intended for preservation before printing became common. Невозможна также перифразировка с минимальными средствами: book word — word from a book? of a book? book hand — hand for a book?

Небезынтересно отметить и различие в переводе разобранных слов на другой, например, русский язык. Если слова первой группы могут переводиться как бы дословно: bookshelf *книжная полка*, book lover *книголюб*, book-stall *книжный киоск* и т. д., то слова другой группы не поддаются такому переводу: book lung — «книжные легкие»? book word — «книжное слово»?!

Структурно-немотивированные сложные слова

Этот тип слов требует особого внимания, так как их анализ позволит пролить свет на весьма сложные семантические особенности субстантивного словосложения в английском языке.

Хотя термин «структурно-немотивированное» сложное слово является новым, понятие, близкое к понятию структурной немотивированности сложного слова, уже вводилось исследователями сложных слов. Например, А. А. Ахеро проводит деление сложных слов на «разложимые» и «неразложимые». Она выделяет «неразложимые сложные прилагательные», характеризуя их как «...такие сложения, которые не разлагаются на составные части, ибо между компонентами неразложимого сложного слова нет непосредственных синтаксических отношений и компоненты сложения, не изменяя облик, как самостоятельные слова вне сложения не связываются»⁶⁰. Понятие «неразложимое сложное прилагательное» не совпадает полностью с понятием «структурно-немотивированное сложное слово», но между этими понятиями имеется важное сходство — отсутствие непосредственных отношений между компонентами.

Сколько-нибудь прямолинейная семантизация структурно-немотивированных сложных слов невозможна, так как мы никогда не знаем, какой признак предмета, обозначенного первым или вторым компонентом, используется в данном случае в формировании значения сложного слова. Например: *bird-stone* — доисторические каменные предметы неизвестного назначения, напоминающие по внешнему виду птицу. Здесь, как видим, отсылка происходит к внешнему виду предмета, обозначенного первым компонентом и — в данном случае — всего предмета в целом. В другом значении слова *bird-stone* (камень, на котором сохранился отпечаток доисторической птицы — палеонтологическое понятие) предмет *bird* выступает уже в совершенно другой роли, что, естественно, результируется в совершенно другом значении. В случае *blood-wealth* (*money or goods given as compensation for a murder*) слово *blood* означает *убийство*. Хотя такое метонимическое употребление слова *кровь* вполне прозрачно, тем не менее логико-предметная комбинация *blood* и *wealth* не ведет к само собой разумеющемуся значению сложного слова.

На фоне таких образований особенно ярко выделяются такие сложные слова или близкие к ним словосочетания, которые представляют собой примеры конденсации мысли. «Данные образования сообщают значительно больше, чем

обнаруживается при их поверхностном рассмотрении, они представляют собой как бы концентрированное выражение человеческой мысли»⁶¹. Некоторые из них можно назвать «энциклопедическими», имея в виду те обширные и подчас весьма глубокие сведения, которые в сжатой форме «зашифрованы» в этих словах. Приведем несколько примеров. “Even the name of the Horse Latitudes, which traverse the Sargasso Sea, is an indication of the stagnate calm, for when the Spanish gallies were becalmed and the drinking water began to run low, the Spaniards were forced to kill and jettison their war-horses in order to conserve water”⁶².

Весьма примечательно и в этом смысле лексическое образование monkey teacher. Так называли в Америке тех учителей, которые в прошлом веке вели преподавание естественных дисциплин, основываясь на учении Ч. Дарвина (ср. *«обезьяний учитель»). Еще одним из многочисленных примеров может являться слово fruit machine — a coin- or token-operated machine which pays out according to the combination of symbols (often representations of fruit) appearing on the edges of wheels spun by the operation of a lever.

В таких образованиях нет непосредственной смысловой связи между компонентами. Наименование предмета в этих случаях происходит по принципу использования одного из признаков, необязательно существенного, предмета. Такой принцип наименования ведет к полной непредсказуемости смысловой связи между компонентами и, следовательно, значения сложного слова или словосочетания в целом. В них сложность лексико-семантического отражения реальной действительности выступает в сочетании со структурной немотивированностью, неразложимостью, невозможностью структурного эксплицирования их смысловой структуры.

Структурная немотивированность в словосложении — явление сложное, неоднородное, включающее в себя ряд разновидностей, выступающее как в совокупности с лексико-семантической осложненностью, так и без таковой.

Многозначность и идиоматичность сложного слова

В настоящем разделе рассматриваются явления многозначности и идиоматичности сложного слова, а также связь структурной мотивированности/немотивированности сложного слова. Все эти явления тесно переплетаются. При развитии сложным словом многозначности его переносное значение становится идиоматичным в сугубо лексическом понимании.

При анализе идиоматичности сложного слова следует различать изначальную и приобретенную идиоматичность. Это очень хорошо описано Н. Г. Гутерман⁶³. Сложные слова с изначальной идиоматичностью — это такие слова, которые в момент образования являются идиоматичными и никогда не выступают в неидиоматичном значении. Так, *gate-crasher* означает только *незванный гость, зритель без билета, заяц* и не означает того, кто взламывает ворота, хотя бы уже потому, что такого лица в принципе не существует. Если же возникает ситуация, в которой потребуется описать такое лицо, то такое слово, даже если выбор падет именно на *gate-crasher*, будет уже другим, омонимичным образованием, речевой композитой, не имеющей по существу отношения к идиоматичному сложному слову *gate-crasher*. Попутно можно заметить, что в языке вряд ли существует такое явление, когда от идиоматичного значения развивается неидиоматичное. Сюда же примыкают и случаи типа *lipstick губная помада*, когда предмет обозначен при помощи какого-то признака («губная палочка»), при этом предмета, который назывался бы «губная палочка» в прямом смысле, вообще не существует и, следовательно, о развитии переносного значения в этом случае не приходится говорить.

Принципиально отличаются от таких случаев слова типа *night car* — первоначально *ночной колпак*, а затем — *чашка чая, выпиваемая на ночь и последняя встреча в данный день* (спорт.). Это явный случай приобретенной идиоматичности сложного слова. Однако к процессу словосложения эта идиоматичность не имеет никакого отношения. «Пересмысление, как перенос наименования с одного предмета на другой, может произойти в значении каждого, не только сложного, но и простого и производного слова. Таким путем в слове возникают дополнительные значения и развивается многозначность. Этот процесс представляет собой общелексическое явление, не имеющее прямого отношения к словосложению и не зависящее от него»⁶⁴.

В самом деле, многозначность и приобретенная идиоматичность сложного слова находятся в сфере лексического, а не словообразовательного анализа, ибо изменение значения сложного слова принципиально не связано с его структурой как сложного слова. Изменения значения происходят после того, как сложное слово уже функционирует в виде готовой лексической единицы. Эти изменения и следуют тем закономерностям, по которым развивается многозначность лексических единиц, главным образом от прямого к переносному значению. Так, слово *night car* в прямом значении означает

ночной колпак, а в переносном — *чашка чая, выпиваемая на ночь*, а также *последнее, заключительное спортивное соревнование*. Логика развития такой многозначности вполне очевидна: используется та часть смысловой структуры слова, которая несет в себе значение чего-то делающегося в виде завершения, окончания, последнего акта и т. п.

Несмотря на такую лексическую, а не словообразовательную сущность процесса изменения значения сложного слова, развитие многозначности в сложном слове представляет определенный интерес и для анализа словосложения. Сама цельнооформленность сложного слова выступает как фактор, создающий возможность для развития многозначности. Это особенно хорошо видно на примере асинтаксических сложных слов, последовательность компонентов которых отличается от таковой в параллельных словосочетаниях. Так, словосочетание *made by a tailor* неспособно к развитию многозначности, в то время как сложное слово *tailor-made* развивает переносное значение — *аккуратный, точно рассчитанный, предназначенный для специальных целей*, например, *tailor-made education*. Такова роль цельнооформленности — служить необходимым условием и предпосылкой для развития дополнительных значений (другие примеры — *moss-grown, iron-clad*).

Важно, однако, подчеркнуть, что развитие сложным словом дополнительного значения не имеет никакого отношения к процессу словосложения как таковому. Развитие дополнительных значений в сложном слове в этих и подобных случаях является чисто лексико-семантическим процессом, никаким образом не затрагивающим композитной сущности сложного слова.

Весьма интересным является соотношение между лексической и структурной идиоматичностью. Эти два вида идиоматичности вовсе не предполагают друг друга и вообще не находятся в прямой связи. Так, идиоматичное слово *gate-crasher* обладает совершенно прозрачной структурой (синтаксически): нет никакого сомнения в том, что *gate-crasher* синтаксически полностью эквивалентно *crasher of the gate*. Таким образом, прозрачность синтаксической структуры может выступать параллельно с лексической идиоматичностью. С другой стороны, небезынтересно отметить, что неременным условием идиоматичности выступает в таких случаях цельнооформленность. Другими словами, цельнооформленность выступает как неременное условие и средство идиоматичности.

Если лексическая идиоматичность может выступать параллельно с прозрачной синтаксической структурой, то и

обратное явление тоже имеет место: употребление компонентов сложного слова в их прямом, непереносном, неидиоматичном значении может оказаться «в сетке» структурной идиоматичности. Поясним это примером. В сложном слове *bird-stone* и первый и второй компоненты выступают в своем прямом значении — *птица* и *камень*, однако значение самого сложного слова нам не ясно, ибо нам не ясно, не известно смысловое взаимоотношение этих частей. Они, эти части, не находятся в прямом отношении, их смысловая взаимосвязь не сводима к синтаксической атрибутивной связи. Более того, значение сложного слова свидетельствует о том, что прямой смысловой связи между предметами, обозначенными словами *птица* и *камень*, вообще нет. *Bird-stone* — *камень*, на котором сохранился отпечаток скелета птицы (палеонтология). Это свидетельствует о том, что смысловая связь в этом случае между этими двумя предметами («птица» и «камень») является не прямой, а сложноопосредованной: «камень — отпечаток птицы — птица», при этом само понятие «отпечаток» в эксплицитной форме в сложном слове отсутствует, что дает нам право именовать такие слова структурно-идиоматичными или структурно-немотивированными: нам неизвестно, как связаны между собой части сложного слова в смысловом отношении.

В свете вышесказанного об изначальной и приобретенной идиоматичности сложного слова выявляется причина некорректных рассуждений о значении сложных слов, встречающихся у некоторых авторов. Это состоит в том, что при анализе значения сложного слова нередко смешивается значение сложного слова как результат объединения основ и приобретенное идиоматическое значение, что не имеет прямого отношения к композитному акту, т. е. к акту объединения основ. Так, Л. Глейтман и Г. Глейтман пишут следующее: «Структурные отношения между сложными словами и структурами в виде предложений в некотором роде систематически оказываются затемненными, так, *doghouse* эквивалентно *the house for dogs* или *the house where a dog lives*; хуже того, иногда это вовсе не дом, а «немилость», «нерасположение»⁶⁵. Здесь мы имеем дело с явным смешением первичного значения сложного слова, с одной стороны, и его приобретенной идиоматичностью, с другой, которая не имеет органической связи со структурой сложного слова. Первые две перефразировки: *the house for dogs* и *the house where a dog lives* — сохраняют денотативный инвариант и принадлежат к тому, что можно назвать псевдоомонимией сложного слова (см. ниже). Что же касается идиоматического зна-

чения, которое к тому же в данном случае является фразеологически связанным и выступает лишь в словосочетании *to be in the doghouse*, то оно не имеет прямого отношения к изначальной смысловой структуре сложного слова, а базируется в конечном итоге так же, как и фразеологически свободные переносные значения, на внешнем сходстве с предметом, обозначенным *doghouse*.

Суждение Н. Г. Гутерман об обусловленном переосмыслении наводит на мысль о необходимости пересмотреть укоренившийся подход к возникновению многих сложных слов на базе словосочетаний. Вероятно, многочисленные сложные слова, внешне соотносимые со словосочетаниями, генетически не имеют ничего общего с этими словосочетаниями. В самом деле, разве обязательно предполагать, что сложное слово *green-house* (*теплица*) возникает на базе свободного словосочетания *green house* *зеленый дом*. Логичнее предположить, что *green-house* в значении *оранжерея, теплица* возникает совершенно независимо от словосочетания *green house*, которое не имеет денотативной значимости: ведь словосочетание *green house* *зеленый дом* не выражает ничего, кроме случайной характеристики предмета. Это рассуждение станет яснее, если противопоставить словам типа *green-house* слова типа *steelworker*, которое генетически не может не иметь отношения к словосочетанию *steel worker*.

В дополнение к примерам Н. Г. Гутерман можно привести другие примеры, которые, в свою очередь, позволят дополнить ее суждения об обусловленном характере переосмысления в сложных словах. Проанализируем слова *hotbed* и *hot dog*. Они являют собой пример изначального переосмысления, так как не существует таких примеров, которые обозначались бы такими словами в прямом смысле, если отвлечься от совершенно случайных характеристик, которые могут возникать при описании любого предмета. Слова типа *hotbed* и *hot dog* характеризуются композитной обусловленностью. Однако в ходе своего функционирования эти слова развили другое, переносное по отношению к их изначальному значению, значение: *hotbed* *парник*; перен. *очаг*; *hot dog* *сосиска*; восклицание, выражающее восторг. Эти примеры говорят о чрезвычайно интересном явлении: возникнув в композитно-обусловленном значении, сложные слова могут далее развивать лексически-переносные значения.

Таким образом, значение сложного слова является пучком весьма разнообразных элементов: значение сложного слова находится в зависимости от характера его соотносительности со значением словосочетания, его структурно-семанти-

ческой организации, которая создает предпосылки для структурно-семантического значения, внутри которого находится лексическое (реальное) значение, выступающее как средство номинации. С другой стороны, значение сложного слова поддерживается значением и рядами, создающими его лексическую наполняемость.

Композитная омонимия

Дополнительный, но весьма важный свет на смысловую структуру сложного слова проливает анализ сложных слов — омонимов, образующихся как следствие композитной омонимии. В результате композитной омонимии возникают такие пары, омонимия которых связана с различием в смысловом взаимодействии их частей.

Композитная омонимия особенно широко распространена в английском языке, что объясняется, по крайней мере, тремя причинами: 1) предрасположенностью языка к словосложению вообще; 2) большим количеством омонимичных корневых — непроеводных — слов; 3) большой степенью свободы отношений между компонентами сложных слов в этом языке. Это обстоятельство делает весьма интересным и плодотворным изучение проблемы композитной омонимии в английском языке.

Предварительные наблюдения над композитной омонимией английских сложных слов $N + N$ позволяют сделать вывод о том, что это явление неоднородно и распадается на следующие виды: 1 — лексическая омонимия, 2 — структурная омонимия, 3 — деривационная омонимия, 4 — смешанный вид, связанный с двумя или всеми тремя видами.

1. Лексическая омонимия композит принципиально не отличается от лексической омонимии однокорневых (несложных) слов. Она возникает, когда компонент (или компоненты) сложного слова является представителем омонимичной пары или выступает в разных значениях. Например, слова *bed-rest** и *bed-rest*** — лексические композитные омонимы. Их омонимичность — результат омонимичности их вторых компонентов: *rest** *отдых* и *rest*** *подставка*. В результате возникают омонимы: *bed-rest** — *a period of resting in bed*; *bed-rest*** — *a device used to prop a patient up in bed*.

В паре *play-book** и *play-book*** первый компонент выступает в разных значениях. В первом слове компонент *play* означает *пьеса; драматическое произведение*, а во втором слове *play* — *игра* (спортивная — футбол, хоккей и т. п.). В результате возникает следующая пара омонимов: *play-book** —

a book (a collection) of plays; play-book** — a book containing the diagram of a play.

Однако кроме различия в лексическом значении компонента play в этих словах имеется и некоторое различие в смысловой структуре: в слове play-book* — a book of plays смысловая связь компонентов непосредственна, а в случае play-book** легко усматривается отсутствие одного элемента: a book containing diagrams of plays. Вместе с тем основная причина омонимичности в паре play-book* и play-book** — различие в лексическом значении компонентов play* и play**, а поэтому их можно считать представителями лексической композитной омонимии.

2. Структурная омонимия композит — такая омонимия, которая связана с различием в отношениях между компонентами при их одинаковом лексическом значении. Например, в паре horse-boat* — boat for transporting horses (*паром для перевозки лошадей и повозок*) и horse-boat** — boat drawn by horses (*паром или баржа с конной тягой*) отношения между компонентами различны: в первом случае предмет, обозначенный первым компонентом (*лошадь*), является объектом действия, а во втором — субъектом, точнее, средством выполнения действия. Интересным примером структурной омонимии является пара book-page* — a page of book; book-page** — a page that is devoted to reviews and notices of books, e. g. in a newspaper or journal, иначе — a page about books.

3. Деривационная омонимия композит возникает вследствие различной деривационной истории сложных слов, при этом сами эти различия могут носить разный характер:

(а) В словах gun-boat* и gun-boat** отличие деривационной истории состоит в том, что в одном из членов пары gun* представляет собой усечение от слова *гуннер командор*, а другой член пары выступает в обычном, неусеченном виде: gun** *ружье*. В результате возникают омонимы gun-boat* *кают-компания младших офицеров* и gun-boat** *комната для хранения охотничьих ружей*.

(б) В fire-watcher* и fire-watcher** первый член пары (one who tends a fire) *кожегар* и т. п. образуется непосредственно сложением (fire + watcher), а второй член пары соотносится со сложным словом fire-watching, т. е. является его производным, что, в частности, следует из смысловой связи между словом на -ing и словом на -er: fire-watcher — one who is engaged in fire-watching; fire-watching — keeping on the alert esp. at night, to watch for and report the occurrence or spread of fires. Следовательно, fire-watcher** — *дежурный пожарный*.

(в) Совершенно иной характер носит расхождение в деривационной истории слов *fire-company** *пожарная команда* и *fire-company*** *страховое общество*. При некотором различии в значении второго компонента, т. е. при лексической омонимии, основное различие в значении этих слов обязано тому факту, что образование второго из них связано с эллипсом: *fire-company*** — *fire (insurance) company*.

(г) Словарь "Dictionary of New English"⁶⁶ приводит слова *autocide** и *autocide***. Одно из них образовалось из *auto* (*само*) + *cide* (*убийство*) и означает *самоубийство*. Другое возникло в результате слияния усеченных слов *automobile* + *suicide* и означает *самоубийство путем преднамеренной автомобильной катастрофы*.

Разные словообразовательные процессы характеризуют и следующие два композитных омонима: *paramedic** и *paramedic***. Первый член этой пары является продуктом обратного словообразования от *paramedical*, которое в свою очередь состоит из *para* (*около, рядом, почти* и т. п.) + *medical* (*медицинский*). Образованное таким образом слово означает *лицо среднего и (или) вспомогательного медицинского персонала*. Другое образование — *paramedic*** представляет собой сложение компонента *para-*, извлеченного из слова *parachute*, со словом *medic* (*врач, медик*). Отсюда значение *paramedic*** — *медик, сбрасываемый на парашюте для оказания помощи пострадавшим в бою*.

4. Смешанная омонимия композит возникает в результате двух или более видов композитной омонимии.

Можно наметить примеры структурно-лексической омонимии. Например, в словах *bedroom** — *room in bed* (в таком значении это слово находим у Шекспира в комедии «Сон в летнюю ночь») и *bedroom*** — *a room used to contain a bed, a sleeping apartment*. В первом случае компонент *room* — *место, пространство*, а во втором — *комната*. Это сопровождается различием в структуре: *room in bed, room for bed(s)*.

Примером структурно-лексической омонимии в новейшем английском языке является пара *space-saver** и *space-saver***. В первом члене пары компонент *space-* выступает в значении *место, пространство*, а слово в целом означает любой портативный предмет, позволяющий экономить место (*saver of space*), ср. в этой связи *labour-saver, time-saver, money-saver*. Во втором члене пары компонент *space-* выступает в значении *космос*, а слово в целом означает космический летательный аппарат, предназначенный для спасения экипажа космического корабля, терпящего аварию (*saver in space*).

Деривационно-структурная омонимия проявляется там, где различие в деривационной истории сочетается с различием в отношениях между компонентами. Так, слово *fire-curtain** в значении *театральный занавес из огнеупорного материала* и слово *fire-curtain*** *огневая завеса* (воен.) отличаются и лексическим значением обоих компонентов (*fire* *огонь* и *артиллерийская стрельба*; *curtain* *занавес* и *завеса*), и деривационной историей. *Fire-curtain** образуется с участием эллипса: *fire-curtain* — *fire* (proof) *curtain*, в то время как *fire-curtain*** стягивается из словосочетания *curtain of fire*. В этой паре можно усмотреть и структурную омонимию, ибо *fire-curtain** — *curtain to resist (against) fire*; *fire-curtain*** — *curtain of fire*. Следовательно, в этой паре омонимов объединяются несколько видов композитной омонимии.

Интересный случай композитной омонимии представляет собой слово *playhouse* = 1) a theater for live dramatic productions; 2) a small house for children to play; 3) a child's toy house or doll house.

Среди композитных омонимов есть такие пары, в которых один член пары является многозначным, не образуя, однако, омонима, но противостоит в своих разных значениях другому слову — омониму. Например, слово *book-worm* имеет два значения: 1) *червь, уничтожающий (портящий) книги* и 2) *заядлый читатель*. Совершенно очевидно, что эти два значения не образуют омонимии, а представляют собой лишь разные значения одного и того же слова. Независимо ни от одного из этих двух значений возникает слово *book-worm***, обозначающее подставку для книг, один конец которой неподвижен, а другой может разворачиваться в виде металлического червяка по мере наполнения книгами.

В некоторых случаях трудно провести грань между многозначностью сложного слова и композитной омонимией. В частности, трудно установить, являются ли многие слова со вторым компонентом *-man* различными значениями одного слова или омонимичными образованиями. Например, *gunman* = 1) a man armed with a gun, esp. a gangster; 2) a man skilled in the use of a gun; 3) one who makes guns. Ср. также *bookman* в значениях *ученый, книгоиздатель, продавец книг*. В этих случаях возможно и третье решение: компонент *-man* можно принять за суффикс с обобщенным значением «тот, кто имеет отношение к предмету, обозначенному первым компонентом»; разный характер этого отношения и результируется в разных значениях слов с компонентом *-man*. Такое решение, однако, уже связано не с композитной омо-

нимией, а с проблемой значения суффикса или компонента, близкого к суффиксу.

В некоторых случаях образование пар композитных омонимов может быть разорвано по времени несколькими столетиями, например, *book-worm** (XVII в.) и *book-worm*** — слово, появившееся в 70-е годы XX в. В других случаях оба члена пары могут возникать приблизительно в одно и то же время, например: *fire-curtain** и *fire-curtain*** (оба слова зафиксированы «Приложением к оксфордскому словарю» 1972 г.). Есть омонимы, которые функционируют в текстах, относящихся к разным сферам деятельности человека, например: *flight-line** *направление полета птиц во время миграции*, *flight-line*** *линия, на которой располагаются самолеты и обслуживающие средства*. Другие омонимы уживаются в пределах довольно близких сфер, например, *flight-deck** *взлетная палуба авианосца*, *flight-deck*** *кабина команды самолета*.

Наконец, встречаются пары, в которых один член принадлежит к одному языковому ареалу, другой член — к другому, например, *grass-line** *веревка, сплетенная из травы*, *grass-line*** *верхний уровень растительности в горах* (Новая Зеландия).

Вышеприведенное, хотя и довольно подробное рассмотрение композитной омонимии, не исчерпывает всей проблемы этой особенности английского словосложения. Все разновидности описанной омонимии имеют одну принципиально важную общую черту — все такие омонимы означают разные предметы реальной действительности, другими словами, имеют разные референты. И поэтому все они могут быть отнесены к подлинной или истинной омонимии. Такая омонимия имеет своим источником реальную, не зависимую от лингвистических исследований причину — разные предметы названы внешне совпадающими языковыми средствами — словами-омонимами.

В отличие от такой омонимии в ходе анализа словосложения выявилась другая омонимия — «лингво-исследовательская» омонимия, т. е. такая, которая не имеет под собой реальной почвы, так как слова, в которых она усматривается или может быть усмотрена, фактически означают один предмет действительности, имеют один и тот же референт. Второе значение в таких случаях является лишь следствием лингвистического анализа. Можно различать два вида «лингво-исследовательской» омонимии: 1) квазиомонимию, или потенциальную, и 2) псевдоомонимию.

Композитная квазиомонимия проистекает из возможности неоднозначной трактовки отношений между компонентами

сложного слова, при этом реальное, фактическое (лексическое, словарное) значение сложного слова закрепляется лишь за одним предметом и потому не вызывает никакой двусмысленности. Хорошим примером квазиомонимии являются слова *flour mill* и *wind mill*, описанные Р. Лизом в его книге "The Grammar of English Nominalizations", где Р. Лиз говорит о том, что, если бы существовал предмет (механическое устройство), приводимый в действие порошком, то он мог бы называться *flour mill* (= *mill driven by flour*), а если бы существовала установка, производящая ветер, то она могла бы называться *wind mill* (= *mill producing wind*). Фактически, однако, слова *flour mill* и *wind mill* закреплены за названиями известных, реально существующих предметов. Используя пример О. Есперсена, можно построить квазиомонимы *home-sick* (тот, кому надоел дом) и *sea-sick* (тоскующий по морю). Так как в таких значениях этих слов нет (*flour mill*, *wind mill*, *home-sick*, *sea-sick* во вторых гипотетических значениях), такую омонимию можно назвать квазиомонимией. Учитывая, однако, что принципиально развитие таких значений, возможно, ничем не ограничивается, такая омонимия может рассматриваться и как потенциальная, и в этом смысле очень многие сложные слова (если не все) могут считаться потенциально омонимичными.

Если абстрагироваться от реального (предметно-вещественного) значения сложного слова, то каждому сложному слову можно приписать *n*-ое количество структур. Так, вполне определенное слово *steamship* может трактоваться и как *ship that carries steam* (ср. *cargo vessel*), и как *ship that sails in steam* (ср. *space-ship*), и как *ship that is inflated with steam* (ср. *airship дирижабль* — корабль, надуваемый горячим воздухом). Примечательна в этом отношении гипотетическая трактовка сложного слова *horse cart* в книге Л. Глейтман и Г. Глейтмана: "Very different expressions are related to the same compound. In principle horse cart may mean cart that is shaped like a horse (as box-car means car that is shaped like a box), and similarly it might mean cart that is drawn by a horse (as in dog-sled), cart that a horse rides in (as in passenger-car), cart for a horse (as in hay-wagon), cart that is as big as a horse (as in horse-radish)"⁶⁷.

Ср. также следующее рассуждение Л. Байэр: "...Hausfrau might come from any of

die Frau für das Haus, die Frau des Hauses

—”— aus dem Haus, —”— mit dem Haus

—”— im Haus, —”— auf dem Haus

—”— am Haus, —”— vom Haus

or even die Frau wie ein Haus and there is no way of telling which it has come from"⁶⁸.

Такие рассуждения свидетельствуют, в частности, о возможности приписывать любому сложному слову п-ое количество синтаксических конструкций, что, в свою очередь, свидетельствует о том, что предметно-вещественное значение слова не определяется синтаксической конструкцией, которая якобы лежит в его основе. Наконец, такие примеры анализа сложных слов являются хорошей иллюстрацией того, как конструирование всевозможных гипотетических словосочетаний, не имеющих ничего общего с реальными сложными словами, уводит исследователей от анализа подлинной смысловой структуры последних.

В отличие от квазиомонимии или потенциальной омонимии, псевдоомонимия характеризуется отсутствием как реального, так и потенциального референта в дополнение к уже обозначенному фактическим сложным словом. Источником псевдоомонимии служат исследовательские приемы, конкретнее — приписывание сложному слову различных синтаксических структур.

Понятие денотативного инварианта

При анализе значения сложного слова многие исследователи обращают внимание на тот факт, что ряд слов допускает толкование их значения при помощи более чем одного словосочетания. «Структурные отношения между сложными словами и фразовыми построениями оказываются систематически неясными, например, слово doghouse эквивалентно словосочетанию the house for dogs или the house where a dog lives»⁶⁹. В другом месте книги эти же авторы пространно рассуждают о различных синтаксических структурах, соотносимых со словом lion-house: «...здесь мы находим различные прочтения, которые не являются несовместимыми. Мы полагаем, что человек, который говорит lion-house, посчитает странным, если его спросят: «Вы имеете в виду «дом для льва», «дом, пригодный для львов» или «дом, где могут жить львы». Очевидно говорящий имел в виду любой из этих вариантов без какой-либо дифференциации, хотя все они отличаются по синтаксической структуре. В этом случае сложное слово, очевидно, является неопределенным скорее, чем двусмысленным (compound seems vague rather than ambiguous)»⁷⁰.

Анализируя слово police dog, Р. Лиз рассуждает о том, что это слово допускает понимание его и как the police uses the dog, и как dog which serves the police⁷¹.

В другом месте встречаем рассуждение о том, что слово *car ride* можно соотнести и со словосочетанием *ride in a car*, и со словосочетанием *ride by a car*⁷².

Такие примеры, разумеется, можно продолжить, распространяя их чуть ли не на каждое сложное слово в зависимости от степени игры воображения. В самом деле: *book page* — это *page of a book* или *page in a book*; *money bag* — *bag for money* или *bag where one keeps his money*; *car radio* — *radio mounted in a car* или *radio to be used during a car ride* и т. д. и т. п.

Вместе с тем приведенные выше примеры и их интерпретация дают основания сделать следующие выводы.

1. Сложные слова, как и все другие языковые единицы, в какой-то степени так или иначе омонимичны. Однако омонимичность вышеприведенных сложных слов является по существу псевдоомонимичностью, так как она не отражается на номинативной функции слова и различные синтаксические интерпретации не затрагивают обозначаемого предмета, вращаясь вокруг одного и того же денотата. На этом основании можно говорить о наличии денотативного инварианта сложного слова при возможности соотнесения его с различными синтаксическими структурами.

2. Сложному слову можно приписать не одну, а более синтаксических структур в пределах денотативного инварианта, что подчеркивает определенную автономность сложного слова от синтаксической конструкции и, во всяком случае, первичность значения сложного слова по отношению к его синтаксической интерпретации.

Хорошим примером источника псевдоомонимии служит анализ слова *police dog* в упомянутой книге Р. Лиза, где сложному слову приписываются две конструкции. Например, слово *police dog* может интерпретироваться как *dog which the police use* или *dog which serves the police*, при этом в первой интерпретации *dog* выступает в роли объекта — дополнения, а во второй — в роли субъекта — подлежащего, т. е. как бы в диаметрально противоположных функциях, однако при инвариантном лексическом значении сложного слова суть предмета, обозначенного *police dog*, остается той же. Другими примерами псевдоомонимии могут являться случаи *doghouse* (*the house for dogs*, *the house where a dog lives*), *a car ride* (*a ride in a car*, *a ride by car*). Таким образом, в сложных словах можно различать три вида омонимии: 1) подлинная, истинная омонимия, характеризующаяся наличием двух или более референтов; 2) квазиомонимия, характеризующаяся наличием одного референта, но допускающая

гипотетическое наличие других референтов; 3) псевдоомонимия, характеризующаяся наличием одного референта при возможности различных синтаксических интерпретаций, остающихся внутри одного смыслового инварианта.

Введение понятий квазиомонимия и псевдоомонимия и рассмотрение вышеприведенных примеров убедительно подкрепляют очень важное суждение о соотношении словосочетания и сложного слова: «...для каждого сложного слова существует не одно, а множество таких словосочетаний (одно и то же значение можно описать, раскрыть различным образом)». Также: «...из компонентов сложного слова можно, вообще говоря, образовать не одно, а множество словосочетаний с привлечением и без привлечения дополнительных служебных и неслужебных слов»⁷³. Таким образом, значение сложного слова не должно ставиться в обязательное и подчиненное соответствие неким словосочетаниям, а, наоборот, последние следует рассматривать как средство синтаксической интерпретации сложных слов.

III. ОБ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ КОМПОНЕНТАМИ СЛОЖНОГО СЛОВА

Проблема отношений между компонентами сложного слова всегда интересовала специалистов словосложения и лингвистов, так или иначе интересующихся словосложением. Здесь этот вопрос будет рассмотрен в виде ретроспективного обзора.

В лингвистической литературе имеется много суждений об отношениях между компонентами сложного слова. Уже само разнообразие наименований отношений между компонентами сложного слова говорит о сложности проблемы: смысловые, логические, семантические, структурно-семантические, синтаксические, синтактико-подобные и другие отношения, при этом за различными наименованиями иногда стоят одинаковые понятия, и, наоборот, одни и те же наименования, применяемые разными авторами, отражают далеко не одинаковые понятия.

Одни исследователи говорят о смысловых отношениях между компонентами. Например: «Морфемы, обладая определенным смысловым значением, вступают между собой в определенные смысловые взаимоотношения. Так, например, в сложном слове *home-made* первый компонент указывает на место протекания действия второго компонента»¹. О смыс-

ловых отношениях говорит один из исследователей чешского языка, но в понятие «смысловые» он вкладывает совершенно другое содержание, называя эти отношения соединительными, определительными, объектными, обстоятельственными, дополнительными². К. Бругман, анализируя именные сложения, отмечает, что отношения между их компонентами обнаруживаются исключительно по смыслу, который сочетаемые основы имели сами по себе, и называет их смысловыми³.

Другая группа исследователей усматривает в сложном слове логические отношения между его компонентами. Нилс Бергстен различает логические и семасиологические отношения, но, к сожалению, не поясняет, что именно имеется в виду под этими названиями. Приводятся лишь примеры в качестве иллюстрации таких отношений: в слове *oak-tree* — логические отношения, а в слове *spirit lamp* — семасиологические, при этом считается, что в первом случае имеется простая логическая связь: *a tree which is an oak*, а во втором отношения требуют специальной интерпретации.

При анализе сложных слов типа «существительное + существительное» О. Есперсен говорит: “The possible logical relations between the two parts are manifold”⁴. Под логическими отношениями он имеет в виду то, чем является первый компонент по отношению ко второму: субъект, объект, место, инструмент.

О логических отношениях говорит и А. И. Томсон: «...первый член в *водовоз* можно понимать в отношении вин. п., в *братоубийца* в род. п. Но в действительности в таких сложениях нет таких падежных значений, а логические отношения между членами сложения менее определенные, не соответствующие в точности синтаксическим значениям падежей»⁵.

Н. Н. Амосова также говорит о логических отношениях между компонентами в сложном слове: «...пытаясь вскрыть отношения между компонентами сложного слова, мы говорим не о синтаксических отношениях, которых между ними быть не может, ибо сложное слово по природе своей существенным образом отличается от грамматического соединения слов, т. е. от словосочетания, а об отношениях логических»⁶. Кроме того, Н. Н. Амосова говорит о «структурно-логических связях внутри сложного слова».

Третья группа лингвистов намечает семантические отношения между частями сложного слова.

И. В. Арнольд пишет: «Семантические взаимоотношения элементов внутри сложных слов могут быть в английском языке очень разнообразные... один из элементов может уточ-

нять значение, выраженное вторым в отношении материала, цвета, происхождения, занятия, качественной характеристики, места, времени, назначения и т. д.»⁷.

М. Д. Степанова считает, что «обычно между компонентами сложного слова существует определенная семантическая связь». Однако под семантической связью М. Д. Степанова понимает нечто другое, чем И. В. Арнольд. «По типу семантической связи между их компонентами, — пишет М. Д. Степанова, — сложные прилагательные могут быть подразделены на два типа: 1) определительные сложные прилагательные; 2) сочинительные сложные прилагательные»⁸.

Еще одно содержание в понятие «семантические отношения» вкладывается Н. Г. Гутерман, которая пишет: «При всем многообразии, пестроте, а подчас и причудливости характера семантических взаимоотношений компонентов двучленных существительных, все случаи таких отношений можно свести к двум основным типам: 1) сложных существительных с ограничительным характером соотношения компонентов и 2) сложных существительных с процессуальным характером соотношения компонентов»⁹.

О широком варьировании семантических отношений в сложных словах пишет Е. С. Кубрякова¹⁰.

Подчеркивая многообразие семантических отношений, Ч. Карр говорит: «Хотя и можно пытаться классифицировать сложные слова с семантической точки зрения, невозможно установить все взаимоотношения, которые в них встречаются, и отнести каждое слово к тому или иному классу»¹¹.

Наконец, четвертая группа лингвистов придерживается мнения о наличии синтаксических отношений между компонентами сложного слова.

В грамматике русского языка находим следующее суждение: «По характеру основ и по синтаксическому соотношению частей выделяется несколько типов сложных существительных... первая часть может иметь значение объекта действия: конокрад (коней красть), сенокос (сено косить)... обе части могут выражать отношения деятеля и производимого им действия: снегопад (снег падает), солнцепек»¹².

Синтаксические отношения усматриваются и некоторыми исследователями сложных слов. Например: «Между элементами сложного слова существуют часто такие же синтаксические отношения, как между отдельными словами в предложении... Конечно, здесь необходима оговорка: эти связи обычно синтаксически не выражены, как это мы видим

между членами предложения, но несомненно вытекают из логического анализа»¹³. Такое рассуждение нельзя признать корректным: если имеются синтаксические отношения, то они должны выявляться синтаксическим анализом, а не вытекать из анализа логического.

Более обосновано следующее рассуждение: «Между компонентами сложного слова существуют опосредствованно-синтаксические отношения, своеобразие которых заключается, однако, не в их непосредственной выводимости из каких-либо конкретных словосочетаний, а лишь в их соотносительности с определенным типом словосочетания в целом»¹⁴.

Имеются попытки объединить свойства отношений между компонентами комбинированными наименованиями: «синтактико-смысловые связи». Есть и такой подход, когда отношениям в сложном слове приписывается наличие нескольких разноплановых отношений одновременно: «Внутри сложного слова, помимо семантических и морфологических взаимоотношений, довольно отчетливо проступает также и элемент синтаксической соотнесенности частей»¹⁵.

Вместе с тем, как бы ни были различны вышеизложенные трактовки отношений между компонентами сложного слова, они объединены общим подходом, который состоит в анализе отношения частей без обращения к тем лексическим изменениям, которые происходят в основах, входящих в сложное слово и формирующих смысловую структуру сложного слова в целом, отличая его от словосочетания в чисто лексическом плане. При таком подходе в понятие «отношения между компонентами» вкладывается совершенно другое содержание, а именно то лексико-семантическое взаимодействие частей в сложном слове, благодаря которому его лексическое значение отличается от параллельного словосочетания, состоящего из материально совпадающих элементов.

Излагая семантический анализ сложных слов, проведенный Л. Вейсгербером, М. Д. Степанова пишет: «Рассмотрев семантическое отличие определительных сложных слов от словосочетаний — ср. его сопоставления: *Junggeselle* — не обязательно «молодой холостяк» — и *Junger Geselle*; *Hochhaus* — *hohes Haus*; *Menschen-alter* — «поколение людей» и *Alter des (eines) Menschen*; *Vaterland* «отечество» и *Land des Vaters* и т. д., он переходит к определению отношений между их первым и вторым компонентами. Соединяясь с первым компонентом, второй получает новую лексическую окраску»¹⁶.

В известной степени аналогичное описание отношений между компонентами сложного слова находим у Б. М. Яци-

мирского, который, называя эти отношения смысловыми, понимает под ними некое дополнительное значение, формирующееся в сложном слове и отличающее его значение от словосочетания. Он говорит: «...смысловые отношения между компонентами сложного слова сплошь и рядом не равнозначны отношениям между словами в аналогичных словосочетаниях. Несколько примеров. Сельсовет — это не просто сельский совет, а сельский совет депутатов трудящихся. Травосеяние — это посев не любых трав, а только кормовых. Словообразование — это не простое «образование слов», а «образование производных слов в языке»¹⁷.

Совершенно очевидно, что в двух последних случаях (Л. Вейсгербер в изложении М. Д. Степановой и Б. М. Яцимирский) отношения между компонентами сложного слова анализируются в совершенно другой плоскости — плоскости целиком лексической, а соотношение сложного слова с соответствующим словосочетанием рассматривается с точки зрения степени и характера неравенства лексического значения между этими двумя единицами. Описанные же выше трактовки отношений (установление синтаксических, логических и других типов отношений) связаны со структурой сложного слова как с фактором опосредованной синтагматической связи его компонентов.

Конечно, в сложном слове присутствует и тот и другой вид отношений: и внутрисловная опосредованная синтагматическая связь, которая формирует структурно-семантическое значение сложного слова, и лексическая взаимосвязь, которая модифицирует лексическое значение сложного слова, но вряд ли и то и другое следует именовать одинаково: отношения между компонентами сложного слова. Именование этих двух видов связей одним и тем же термином «отношения между компонентами сложного слова» может вести к нечеткости в анализе значения сложного слова. Показателен в этом отношении анализ слова *gas chamber* Р. Лизом, который утверждает, что это слово в значении «газовая камера двигателя внутреннего сгорания» характеризуется одними отношениями между *gas* и *chamber*, а в значении «газовая камера для уничтожения людей в лагерях смерти» характеризуется другими отношениями между этими компонентами. Это неверно; и в том, и в другом случае структурно-семантические отношения одни и те же: и в том, и в другом случае второй компонент указывает на место нахождения предмета, обозначенного первым компонентом, точнее, на некое вместилище. В этом смысле слово *gas chamber* стоит в таком же ряду, как и слово *money bag*. Вопрос о назначе-

нии газа, который находится в камере, выходит за рамки структурно-семантических отношений и целиком связан с чисто лексическим значением слова. Вопрос же о том, развилось второе значение *gas chamber* из первого или же мы имеем здесь дело с разными омонимичными словами, также не имеет отношения к проблеме отношений между компонентами сложного слова.

IV. СВЯЗЬ СЛОВОСЛОЖЕНИЯ С АФФИКАЦИЕЙ

Из двух видов аффиксов — префиксы и суффиксы — именно последние являются теми формантами, с которыми словосложение обнаруживает весьма разнообразные и очень важные связи. Обычно связь между словосложением и суффиксацией усматривают в плане диахронии. В этом смысле отмечается, что некоторые суффиксы в прошлом являлись полнозначными лексическими единицами и образовывали сложные слова. Постепенно десемантизовавшись, они перешли в разряд суффиксов, а лексические единицы, в состав которых они входили, превратились тем самым из сложных слов в производные (суффиксальные) слова. В этом правильно усматривается связь между суффиксацией и словосложением. Такая связь имеется и в современном английском языке.

Можно, однако, обнаружить и другие, синхронные связи между словосложением и суффиксацией. Они состоят во взаимной дополняемости этих систем. Известно, что в английском языке некоторые лексико-грамматические категории существительных очень слабо маркированы средствами суффиксации. Выявить эту черту английского языка можно путем сравнения, например, с русским языком. С этой целью достаточно сравнить некоторые производные от имен существительных в русском языке с их английскими эквивалентами и рассмотреть те средства, которые используются в английском языке для достижения аналогичного смыслового задания. В русском языке развиты суффиксы феминизации, уменьшительные суффиксы, а также суффиксы, обозначающие отдельные типы предметов, например, предметов-помещений, предметов-вместилищ и т. п. Аналогичные суффиксы в английском языке либо слабо развиты, либо их действие подвержено сильным ограничениям, либо вовсе отсутствуют. При этом неразвитость или полное отсутствие таких суффиксов восполняется средствами словосложения.

Например, в русском языке развита система суффиксов феминизации, в то время как в английском языке эта категория представлена всего лишь несколькими довольно нерегулярно используемыми суффиксами. В то же время в речи любого языкового коллектива часто возникает необходимость дифференцировать обозначаемые одушевленные существительные по их полу. В таких случаях в английском языке на помощь приходит употребление полнозначных существительных со значением пола в совокупности с обозначаемым предметом. Наиболее часто употребляемыми из такого рода существительных являются существительные *man*, *woman*, *girl*, *boy*, *lady*, которые и выступают в роли аналитического средства выражения категории рода. Такие полнозначные существительные образуют словосочетания, очень близкие к сложным словам, например: *woman announcer*, *girl pilot*, *lady clerk*, *man voter*. С этой целью употребляются и прилагательные типа *male* и *female*.

Слово *woman* может встречаться как в препозиции, так и в постпозиции: *woman prisoner*, *woman artist*, *wire-women женщины-радиомонтажницы*. То же относится и к слову *girl*: *gypsy-girl*, *girl friend*. Слова *male* и *female* употребляются только в препозиции: *male model*, *male cigarette smokers*, *male and female officers*, *male child* (*It was common for a man to take a second wife in case the first one failed to deliver a male child*). Эти же слова употребляются и для обозначения пола животных: *male fox*. В ряде случаев пол обозначается местоимениями *he* и *she*: *he-goat*, *she-goat*, а также *she-demon*. Пол также передается и другими средствами: *pussy* (*pussy-cat*), *tom* (*tom-goat*), *nanny* (*nanny-goat*), *bull* (*bull-elephant*), *cow* (*cow-elephant*).

Другой регулярно отражаемой при помощи суффиксов категорией в русском языке является значение незрелости (*тигр* — *тигренок* и т. п.). В английском языке это значение, как правило, передается средствами, близкими к словосложению: *тигренок* — *tiger cub*, *львенок* — *lion cub*, *young lion*, *слоненок* — *elephant cub*, а также словом *baby*: *baby-buff* — теленок от 12-ти до 20-ти месяцев, *baby-mammoth* (*the baby mammoth found in the frozen ground of Siberia мамонтенок*).

Очень наглядным является взаимодействие между суффиксацией и словосложением при сравнении суффиксального обозначения предметов-вместилищ и предметов-помещений в русском языке и средствами обозначения аналогичных предметов в английском языке, где с этой целью используются такие компоненты, как *room*, *house*, а также *bowl*, *case*, *dish*.

Можно отметить и некоторое различие в номинации путем суффиксации и путем словосложения. Если при первом способе предметы именуются стандартно, без дифференциации их признаков, выделяется лишь их общая принадлежность к определенному классу предметов, то во втором случае предметы именуются с учетом их дифференциальных признаков.

Так, предметы-вместилища обозначаются в русском языке существительными с суффиксом *-ица* (*хлебница, кофейница, сахарница, сухарница, папиросница, соусница* и т. д.), в английском языке эти предметы обозначаются с учетом их отличительных признаков, выражаемых компонентами сложных слов (*bread-plate, bread-basket, soap-dish, soap-box, coffee-tin, sugar-basin*).

Таким образом, при стандартном суффиксальном обозначении предметов-вместилищ необозначенными остаются такие различия, как форма (*plate, box, pot, basket*), в определенных случаях материал (*tin*). Как видно из примеров, обозначение путем сложного слова может создавать два наименования, при этом по существу эти наименования создают два отличающихся друг от друга предмета (*soap-dish* и *soap-box*), в то время как суффиксальное обозначение теряет такую возможность (*мыльница*).

Другой чертой суффиксации является тот факт, что суффиксы, как правило, не являются моносемантическими, а совмещают в себе несколько значений, и конкретизация их значений зависит от значения основы. Так, в вышеприведенных примерах суффикс *-ица* передает значение «предмет-вместилище» только потому, что основа означает вещество — то, что может содержаться в предмете-вместилище, конкретнее, преимущественно продукты питания. Как известно, слово *телятница* означает не «вместилище» для телят, а человека, ухаживающего за телятами. Казалось бы, значение основы вносит достаточную ясность в значение суффиксального производного. Однако это не совсем так: может ли даже русскоговорящий человек быстро и уверенно сказать, что именно означают следующие слова* (предмет-вместилище или человека, имеющего отношение к предметам, обозначаемым основами): *цыплятница, курятница, гусятница, утятница*. Суффикс *-ица* может означать также предмет-инструмент, например, *вафельница*, что может вести к неясности значений (*вафельница* — инструмент для изготовления вафель или вместилище для вафель). При композитном обозначении такая двойственность устраняется, ср. *waffle-iron*.

Небезынтересно отметить, что для обозначения пятнадцати предметов-вместилищ, одинаково оформленных в русском языке суффиксом *-ица*, в английском языке используются сложные слова с самыми разнообразными вторыми компонентами: *мыльница* soap-dish, soap-box; *хлебница* bread-plate, bread-basket; *сахарница* sugar-basin; *сухарница* biscuit-dish, biscuit-barrel; *папиросница* cigarette-case; *соусница* sauce-boat, gravy-boat; *уксусница* vinegar cruet; *салатница* salad-bowl, salad-dish; *горчицница* mustard pot; *чернильница* ink-pot, ink-well; *пепельница* ash-tray; *спичечница* match-box; *чайница* tea caddy; *пудреница* powder case; *селедочница* herring dish.

Эти примеры свидетельствуют о том, что суффиксальный способ при его стандартности как бы страдает нечеткостью обозначения предмета, в то время как композитный способ вносит четкость в наименование. Дело, однако, обстоит не так просто. Многое зависит от подбора примеров. Бывают случаи, когда композитный способ не только не служит целям дифференциации называемых предметов, а напротив, как бы стремится элиминировать дифференцирующие признаки предмета. Это происходит тогда, когда композитным способом образуются большие ряды слов, при этом для обозначения довольно разных предметов используется один и тот же компонент, способный отразить лишь самый общий признак предмета. Такой компонент в значительной степени десемантизируется, передавая основную функцию дифференциального обозначения предмета другой части композита, сам же стандартный компонент начинает уподобляться суффиксу.

Рассмотрим здесь ряд английских сложных слов со вторым компонентом *-house* и увидим, что значение *дом* в них либо ослаблено, либо модифицировано, либо вовсе отсутствует: *sugar-house* *сахарный завод*, *cook-house* *походная кухня* (в этом случае помещения вовсе может и не быть), *deck-house* *рубка* (на корабле). Десемантизация при этом может носить самый разнообразный характер. Она может быть изначальной; так, при обозначении сахарного завода словом *sugar-house* имела место «недостаточная семантизация», при которой предмет «завод» именовался через слово *дом*, так как всякий завод — это прежде всего дом, хотя и не только дом. Иначе обстоит дело со словом *custom-house* *таможня*. Таможня может и не занимать целого дома, а располагаться в комнате, однако некогда таможня могла занимать целый дом, откуда *custom-house*. Все же судьба компонента *-house* в слове *sugar-house* отличается от судьбы компонента *-house* в слове *custom-house*.

Вообще можно констатировать, что в таких образованиях

компонент -house частично десемантизировался и приобрел обобщенное значение «помещение для...»: opera-house *оперный театр*, wood-house *дровяной сарай*, ice-house *ледник*, smoke-house *коптильня*, engine-house *паровозное депо*, grape-house *оранжерея для выращивания винограда*.

Весьма интересным является сопоставление русских суффиксов со значением единичной предметности со средствами, служащими для обозначения этой категории в английском языке. Ср.: *песчинка* — grain of sand, *травинка* — blade of grass, *слезинка* — tear-drop, *росинка* — dew-drop.

С другой стороны, возможны случаи, когда один язык (в данном случае английский) создает стандартное средство оформления той или иной предметной категории при отсутствии такого средства в другом языке (в данном случае в русском). Примером тому может служить компонент сложных слов -ware, передающий идею собирательности там, где она не передается в русском языке: earthenware *глиняная посуда*, гончарные изделия, керамика; glass-ware *изделия из стекла*, стеклянная посуда; silverware *столовое серебро*, изделия из серебра; grocery ware *бакалейные товары*; peltry-ware *пушнина*; travel ware *чемоданы, дорожные принадлежности*. Значение собирательной предметности передает и компонент -work, при этом такое значение нередко является вторичным от значения «действие»: needlework *вышивка, вязанье, шитье, рукоделие* (все слова со значением «действие»), отсюда предметно-собирательное значение: *строчевышитые изделия* или *вязаные изделия*. Однако в других случаях компонент -work, очевидно, способен обозначать собирательную предметность и без опоры на первичное значение действия: trestlework *эстакада, опоры моста, подмости*.

Примерами действия словосложения в английском языке там, где в русском выступает, хотя и нерегулярно, префиксация, являются следующие русско-английские пары: *соученик* school-mate, schoolfellow, *сотрудник* work-mate, *соратник*, *член той же бригады* team-mate.

К взаимосвязи суффиксации и словосложения можно подойти и с другой стороны, отметив, что словосложение вырабатывает внутри себя суффиксальные средства. Не имея в своем распоряжении суффиксальных средств, язык может использовать отдельные полнозначные слова для обозначения более или менее стандартных предметов. Выше приводилась слово house, выступающее в составе композит в такой роли. В таких случаях, однако, вовсе не приходится говорить о переходе полнозначного слова в разряд суффиксов.

V. НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА АНГЛИЙСКОГО СЛОВОСЛОЖЕНИЯ

Проблема «национальная специфика словосложения» включает в себя самые разнообразные вопросы, от мировоззренческих до вопросов конкретной словообразовательной техники.

Мировоззренческие вопросы удобнее всего рассмотреть, ссылаясь на суждение Л. Вейсгербера, который пытается связать распространение сложных слов в немецком языке с особенностями миропонимания у людей, говорящих на этом языке. Отношение к этому суждению хорошо выражено в работе «Неогумбольдтианское направление в современном буржуазном языкознании»: «Различия словообразовательных моделей, большая или меньшая употребительность отдельной модели в различных языках являются, по Вейсгерберу, не «техническими» различиями, а обуславливают различия в мышлении. Так, противопоставляя словосложение как наиболее продуктивный способ словообразования существительных в немецком языке суффиксации во французском языке (нем. *Schlafraum спальня*, *Hörsaal аудитория*, *Schwimmbad плавательный бассейн* и франц. *dortoir*, *auditoire*, *nageoire*), он приходит к выводу о конкретном, наглядном характере немецкого языка и, следовательно, немецкого мышления в отличие от абстрактного характера французского языка и мышления». И далее: «Отмечая в немецком языке более сильную, чем во французском, тенденцию к словосложению, Вейсгербер, как мы видим, утверждает, что немецкий язык способен на более близкое к жизни изображение, чем французский. Наличие большого числа «полуаффиксов» (отделяемых приставок) в немецком языке делает его, по Вейсгерберу, динамическим в отличие от соседних языков. Такой анализ «преимуществ» и «недостатков» и умственных способностей говорящих на них народов чреват даже более опасными выводами, чем деление представителями «этнолингвистики» человечества на «примитивные» и «цивилизованные» народы»¹.

Суждение Л. Вейсгербера о том, что сложные слова более «наглядны», чем производные (ср. *Bäckerei булочная* и *Blumenhandlung цветочный магазин*), по меньшей мере неубедительно и мало понятно. Что же касается попытки Л. Вейсгербера связать большую распространенность сложных слов в немецком языке с более высоким уровнем миропонимания немца по сравнению с другими народами, в языке которых словосложение играет меньшую роль, то она не

может вызвать ничего, кроме удивления. Большую или меньшую склонность того или иного языка к тому или иному способу словообразования следует скорее объяснять конкретными условиями развития языков, особенностями их лексического состава и грамматического строя, нежели уровнем миропонимания. К тому же следует проводить тщательные сравнительные наблюдения над использованием определенных способов номинации в разных языках. Кроме того, совершенно неясно, почему словосложение должно свидетельствовать о «более высоком уровне миропонимания», чем, например, суффиксация. Сугубо в спекулятивном порядке можно было бы выдвинуть прямо противоположное предположение. Так, например, можно было бы утверждать, что языки, которые прибегают к словам греческого и латинского происхождения (непосредственно или через другие языки) для обозначения вновь появляющихся предметов действительности (ср. *телевизор*, *телефон*), стоят на более абстрактных принципах в противоположность тем языкам, которые опираются на прямое предметно-наглядное зрительно и чувственно доступное восприятие и используют значение и сопоставление частей сложного слова, называющего предмет (ср. *Fernseher*, *Fernsprecher*).

Наконец, если учесть тот факт, что в языках (например, в немецком языке) сосуществуют различные способы номинации, то, согласно Л. Вейсгерберу, нам пришлось бы констатировать, что в тех случаях, когда немец прибегает к словосложению, он проявляет более высокий уровень миропонимания (например, *Blumenhandlung* *цветочный магазин*), а, прибегая к суффиксации (например, *Bäckerei* *булочная*), он проявляет более низкий уровень мировоззрения. Не странное ли колебание уровней мировоззрения у одного и того же народа?

Предпочтение, которое немецкий язык оказывает сложным словам, отмечает и Ш. Балли, но он не делает никаких мировоззренческих выводов по этому поводу, а связывает это с конкретными фактами в развитии языка².

Трудно также согласиться с тем, что один из видов словообразования дает какие-либо преимущества. Например, Бреаль говорит, что: «Языки, предпочитающие деривацию сложению, состоят из менее послушного материала, они менее приспособлены для создания новых слов, для которых им приходится не только выбирать суффикс, но и отыскивать основную часть слова. ...Ясно, что языки, которые обычно пользуются сложением и в которых сами суффиксы являются старыми самостоятельными словами,

свободны от необходимости бороться с этими затруднениями. ...Внешнее преимущество английского и немецкого языка является, таким образом, очевидным»³.

Проблема «национальная специфика словосложения» может быть поставлена в соответствие и с проблемой заимствований. «Удивительной консервативностью обладает исландский язык. Иностранные слова практически в него не попадают, а новому понятию или термину подбирают свои собственные определения, средствами самого исландского языка. И вот «футбол» по-исландски звучит как «кнаттепурна», то есть «пинание мяча», «дыня» — как «троллепли» (яблоко великана), «мотороллер» — это «гремющая гадюка», «кинофильм» — «живой образ», «ракета» — «огненный полет».

Другие языки, наоборот, весьма восприимчивы к иностранным словам (вероятно, многие читатели знают о знаменитой полемике, которую вели в прошлом веке романтики и архаисты во главе с адмиралом Шишковым, предлагавшим калоши именовать мокроступами)»⁴.

В этом простом популярном сообщении о склонности/несклонности языков к заимствованиям нас интересует совсем другой вопрос. Обратим внимание на то, что во всех примерах (пять из исландского и один из русского языков), при отказе от иностранного слова для наименования нового для данного языкового коллектива предмета исконными словами, явились сложные слова или близкие к ним словосочетания, т. е. лексические единицы, мотивированно описывающие новый предмет, соотнося его с признаками двух других известных предметов. Попутно можно заметить, что весьма интересным с точки зрения способов номинации могло бы явиться сравнение наименований одного и того же предмета в нескольких языках, а именно в тех, которые прибегают к словосложению. Можно сразу предположить, что разные языковые коллективы будут соотносить новые предметы с разными ранее известными предметами. Так, вряд ли можно ожидать, что *мотороллер* в каких-либо других языках получит наименование «гремющая гадюка», как в исландском, а вот *кино* — «живой образ» — может, по крайней мере гипотетически, появиться в других языках. Здесь мы, однако, не будем этим заниматься, так как это увело бы нас в сторону от конкретных проблем словосложения. Ограничимся здесь предположением о том, что в каких-то определенных исторических условиях в каких-то определенных языках интенсивность словосложения может находиться в обратной пропорциональности к интенсивности заимствований.

L. Compound	Gloss	Translation
I. barnebarn	child child	grandchild
betjent-blik	constable look	the sort of look a constable gives you
bondegård	peasant yard	farm
S. bostad	live town	residence
S. brandkår	fire corps	fire brigade
S. djurplågeri	animal cruelty	cruelty to animals
dragemonono	dragon kimono	dressing gown with dragons on
I. dyrafriði	animal science	zoology
N. fjernseer	distant see-er	T. V. watcher
fletningpigen	plait girl-the	the girl with plaits
fodgænger	foot go-er	pedestrian
fremtidforsker	future researcher	futurologist
frueønsker	woman wishes	woman's wishes
handduk	hand cloth	towel
han-hund	he-dog	dog
I. husbunaður	house fittings	furniture
S. infaldspapir	sudden idea paper	paper for writing one's ideas down on
jord og beton-arbejder	earth and concrete worker	navvy
kagekone	cake wife	lady who sells cakes
klippevægsansigt	cliff wall face	face resembling those of American presidents' hewn out of a rock face
I. malfriði	language science	grammar
raadspørgsel	advice asking	consultation

Вероятно, это хорошо можно показать на примере немецкого и английского языков. В последнем многие предметы именовались латинскими, греческими или другими иноязычными словами, в том числе не заимствованными, но составленными для данного случая из элементов иноязычных слов, в то время как немецкий язык использовал собственные средства, прибегая к номинации путем словосложения.

Вообще каких-то «строго выраженных принципов в поведении» языков в том, какое словообразовательное средство выбирается для наименования предмета, не существует. Например, исходя из того, что английский язык характеризуется сильной тенденцией к образованию сложных слов типа $N + N$, можно было бы ожидать, что соположение двух основ всякий раз окажется подходящим средством для передачи любой идеи, выраженной таким образом в других языках. Однако такое предположение не оправдывается. Выше мы приводим список примеров сложных слов из шведского, исландского и норвежского языков, для которых соответствия в английском языке вопреки ожиданию выглядят не в виде образований $N + N$, а как-то иначе⁵ (см. с. 156).

Разумеется, для каждого конкретного случая можно было бы описывать причины, почему английский язык вопреки своему обычаю прибегает не к образованиям типа $N + N$, а к другим средствам, но это не умаляет того факта, что на фоне общей и сильной тенденции могут существовать многочисленные и непредсказуемые, хотя иногда и объяснимые, случаи отклонения от этой тенденции.

Что же касается детального описания национальной специфики или своеобразия словосложения того или иного языка, то для этого необходимо понять само понятие «своеобразие».

В самом общем смысле слова своеобразие — это все то, что отличает один предмет от всех других предметов. Следовательно, строго говоря, о своеобразии какого-либо языка или какого-либо явления можно судить лишь в том случае, если нам доподлинно известно, что какое-то явление присуще лишь одному языку и отсутствует во всех других языках мира или чем-то отличается от параллельного явления во всех остальных языках. При этом естественно предположить, что «каждый язык лингвистически своеобразен относительно всех других языков». С другой стороны, справедливо и то, что «это своеобразие — явление относительное: его содержание определяется тем, с каким языком

Несколько иначе этот критерий рассматривает Э. Сепир, который пишет: «...в каждом языке имеются характерные для него типы сложения. В английском языке определяющий элемент обычно предшествует определяемому, в ряде других языков он следует за определяемым. Иногда в одном и том же языке используются оба типа, как например, в языке яна. ...Объект предшествует глагольному элементу в одних языках индейцев Северной Америки, в других же языках порядок расположения обратный»⁹.

Как видим, говоря о порядке следования элементов в сложном слове, Э. Сепир не сравнивает слова с одним значением в двух языках, а говорит о схеме расположения элементов в сложном слове «определение + определяемое», «объект + действие» или наоборот.

Выявить сравнительную степень предрасположенности каких-либо двух языков, в частности, английского и русского языков, к словосложению как способу номинации чрезвычайно трудно. В самом общем смысле можно утверждать, что эти языки проявляют большую способность к формированию и использованию сложных слов. Вряд ли здесь возможно такое определенное высказывание, которое было сделано Ш. Балли по поводу немецкого и французского языков: «Предпочтение, которое немецкий язык оказывает сложным словам, хорошо известно. Известно также, что в огромном большинстве случаев немецким сложным словам соответствуют во французском языке или простые, или суффиксальные слова, окончание которых не имеет никакого конкретного значения»¹⁰.

Таким образом, говоря о степени предрасположенности английского и русского языков к словосложению, мы, очевидно, будем констатировать скорее совпадение, чем расхождение. При этом, кроме этой общей констатации, легко отметить и сходство в большой склонности и того и другого языка к именному сложению и гораздо меньшую склонность к глагольному сложению. Однако английскому языку, в отличие от русского, в значительной степени удалось компенсировать этот недостаток благодаря весьма распространенной в этом языке конверсии $N \rightarrow V$, где N может быть сложным словом (an atom bomb — to atom-bomb), а также благодаря обратному словообразованию (baby-sitting — to baby-sit), в результате русские эквиваленты таким двусловным глаголам, как правило, выглядят в виде словосочетаний.

Конкретное и сколько-нибудь исчерпывающее сравнение систем словосложения в английском и русском языках воз-

можно, разумеется, в специальном исследовании. Здесь же мы попытаемся наметить лишь основные характерные черты систем словосложения английского и русского языков в их сопоставлении.

Прежде всего обращает на себя внимание большая предрасположенность английского языка к сложным словам модели $N + N$ с самыми разнообразными отношениями между компонентами. В русском языке также распространены сложные существительные этого типа (*кинорежиссер, хлебозавод*), но их все-таки значительно меньше, чем английских слов модели $N + N$.

Характерные черты английского словосложения могут предстать перед нами ярче не только при отыскании различий между словосложением английского языка и словосложением других языков, но также и при обнаружении и описании сходств словосложения английского языка с другими языками, например, японским. Преобладающей лексикой в японском языке являются сложные слова: «По характеру преобладающей лексики его (японский язык) можно назвать языком сложных слов»¹¹. Если иметь в виду большую предрасположенность английского языка к образованию сложных слов типа $N + N$, то можно сказать, что английский язык является языком именных сложных слов.

Распространенность сложных слов — не единственная общая черта английского и японского словосложения. Сложность и разнообразие смысловых отношений между компонентами сложного слова — черта, присущая как японскому, так и английскому словосложению. Можно полагать, что эта черта близка к универсальной в области словосложения. Например, применительно к японскому языку А. А. Пашковский пишет: «Гораздо ярче и шире представлены смысловые особенности сложных слов. Целостное значение сложной основы, как правило, связано со значением ее компонентов. Однако смысловые соотношения целого и частей очень разнообразны и осложнены многими частными обстоятельствами. Бывают нестандартные, «нелогичные» связи... Диапазон возможностей смысловых отношений основы и компонентов очень широк. На одном полюсе расположены сложные слова с ясной смысловой структурой типа «хиторигэйко» («хитори» один человек, «кэйко» упражнение, занятие) *самообразование* ... на другом полюсе находясь слова типа «каминари» («ками» бог, «нару» звучать) *гром*»¹².

Весьма интересным представляется тот факт, что в таких

двух далеких друг от друга по многочисленным параметрам языках, как английский и японский, в них имеется существенное сходство в области словосложения, а именно наличие образований, промежуточных между сложными словами и словосочетаниями, при этом как в том, так и в другом языке именно такие образования часто носят речевой характер: в японском языке «имеется... большая группа речевых единиц, своеобразно совмещающих некоторые характерные черты словосочетаний и сложных слов... все они обладают общими признаками, позволяющими выделить эти объединения слов-основ в особую группу под условным наименованием «образования типа «нихон-кокумин» *японский народ*»¹³. Нетрудно видеть, что речь здесь идет об образованиях, аналогичных английским лексическим единицам типа *stone wall*. Эти образования в японском языке получают такую же двойственную трактовку у японистов, как и соответствующие английские образования у ангlistов: «одни японисты считают их лексическими образованиями — сложными словами, другие склонны видеть в них синтаксические соединения слов, т. е. словосочетания»¹⁴. Таким образом, отсутствие формальных показателей сложного слова — свойство не только английского языка. Так, «сложные слова в японском языке не имеют единой формальной приметы, которая позволила бы отграничить их от смежных языковых величин...»¹⁵ Наконец, исследователи японского словосложения сталкиваются с рядом тех же трудностей, которые стоят перед исследователями словосложения в английском языке. Например, как для английского, так и для японского языка характерна трудность разграничения сложного слова и словосочетания в связи с отсутствием формальных показателей сложного слова. Точно так же, как и в английском языке, в японском языке, «когда именны основы — компоненты сложных слов — и имена существительные — члены словосочетаний — материально совпадают, сложное слово трудно отличить по морфологическому признаку от словосочетания»¹⁶.

Продолжая сопоставление английского и японского словосложения, напомним, что в английском языке существуют сложные слова с так называемыми связными основами, т. е. которые не имеют самостоятельного употребления, а встречаются только в составе сложного слова. То же самое наблюдается и в японском языке, хотя характер таких основ в этих двух языках может быть принципиально иным, чем в английском языке¹⁷.

Далее, как и в японском языке, в английском языке

существует проблема разграничения сложных и аффиксальных слов, т. е. «выяснения разницы между знаменательными и незнаменательными компонентами, иначе говоря, разграничения сложных и аффиксальных слов»¹⁸. Разумеется, при наличии ряда сходных черт в словосложении, отмеченных для каких-либо двух языков, всегда остается между ними и достаточно различий, и это будет прежде всего относиться к лексической наполняемости одинаковых моделей. Другими словами, у каждого языкового коллектива всегда окажется достаточно большое количество предметов, которые в данном языке оказываются социально значимыми и поэтому получающими специальное наименование, в то время как для других языковых коллективов эти предметы вообще не выделяются как особые предметы, а потому, естественно, не получают специальных наименований. Например, в японском языке есть сложные слова: *дзиобако* (набор шкатулок, вставляющихся друг в друга), *рэймавори* (ответный визит для выражения благодарности), в то время как в английском языке такие предметы и понятия не фиксируются языковым сознанием, а потому и не получают обозначений в виде лексических единиц. Однако особый интерес с точки зрения мыслительной техники номинации представляют другие случаи. Во-первых, случаи, когда в одном языке предмет обозначается одноосновным словом, а в другом — сложным; во-вторых, когда в одном языке какое-то понятие мыслится как устойчивое и поэтому закрепляется в виде специального наименования, оформленного сложным словом, в то время как в другом языковом коллективе такое понятие не приобретает устойчивости и может быть представлено лишь как свободное словосочетание; в-третьих, когда один и тот же предмет в разных языках выражается сложными словами, но состоящими из разных лексических компонентов, т. е. когда наименование предмета происходит с опорой на разные признаки.

VI. РЕЧЕВОЙ ХАРАКТЕР АНГЛИЙСКОГО СЛОВОСЛОЖЕНИЯ

Возникновение производных и сложных слов, их функционирование в речи отличаются по распространенности и интенсивности в разных языках и зависят от системы словообразования и нормы, которые действуют в данном языке, другими словами, от степени и характера ограничений,

которые накладываются на имеющиеся в языке словообразовательные модели¹.

Можно предположить, что нормы, например, русского языка накладывают на словообразовательные модели большие ограничения, чем нормы английского языка, в результате чего в речи говорящего по-русски встречается, очевидно, меньше продуктов индивидуального словотворчества, чем в речи говорящего по-английски, и в сопоставимых по величине и другим параметрам отрывках русского и английского текстов в английском тексте всякий раз можно встретить больше речевых производных и сложных слов, чем в русском тексте. Однако такое предположение носит спекулятивный, умозрительный характер, и строгая проверка этой гипотезы чрезвычайно затруднительна, а может быть, совсем невозможна, так как единственным реальным материализованным критерием отнесения той или иной лексической единицы к разряду речевых образований может служить тот факт, что она не зафиксирована в словарях. Известно, однако, что лексикографическая теория и практика в каждой стране обладают рядом особенностей и вряд ли можно найти хотя бы одну пару сколько-нибудь эквивалентных словарей для каких-либо двух языков, что и создает почти непреодолимую трудность сравнения языков, в частности русского и английского, в этом плане. Вместе с тем широкие словообразовательные возможности современного английского языка не оставляют никаких сомнений. «Современный английский язык относится к числу тех языков, словообразовательные возможности которых весьма велики. Наблюдения над устной и письменной речью показывают, что здесь идет постоянный процесс создания значительного количества слов, весьма близких по своему значению и семантико-смысловой структуре компонентов к синтаксическим образованиям — свободным словосочетаниям и даже предложениям»².

Действительно, в английском языке, так же как, например, в немецком, речевые композиты представляют собой настолько распространенное явление, что ряд исследователей вполне справедливо указывают на наличие синтаксического аспекта словосложения в этих языках, т. е. на тот факт, что образование сложных слов в данных языках во многих случаях служит цели синтаксического удобства, а не цели номинации. Основные суждения по этому вопросу были высказаны в работах М. Д. Степановой³, а также в статье В. М. Павлова⁴.

Цельнооформленные двусосновные образования часто дают

определенный синтаксический «выигрыш». Например, препозитивные определения часто оказываются явно удобнее развернутых постпозитивных оборотов. Проанализируем с этой точки зрения следующее предложение: *In this case the unions are to be state-controlled bodies whose rules will express what big business wants.* Автор прибегает здесь к речевой композите (синтаксически сложному слову) *state-controlled*. Ее построение диктуется тем, что по нормам английского синтаксиса невозможно употребление развернутого препозитивного определения, т. е. невозможно сказать или написать **controlled by the state bodies unions*. Построение же предложения с постпозитивным причастным оборотом было бы неудовлетворительным: *In this case the unions are to be bodies controlled by the state whose rules will express what big business wants*, так как в таком предложении придаточное определительное *whose rules...* скорее относится к слову *state*, а не к слову *unions*, что противоречит смысловому заданию.

Необходимость в препозитивном употреблении причастия с относящимся к нему существительным может возникать, как отмечено выше, и по стилистическим причинам, например, при желании поставить несколько определений в один ряд. Проанализируем в этой связи следующее предложение: *I have holidayed on the shores of Lake Balaton in Hungary, in sun-drenched Rumania, in gay Paris, tree-clad Harz mountains of Germany, the bare mountains in North Wales.* Нетрудно видеть, что употребление словосочетания *clad with trees* нарушило бы стилистически стройный ряд определений: *sun-drenched, gay, tree-clad, bare* — и, что важнее, привело бы к более длинной фразе: *...the Harz mountains of Germany clad with trees*, создав к тому же неясность (*mountains clad with trees* или *Germany clad with trees*), что в других, менее прозрачных контекстах затрудняло бы понимание всего предложения.

Как отмечает В. М. Павлов, речевые композиты характеризуются следующими свойствами: «синтаксизм»⁵, конкретно-предметная отнесенность их семантики к единичным предметам, покомпонентная смысловая членимость. Последнее было сформулировано ранее М. Д. Степановой как «раздельнонаправленность» сложных слов такого типа.

Внимание лексикологов к речевым композитам оправдывается не только тем, что они могут заменять синтаксические построения, но и тем, что их цельнооформленность создает предпосылки для формирования лексических единиц, пополняющих словарный состав языка. Выражая важ-

ные социальные понятия, многие речевые композиты начинают регулярно воспроизводиться в речи и в конечном итоге становятся принадлежностью словаря. Так, в частности, обстоит дело со многими речевыми композитами, образуемыми в английском языке по модели «основа существительного + причастие II» (например, *man-made*, *poverty-stricken*). Дальнейший процесс функционирования речевой композиты может вести к десемантизации одного или обоих ее компонентов и тем самым к употреблению слова в целом в переносном значении. Так, слово *tailor-made* имеет значение не только *сшитый портным*, но и *точный; подогнанный; приспособленный к данным условиям, требованиям*⁶. Поэтому *tailor-made escape* — это не «побег, предпринятый портным», а *хорошо подготовленный и точно рассчитанный побег*. Отметим попутно, что приобретение речевой композитой переносного значения наиболее надежно гарантирует ей переход из разряда речевых лексических единиц в «фактические» сложные слова и, как правило, обеспечивает ей место на страницах словарей.

Наблюдение над речевыми композитами дает возможность установить тенденции словосложения в том или ином языке, выявить наиболее активные процессы в словосложении, вовлечение новых лексических слоев в сферу действующих моделей. В практических целях описание речевых композит помогает установлению регулярных соответствий между речевыми композитами одного языка (например, иностранного языка, изучаемого в практических целях) и соответствующими им по значению языковыми средствами другого языка (например, родного языка учащегося), что безусловно облегчает понимание и перевод таких единиц на родной язык. При переводе с родного языка на иностранный знание закономерностей построения речевых композит создает некоторые возможности использования таких единиц в тексте иностранного языка, что придает тексту черты, свойственные данному языку. Описание речевых композит необходимо еще и потому, что в связи с неизбежным отставанием лексикографической практики многие речевые композиты, даже регулярно воспроизводимые в речи и, по существу, уже вошедшие в лексический состав языка, в течение долгого времени не попадают в словари. Например, следующие весьма распространенные образования отсутствуют во многих переводных и толковых словарях: *much-needed* (book), *card-carrying* (communist), *class-biased* (policy). Такие слова могут создавать некоторые затруднения для лиц, изучающих английский язык, так как даже прозрач-

ные по структуре и семантике, но встречающиеся впервые композиты могут вызывать сомнения при попытке осмыслить их значение.

Очевидным является тот факт, что речевые композиты образуются по действующим в языке моделям словосложения. Появление новых моделей происходит крайне редко (примером новой модели в современном английском языке может служить модель, по которой образуются слова типа *teach-in*). Следовательно, описание речевых композит целесообразно вести в рамках действующих в языке моделей словосложения. Наиболее продуктивными моделями, по которым образуется большое количество речевых композит, являются следующие: 1) $N + N$ (основа* существительного + основа существительного); 2) $N + V\text{-}er$ (существительное + отглагольное существительное с суффиксом *-er*); 3) $N + A$ (существительное + прилагательное); 4) $N + PI$ (существительное + причастие I); 5) $N + PII$ (существительное + причастие II), а также некоторые другие модели, по которым образуются речевые композиты с постоянным лексическим компонентом, например: *all- + N*, $N + \text{-only}$, *near- + A*, *well- + PII* и т. д. Ниже дается краткое описание этих моделей и образуемых по ним речевых композит.

Наиболее продуктивная модель словосложения в современном английском языке — это безусловно модель $N + N$ (соположение основ двух существительных), по которой постоянно образуются речевые композиты на базе параллельных словосочетаний, например: *steelworker* (*рабочий сталелитейной промышленности*), *work force* (*рабочая сила*), *road safety* (*правила безопасности уличного движения*). Среди речевых композит, построенных по данной модели, встречаются также слова, второй компонент которых представляет собой отглагольное существительное, что можно обозначить формулой $N + (V \rightarrow N)$, например, *price rise* (*повышение цен*).

Широкое распространение речевых композит, построенных по модели $N + N$, в значительной степени объясняется тем, что английский язык допускает очень большую свободу смысловых отношений в номинативных словосочетаниях (которые затем нередко приобретают статус сложного слова). Употребление словосочетаний, состоящих из двух существительных, в семантическом отношении в английском языке практически ничем не ограничивается, т. е. препозитивное определение, выраженное существительным, может характе-

* Слово «основа» далее для краткости опускается.

ризовать определяемое им слово самым различным образом. Например, а fish Eskimo означает эскимоса, чья жизнь полностью зависит от рыбного промысла: The American Eskimo is a fish Eskimo and without the walrus, the seal, the whale... and the cod he wouldn't survive very long. В русском языке словосочетание «рыбный эскимос» невозможно.

Одним из факторов, способствующих распространению речевых композит, построенных по данной модели, является образование слов по аналогии с уже существующими путем замены одного (как правило, первого) компонента, например: fear-monger (*создающий панику*), war-monger, youth-quake (*волнения молодежи*), earthquake.

Нередко встречаются композиты, построенные по модели $N + N$, в которых второй компонент выступает в роли приложения (имеются в виду образования типа slave-girl), например, а physicist-recluse (*физик-затворник*).

Слаборазвитая система суффиксов феминизации в английском языке, а также отсутствие маркированной словообразовательной оппозиции в именах существительных по полу (сравните в русском языке: *учитель* — *учительница*, в английском — teacher) компенсируются в ряде случаев словосочетаниями или сложными словами с такими компонентами, как man, woman, boy, girl, male, female: women-workers (*работницы*), wire-woman (*монтажницы электросхем*), male smoker (*курящий мужчина* — при необходимости обозначить пол).

Большое количество композит образуется по модели $N + V$ -er: crowd-puller (The exhibition was a certain crowd-puller), price-raiser (The British government itself has been the main price-raiser), tree-liver (All these creatures are tree-livers).

Речевые композиты, построенные по модели $N + A$, часто встречаются в научных и общественно-политических текстах. Особенно распространены сложные слова со вторыми компонентами (прилагательными) -poor, -rich, -prone, -resistant: oxygen-poor (compound), fur-rich (area), accident-prone (person), disease-resistant (man). Очень распространены также слова со вторым компонентом -free: nuclear-free (zone), maintenance-free (equipment), mammal-free (continent). Обилие подобных образований со стандартным словообразовательным значением позволяет думать, что компонент -free в таких словах стоит на пути перехода в разряд суффиксов. Аналогичное предположение можно сделать и относительно компонента -wide: country-wide (*в масштабе всей страны*), college-wide (*в масштабе всего колледжа*).

Слова со вторым компонентом «причастие I» или «причастие II» (т. е. построенные по моделям $N + PI$ и $N + PII$) являются типичными примерами, наглядно иллюстрирующими синтаксическую природу словосложения. Они постоянно образуются в речи в тех случаях, когда необходимо заметить распространенное препозитивное определение, употребление которого невозможно по нормам английского синтаксиса (см. примеры выше): *quake-forecasting (stations), rent-paying (tenants), job-hunting (graduates), capacity-booked (concert)*. Значение этих и многих других слов, образуемых по данным моделям, полностью эквивалентно значению параллельных словосочетаний. Такие слова не несут функции номинации предметов действительности, а лишь подменяют аналогичные по значению синтаксические конструкции, например: *Only half of the families owned the clock. The other kept track of the time either by radio or by asking their clock-owning neighbours.*

Среди речевых композит с постоянным лексическим компонентом большое место занимают образования с первым компонентом *all-*. Они образуют прилагательные нескольких структурно-семантических типов. Слова первого типа имеют значение «состоящий только из таких людей, которые обозначены вторым компонентом»: *all-white (board) (комиссия), состоящая только из белых*. В русском языке словам этого типа нет прямых структурно-семантических соответствий, и переводятся они, как видно из примера, описательными словосочетаниями. Сюда же относятся слова типа *all-Indian (всеиндийский)*, для которых в русском языке существуют структурно-семантические аналоги.

Второй тип включает слова со значением «состоящий, сделанный из такого материала, который обозначен вторым компонентом»: *all-steel (installation), all-wool (sweater)*. В русском языке им соответствуют сложные слова с первыми компонентами *цельно-, чисто-*: *цельнометаллический, чистошерстяной*.

Третий тип таких слов представлен образованиями со значением «относящийся ко всем разновидностям предметов, обозначенных вторым компонентом»: *all-weather (aircraft) (самолет), летающий в любую погоду, all-terrain (vehicle) (машина), передвигающаяся по любой, всякой местности, вездеход*.

Наконец, четвертый тип слов с компонентом *all-* включает слова со значением «состоящий почти целиком из предмета, обозначенного вторым компонентом». Их количество очень невелико. Прототипом для их возникновения послу-

жило, очевидно, слово all-seed — “a name given to various plants producing a great quantity of seed” (The Compact Edition of the Oxford English Dictionary. London, 1971, vol. I).

В русском языке этим образованиям нет структурных аналогов, и перевод их возможен только путем описательных (подчас весьма распространенных) словосочетаний, например: all-mouth (fish) (*рыба с огромным ртом*), all-door (car) (*железнодорожный вагон, стенки которого сдвигаются так, что дают возможность производить погрузку и разгрузку по всей длине вагона*).

Интересны образования со вторым компонентом -only: black(s)-only *состоящий только из черных (негров)*, men-only *состоящий только из мужчин*. Значение этих образований, очевидно, полностью сближается с одним из значений слов модели all- + N. Сравните: all-men *состоящий целиком из мужчин* — men-only *состоящий только из мужчин*. Весьма оригинальным образованием является слово fingers-only (food) (*пища, которую можно есть только пальцами, т. е. обходясь без вилки или ложки*).

Композиты с первым компонентом near- означают «почти такой, как обозначено вторым компонентом»: near-full *почти полный*, near-freezing *близкий к точке замерзания*.

В композитах с первым компонентом well- могут формироваться значения с опорой не на основное значение наречия well *хорошо*, а на то его значение, которое связано с понятиями «достаточно», «много», например: well-travelled *тот, кто много путешествует*, well-publicized *то, что нашло широкий отклик в печати*.

Среди речевых композит с постоянным лексическим компонентом можно также отметить сложные слова с компонентом -ever: biggest-ever (fleet) *самый большой из когда-либо существовавших (флотов)*, first-ever (results) (*результаты*), *полученные впервые*. Эти весьма распространенные образования не зафиксированы, например, в Большом англо-русском словаре под редакцией И. Р. Гальперина.

Приведенное выше краткое описание речевых композит показывает, в частности, некоторые конкретные причины их большой распространенности в современном английском языке, а именно: в связи с тем, что в английских номинативных словосочетаниях допускаются самые разнообразные смысловые отношения, большое распространение получают словосочетания или сложные слова, построенные по модели N + N (морфологическая простота английских существительных, разумеется, также способствует продуктивности этой модели словосложения); синтаксический запрет на употре-

бление распространенных препозитивных определений ведет к большой продуктивности сложных слов типа *man-made*, *oxugen-rich*, *pleasure-seeking*; отсутствие регулярной суффиксальной оппозиции по полу в английских существительных и слабая продуктивность суффиксов феминизации стимулируют образования типа *woman-worker*.

Распространенность речевых композит в английском языке подтверждает двоякую роль функции словосложения в этом языке (как, очевидно, и в ряде других языков): выполнение синтаксических заданий и пополнение словарного состава языка. Если принять во внимание это свойство речевых композит, то такие сложные слова действительно представляют собой «странный» объект, который совмещает в себе признаки как слова, так и словосочетания, и требует отказа от привычных представлений о достаточно четких и ясных границах, разделяющих эти типы языковых образований⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На рубеже первой и второй половины нашего века сложилось и в течение двух-трех последующих десятилетий интенсивно развивалось то, что можно условно и нестрого назвать «новая ориентация в языкознании». Эта ориентация дала возможность рассматривать язык в совершенно ином аспекте по сравнению с его рассмотрением, принятом в традиционном языкознании. (Понятно, что слово «традиционный» здесь следует понимать так же условно и широко, как и слова «новая ориентация»). Однако, наряду с ранее неизвестными возможностями анализа языка, открывающимися благодаря новой ориентации, наметилась и к настоящему времени стала совершенно очевидной и ее отрицательная сторона — тенденция к игнорированию тех сторон языка, которые оказались неудобными, трудными, а подчас и вовсе недоступными для изучения машино-ориентированными, кибернетизированными и тому подобными способами, завоевавшими в определенный период как бы преимущественное и чуть ли не безраздельное положение в методах познания действительности.

В своих устремлениях к «строгому», «стройному», «непротиворечивому» описанию языка с обязательной и всеобъемлющей опорой на математику и формальную логику нетрадиционная лингвистика вынуждена была пренебречь рядом существенных сторон языка, в том числе и субстанциональным значением его единиц, без чего языкознание по существу становится беспредметным. Если же значение, например, лексическое значение слов и включалось в сферу интересов новой ориентации, то оно рассматривалось лишь как один из признаков формальной системы языка. В результате нетрадиционная лингвистика оказалась неспособной к адекватному описанию своего объекта — человеческого языка как средства мышления, средства общения, средства отражения окружающей действительности.

Один из признаков новой тенденции состоит в стремлении разлагать языковые единицы на элементарные смыслы и эти последние рассматривать как строительный материал

для создания новых более сложных единиц. При этом неизменно принимается, что в основе таких операций лежат определенные всеобъемлющие и всеисильные правила, обуславливающие «порождение» речи как в целом, так и всех ее элементов. Особенно большие надежды в этом смысле возлагались и, пожалуй, в ряде случаев все еще возлагаются на трансформационно-генеративную грамматику. Однако трансформационная грамматика отражает не естественную речь человека, а речь, искусственно конструируемую самим исследователем. Трансформационная грамматика неоднократно подвергалась критике не только в общем плане, но и с точки зрения ее приложения к проблемам словообразования, в частности к проблемам словосложения. Например, отмечалось, что генеративная теория словообразования мало уделяла внимания вопросам изменения смысла и комбинирования семантических признаков. Оказалось, что не все морфемы можно объединять в слова по дедуктивно разработанным правилам.

Несостоятельность трансформационно-генеративной грамматики в области анализа словосложения отмечают и те лингвисты, которые в принципе, так или иначе, являются адептами нетрадиционной ориентации. Так, Дж. Лайонз отмечает, что рассмотрение синтаксических сложных слов в рамках генеративной грамматики является еще более проблематичным, чем в деривационной морфологии. Г. Марчанд полагает, что трансформационный подход, будучи ценным в сфере грамматики, оказывается неудовлетворительным там, где важную роль играет семантическое, а не просто структурное значение.

Тем не менее, с настойчивостью алхимиков, пытавшихся вывести формулу для получения золота, некоторые лингвисты пытаются найти некие абстрактные алгебраизированные построения или схемы, которые, по их мнению, должны регулировать процессы образования сложных слов. Это весьма примечательно, если учесть, что сами авторы таких построений так или иначе признают, что значение сложных слов, для которых они отыскивают формализованные правила, проявляется как фактор экстралингвистический.

Совершенно необоснованными и бездоказательными, несмотря на обилие замысловатых логических и алгебраизированных построений, выглядят попытки представить сложные слова как безусловные порождения неких трансформаций, номинализаций и т. п. Разумеется, трансформации и другие операциональные приемы могут иллюстрировать структуру сложного слова, но они не определяют его сути. Говорить

о свертывании словосочетаний в сложные слова, конечно, можно и иногда плодотворно, но такие рассуждения желательно сосредоточить на тех случаях, когда речь идет о реальных словосочетаниях, которые могли служить базой для образования сложных слов, например, *made by map* → *map-made*.

Нельзя уйти (и в этом нет никакой необходимости) от того факта, что значение и образование сложных слов, как и всяких лексических единиц, определяется такими факторами, как знание и отражение реального мира, и взаимопониманием говорящего и адресата. Модели и вычленяемые лингвистами признаки являются лишь способами организации этого значения и этого знания. Следовательно, закономерности образования и восприятия сложных слов следует отыскивать и описывать не формализованными способами, а способами, опирающимися на семантические закономерности, которые управляют формированием смысловой структуры сложного слова.

Именно поэтому семантико-ориентированное словосложение оказывается более способным к вскрытию и описанию наиболее важных, сущностных, характеристик сложного слова, хотя синтактико-ориентированное словосложение также способно внести свою лепту в разработку проблем словосложения.

Представляется правомерным при исследовании словосложения решительно отказаться от анализа в рамках и терминах трансформационной грамматики. Описание словосложения современного английского языка должно базироваться на сведениях, накопленных в исследованиях разных направлений, при этом центральное место должна занимать проблема смысловой структуры сложного слова.

При анализе смысловой структуры сложного слова в противовес формализованным изысканиям можно выдвинуть, в частности, положение об ассоциативных связях, действующих как при образовании, так и при восприятии сложных слов. Положение об ассоциациях между обозначаемыми предметами при образовании сложного слова не нашло должного применения в толковании значения сложного слова, очевидно, потому, что оно опирается на денотативное значение, которое не поддается формализации. Установление ассоциативных связей между компонентами сложного слова, разумеется, должно получить лингвистическую трактовку, а не идти по пути описания самих материальных объектов и их возможных взаимосвязей. Так, при формировании сложных слов с участием основы существительного прослеживаются

ольшие группы слов, которые регулярно выступают в функции агента, инструмента, места, времени, материала по отношению к предмету, обозначенному второй основой сложного слова. Могут быть также выделены группы с сильным ассоциативным потенциалом, который реализуется при формировании смысловой структуры сложного слова.

В исследовании словосложения большое внимание следует уделить понятию «композиционное значение», как это сделано для словообразовательного значения применительно к суффиксальным, точнее суффиксальным, производным. Понятие «композиционное значение» должно охватить по возможности все факторы смысловой структуры сложного слова, а именно как семантическая и структурная мотивированность (немотивированность) и их взаимодействие; идиоматичность (неидиоматичность) с четким различием изначальной и приобретенной идиоматичности; наличие или отсутствие прямых связей между компонентами сложного слова с анализом характера его эллиптичности, виды композиционной омонимии и условия их формирования, характер и степень сложности смысловой структуры сложного слова различных моделей.

В отличие от синтактико-ориентированного словосложения, которое уделяет большое внимание изучению формирования сложного слова как продукта трансформации синтаксической конструкции в сложное слово, никак не связанное с обозначаемым им предметом, а мыслимое лишь как результат определенных имманентных преобразований, предопределяемых некими заранее заданными правилами, семантико-ориентированное словосложение направлено преимущественно на изучение формирования сложного слова в акте юмации и на исследование его смысловой структуры вместе со всеми факторами, определяющими эту структуру.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Введение

1. Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. М., 1979, с. 164.
2. Кубрякова Е. С. Что такое словообразование. М., 1965, с. 4.
3. См.: Общее языкознание. М., 1972, с. 344.
4. Adams V. Review of the book by H. Marchand "The Categories and Types of Present-day English Word-formation". Second edition, 1969. — *Journal of Linguistics*. July, 1970, p. 125, 126.
5. Quirk, Randolph B. Foreword. See in: Adams V. An Introduction to Modern English Word-formation. Ldn, 1973, p. V.
6. Ibid, p. VII.
7. Кубрякова Е. С. Указ. соч., с. 5.
8. Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980, с. 19.
9. Шадрин В. И. Семантико-синтаксическое исследование сложных существительных в современном английском языке. Канд. дисс., М., 1977, с. 7.
10. Там же, с. 2.
11. Степанова М. Д. Валентность существительных и «потенциальные» слова. — Сб. научн. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза, вып. 145, М., 1979, с. 6.
12. Земская Е. А., Кубрякова Е. С. Проблемы словообразования на современном этапе. — ВЯ, 1978, № 6, с. 120.
13. См., например: Lees, Robert B. The Grammar of English Nominalizations, Indiana Univ., 1966.
14. См.: Степанова М. Д. Словообразование, ориентированное на содержание. — ВЯ, 1966, № 6.
15. Срезневский И. И. Замечания об образовании слов и выражений. Записки Императорской академии наук, СПб, 1873, т. 22, кн. 11, с. 245.
16. Виноградов В. В. Избранные труды. Исследование по русской грамматике. М., 1975, с. 158.

Часть I. I

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с. 37.
2. Даниэльсен Н. Генеративная авантюра. Цит. по: Реферативный сборник «Трансформационно-генеративная грамматика в свете современной научной критики». М., 1980, с. 80.

3. Ахманова О. С. Рецензия на книгу Н. Parret "Discussing Language". — ВЯ, 1976, № 6, с. 136.
4. О состоянии и направлениях философских исследований. — Коммунист, 1975, № 15, с. 76.
5. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975, с. 5.
6. См., например, материалы раздела «О понятиях языковой системы и структуры языка» в книге «Общее языкознание. Внутренняя структура языка». М., 1972.
7. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, с. 28.
8. Hockett Ch. Language, Mathematics and Linguistics. The Hague, 1967, p. 10. Цит. по: Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973, с. 32.
9. Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания. М., 1982, с. 20.
10. Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание, с. 109.
11. Nida, Eugene A. Exploring Semantic Structures. München, 1975, p. 151.
12. Шалютин С. М. Язык и мышление. М., 1980, с. 20.
13. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973, с. 21.
14. Ульман Ст. Дескриптивная семантика и лингвистическая типология. — Новое в лингвистике, вып. II. М., 1968, с. 18.
15. Бир Ст. Кибернетика и управление производством. М., 1965, с. 27.
16. Мигирин В. Н. Марксистско-ленинская методология и лингвистика. Кишинев, 1974, с. 26.
17. Лем Ст. Сумма технологии. М., 1968, с. 208.
18. Реформатский А. А. Термин как член лексической системы языка. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1967. М., 1968, с. 108.
19. Ярцева В. Н. и др. Основные проблемы марксистского языкознания. М., 1974, с. 12.
20. Будагов Р. А. Филология и культура. М., 1980, с. 60.
21. Там же, с. 3.
22. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. М., 1980, с. 3.
23. Арбатский Д. И. О достаточности семантических определений. — ВЯ, 1975, № 6, с. 31.
24. Шмелев Д. Н. Указ. соч., с. 34.
25. Звегинцев В. А. Зарубежная лингвистическая семантика последних десятилетий. — Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X, М., 1981, с. 12.
26. См.: Брудный А. А. Семантика языка и психология человека. Фрунзе, 1972, с. 38.
27. Балли Ш. Указ. соч., с. 399.

1. Хилл, Роберт А. Критика теории Хомского. — ВЯ, 1978, № 5, с. 57.
2. Долгова О. В. Синтаксис как наука о построении речи. М., 1980, с. 6.
3. Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. М., 1973, с. 299.
4. Долгова О. В. Указ. соч., с. 16.
5. Цит. по: Павлов В. М. К вопросу об отношении словосложения к синтаксису немецкого языка. — В кн.: Вопросы теории немецкого языка, том. I, Иркутск, 1960.
6. Павлов В. М. К дискуссии о словосложении в немецком языке. — Сб. научн. трудов МГПИИЯ им. М. Тореца, вып. 91, М., 1975, с. 68.
7. Там же, с. 63.
8. Адмони В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955, с. 305—306.
9. См.: Хидекель С. С. Сложные слова и свободные словосочетания в современном английском языке. — Уч. зап. фак-та ин. яз. Орловского ГПИ, т. 36, вып. 3, Курск, 1969; Николшкова Е. В. Соотносительность сложных слов и словосочетаний (на материале современного английского языка). — Уч. зап. I МГПИИЯ, т. 52, М., 1969.
10. См.: Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1973, с. 3.
11. Кубрякова Е. С. Словообразование. — В кн.: Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972, с. 379.
12. Степанова М. Д. Валентность существительных и «потенциальные» слова, с. 6.
13. Земская Е. А., Кубрякова Е. С. Проблемы словообразования на современном этапе, с. 120.
14. Степанова М. Д. Методы синхронного анализа лексики. М., 1968, с. 25—26.
15. Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию. — В кн.: Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, с. 421.
16. Там же, с. 421.
17. Степанова М. Д. Указ. соч., с. 30.
18. Шалютин С. М. Язык и мышление. М., 1980, с. 19.
19. Там же, с. 31.
20. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. М., 1973, с. 237.
21. Гак В. Г. От толкового словаря к энциклопедии языка. — Известия АН СССР, серия литературы и языка, 1971, т. XXX, вып. 6, с. 524.
22. Lees, Robert B. The Grammar of English Nominalizations, p. XXIV.
23. Adams V. Op. cit., p. 61.
24. Quirk R. et al. A Grammar of Contemporary English. Ldn, 1972, p. 1020.

25. Sweet H. See in: Adams V. Op. cit., p. 89.
26. Зильберман Л. И. Структурно-семантический анализ текста. М., 1982, с. 54.
27. Земская Е. А., Кубрякова Е. С. Там же.
28. Хилл, Роберт А. Указ. соч., с. 57—59.
29. Левковская К. А. Об особенностях так называемых определительных сложных существительных в немецком языке. — Сб. статей по языкознанию. М., 1961, с. 163—165.
30. Lees R. Op. cit., p. 134.
31. Земская Е. А., Кубрякова Е. С. Указ. соч., с. 116.
32. См.: Ефимова М. А. Номинализация и словопроизводство. — Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Вып. 4, изд-во МГУ, 1980.
33. Lyons J. Semantics. Cambridge, 1971, p. 535.
34. См., например: Meys W. J. Compound Adjectives in English and the Ideal Speaker-Listener, N. Y., 1975.
35. Bauer, Laurie. The Grammar of Nominal Compounding. Odense. 1978, p. 77.
36. Ibid., p. 87.
37. Ахманова О. С. и др. Синтаксис как диалектическое единство коллигации и коллокации. М., 1969, с. 9.
38. См.: Adams V. Op. cit., p. 6.
39. См., например: Мешков О. Д. К вопросу о «грамматичности» сложного слова. — ВЯ, 1969, № 1.
40. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка, с. 115.
41. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981, с. 13.
42. См.: Jespersen O. English Grammar, part II. Ldn, 1954, p. 283.
43. См.: Сланский В. Грамматика как она есть и какой должна быть. СПб., 1887, с. 17.
44. Языковая номинация (виды наименований). М., 1977, с. 228.
45. Marchand H. Op. cit., 1969, p. 38.
46. Кубрякова Е. С. Указ. соч., с. 62.
47. Гуревич В. В. О семантике сложных слов и словосочетаний в английском языке — В кн.: Морфемная и словообразовательная структура слова. Калинин, 1979, с. 51—55.
48. Lees R. Op. cit., p. 143.
49. Bauer L. Op. cit., p. 79.
50. Gleitman L. R., Gleitman, Henry. Phrase and Paraphrase. N. Y., 1970, p. 94.
51. Ibid, p. 97.
52. Bauer L. Op. cit., p. 79.
53. Долгова О. В. Указ. соч., с. 52.
54. Там же, с. 51—52.
55. Шейдеман Г. И. К вопросу о структурно-семантическом анализе сложных существительных английского языка и о переводе их на русский язык. — В кн.: Труды Университета Дружбы народов

им. П. Лумумбы, т. 22, Языкознание. Вып. 2. Общее и русское языкознание. М., 1967, с. 243.

56. Там же, с. 242.

57. Павловская М. И. К вопросу о структурном значении и структурно-семантических моделях именных словосочетаний в современном английском языке. — Уч. зап. I МГПИИЯ, т. 42, 1968, с. 244.

58. Там же, с. 249.

59. Шамлиди Е. Ю. Внутренняя валентность и экстралингвистические факторы (на материале зоосемии). — В кн.: Лексикология и стилистика английского языка. Пятигорск, 1976, с. 93.

60. Quirk R. Foreword. See in: Adams V. Op. cit., p. VI.

61. Кубрякова Е. С. Словообразование, с. 379.

62. Языковая номинация (общие вопросы). М., 1977, с. 71—72.

63. Шубин Э. П., Троицкая Н. Б. Дефиниционно-ассоциативная теория внутренней структуры слова. Калинин, 1971, с. 72.

64. Там же.

65. Adams V. Op. cit., p. 6.

66. Ibid.

67. Мешков О. Д. Сложные слова «существительное + причастие II» в современном английском языке и некоторые закономерности их образования. Канд. дисс. М., 1969; его же: Сложные слова типа air-free в английской научной и публицистической литературе (К вопросу о «теории соотносительности сложных слов и словосочетаний»). — В кн.: Преподавание иностранных языков и его лингвистические основы. М., 1972; его же. К вопросу о «грамматичности» сложного слова. — ВЯ, 1969, № 1.

68. Gleitman L. R., Gleitman, Henry. Op. cit., p. 89.

69. Языковая номинация (виды наименований), с. 240.

70. Warren B. Op. cit., p. 44.

71. Falk, Julia S. Linguistics and Language. A Survey of Basic Concepts and Implications. N 4, 1978, p. 42.

72. Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке. М., 1977, с. 125.

73. Чейф, Уоллес Л. Значение и структура языка. М., 1975, с. 75.

Часть II. I

1. Жирмунский В. М. О границах слова. — В кн.: Морфологическая структура слова в языках различных типов. М. — Л., 1963, с. 32.

2. Пашковский А. А. Слово в японском языке. М., 1980, с. 11.

3. Макаренко В. А. Тагальское словообразование. М., 1970, с. 139.

4. Маматов Н. Собственно-сложные слова — монолитные единицы языка. — В сб.: Языкознание. Тезисы докладов и сообщений III Всесоюзной тюркологической конференции. Ташкент, 1980, с. 192.

5. Шадрин В. И. Семантико-синтаксическое исследование слож-

ных существительных в современном английском языке. Канд. дисс. М., 1977, с. 15.

6. Matthews P. H. Morphology. Cambridge, 1974, p. 191.

7. Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960, с. 390.

8. См.: Lyons J. Semantics. Vol. 2, Ldn, 1977, p. 534—550.

9. Общее языкознание. М., 1973, с. 276.

10. См.: Adams V. Op. cit., p. 57.

11. Ibid., p. 57.

12. Matthews P. H. Op. cit., p. 192.

13. См.: Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I. Л., 1958, с. 98 (*пожарная тревога, книжная торговля*).

14. Жирмунский В. М. Указ соч.

15. Иванова И. П. О характеристике сложного слова типа gainbow в английском языке. — В кн.: Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. Вып. I, Л., 1967, с. 6.

16. Там же, с. 7.

17. См. его работы: Некоторые вопросы словосложения. Канд. дисс. М., 1955; О границах между словосложением и аффиксацией. — ВЯ, 1956, № 4; Несколько замечаний к дискуссии. — Филологические науки, 1959, № 2; О взаимодействии словосложения и аффиксации. — ВЯ, 1961, № 5.

18. Блумфилд Л. Указ. соч., с. 245.

19. См., в частности, книгу Л. Блумфилда «Язык», особенно гл. XIV «Типы сочетаний морфем», а также предисловие к переводу этой книги на русский язык М. М. Гухман (М., 1968).

20. Marchand H. The Categories and Types of Present-day English Word-formation. München, 1969, p. 13—14.

21. См.: Хмелик Л. Я. Комбинирующая форма в системе средств английского словообразования. Канд. дисс. Киев, 1973.

22. Lehnert M. Reverse Dictionary of Present-day English. Leipzig, 1971.

23. См.: Ретунская М. С. Английское окказиональное словообразование (на материале имен существительных и прилагательных). Канд. дисс. Горький, 1974.

24. Myers L. M., Hoffman, Richard L. The Roots of Modern English. Boston, 1979, p. 231.

II

1. Блумфилд Л. Язык, с. 254.

2. Warren B. Semantic Patterns of Noun-noun Compounds, p. 57, 63.

3. О термине и понятии «семантическая надбавка» см., например: Ревзина О. Г. Структура словообразовательных полей в славянских языках. М., 1969.

4. Денисенко Ю. А. К проблеме функциональных (переводческих) соответствий в английском языке некоторым типам русских конструкций с отглагольным именем существительным. Канд. дисс. 1964, с. 140.

5. Ахманова О. С. и др. К вопросу о правильности речи. — ВЯ, 1960, № 2.

6. См.: Земская Е. А. О семантике и синтаксических свойствах отсубстантивных прилагательных в современном русском языке. — В кн.: Историко-филологические исследования. Сб. статей к 75-летию академика Н. И. Конрада. М., 1967.

7. См.: Мешков О. Д. Двучленные термины N + N в английской научной литературе и структура их русских эквивалентов. — В кн.: Преподавание иностранных языков. Теория и практика. М., 1971.

8. Земская Е. А., Кубрякова Е. С. Проблемы словообразования на современном этапе, с. 114.

9. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка, с. 176.

10. См. по этому поводу: Гутерман Н. Г. Сложные существительные в современном английском языке. Канд. дисс. Л., 1955.

11. Реформатский А. А. Термин как член лексической системы языка, с. 108.

12. Виноградов В. В. Русский язык, с. 13.

13. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики, с. 15.

14. Виноградов В. В. Указ. соч., с. 16—17.

15. Бенвенист Э. Общая лингвистика, с. 249.

16. Там же, с. 243.

17. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений..., с. 98.

18. Там же, с. 64.

19. Мешков О. Д. Словообразование современного английского языка, с. 198.

20. Кубрякова Е. С. Указ. соч., с. 62.

21. Кубрякова Е. С. Семантика производного слова. — В кн.: Аспекты семантических исследований. М., 1980, с. 144.

22. Jespersen O. A Modern English Grammar on Historical Principles. Part VI. Ldp, 1954, p. 137.

23. Warren B. Op. cit., p. 3.

24. Сепир Э. Язык, с. 49.

25. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений..., с. 66—67.

26. Там же, с. 63.

27. Панфилов В. З. Сложные существительные в нивхском языке и их отличие от словосочетаний (к проблеме слова). — ВЯ, 1958, № 1, с. 110.

28. Adams V. Introduction..., p. I.

29. Кубрякова Е. С. Указ. соч., с. 64.

30. Степанова М. Д. Методы синхронного анализа лексики. М., 1968, с. 189.

31. Ахманова О. С. Синтаксис как диалектическое единство коллигации и коллокации, с. 189.

32. Языковая номинация (общие вопросы), с. 12.

33. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976, с. 80.

34. Там же.

35. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958, с. 38.

36. Шмелев Д. Н. Очерки о семасиологии русского языка. М., 1964, с. 61.

37. Кубрякова Е. С. Семантика производного слова, с. 116.
38. Почепцов Г. Г. Синтагматика английского слова. Киев, 1976, с. 13.
39. Hatcher A. G. An Introduction to the Analysis of English Noun Compounds. — "Word", 1960, v. 16, N 3, p. 367.
40. Marchand H. The Categories..., 1960, p. 22.
41. См.: Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М., 1974, с. 106, 107.
42. Аксененко Б. Н. Предлоги английского языка. М., 1966, с. 108—109.
43. См. об этом: Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики, с. 220—225.
44. Колшанский Г. В. Контекстная семантика, с. 40.
45. См.: Степанова М. Д. Словообразование и семантические системы. — В кн.: Структурно-типологическое описание современных германских языков. М., 1966.
46. Warren B. Op. cit., p. 67—68.
47. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений..., с. 62—63.
48. См. там же, с. 66—67.
49. Пупченко Б. В., Коржевина Н. П. К вопросу о словообразовательном значении сложных слов в английском языке. — В кн.: Лексикология и стилистика английского языка. Пятигорск, 1976, с. 77, 82.
50. См.: Мешков О. Д. Сложные слова типа «существительное + причастие II» в современном английском языке и некоторые закономерности их образования. Канд. дисс. М., 1969 (Глава I. К вопросу об отношениях между компонентами сложного слова).
51. Brugman K. Grundrisse der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Bd. II, 82.
52. Bergsten, Nils. A Study of Compound Substantives in English. Uppsala, 1911.
53. Jespersen O. A Modern English Grammar, Part VI. Copenhagen, 1942, p. 143.
54. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. М., 1959, с. 155.
55. Цит. по: Ибрагимходжаев И. Сложение как способ образования новых и окказиональных слов в современном английском языке. Канд. дисс. М., 1979, с. 87—88.
56. См., например: Carr S. T. Nominal Compounds in Germanic. Oxford University Press, 1939.
57. Marchand H. The Categories and Types... Wiesbaden, 1960, p. 22.
58. Шамлиди Е. Ю. Внутренняя валентность и экстралингвистические факторы (на материале зоосемии). — В кн.: Лексикология и стилистика английского языка. Пятигорск, 1976, с. 88.
59. Гуревич В. В. О семантике сложных слов и словосочетаний. — В кн.: Морфемная и словообразовательная структура слова. Калинин, 1979.
60. См.: Ахеро А. А. Сложные прилагательные в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. Рига, 1958, с. 11. См. также:

Азарх А. А. Сложные прилагательные в современном английском языке. Канд. дисс. М., 1953, с. 59.

61. Габриэльян О. А. О специфике сложносuffixального образования в системе современного английского языка. — ИЯШ, 1981, № 5, с. 15.

62. Berlitz C. The Bermuda Triangle. N. Y., 1978.

63. Гутерман Н. Г. Сложные существительные в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1955.

64. Там же, с. 11.

65. Gleitman L., Gleitman H. Phrase and Paraphrase. N. Y., 1970, p. 72.

66. Barnhart C. L., Steinmetz S., Barnhart R. K. A Dictionary of New English 1963—1972. Ldn, 1973.

67. Gleitman L., Gleitman H. Op. cit., p. 90.

68. Bauer L. The Grammar of Nominal Compounding, p. 62.

69. Gleitman L., Gleitman H. Op. cit., p. 72.

70. Ibid., p. 95.

71. Lees R. Op. cit., p. 143.

72. Ibid.

73. Шубин Э. П. К вопросу о сложном слове и словосочетании в английском языке. — Уч. зап. Пятигорского пед. ин-та, 1955, т. 10, с. 451.

III

1. Азарх Н. А. Сложные прилагательные в современном английском языке, с. 13.

2. Травничек Фр. Грамматика чешского литературного языка. М., 1950, с. 273.

3. Brugman K. Grundrisse der vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen. Bd. II, 82.

4. Jespersen O. A Modern English Grammar, part VI. Copenhagen, 1942, p. 161.

5. Томсон А. И. Общее языкознание. Одесса, 1910, с. 319.

6. Амосова Н. Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. М., 1956, с. 77—78.

7. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка, с. 155.

8. Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. М., 1953, с. 66.

9. Гутерман Н. Г. Сложные существительные в современном английском языке, с. 118.

10. Кубрякова Е. С. Что такое словообразование, с. 61.

11. См., например: Carr C. T. Nominal Compounds in Germanic

12. Грамматика русского языка. М., 1952, том I, с. 273.

13. Троицкий Н. Н. Основные принципы словообразования. — Уч. зап. I ЛГПИИЯ, том I. Л., 1940, с. 292.

14. Шеляховская Л. А. Структурно-морфологические типы сложных слов в современном русском языке. — Уч. зап. ГПИИЯ Алма-Ата, 1957, том II, вып. 2, с. 10.

15. Фидоровская А. С. Замечания по вопросу об отношении частей внутри сложного слова. — Уч. зап. Казанского ун-та, 1956, т. 116, кн. 5, с. 344.

16. Степанова М. Д. Методы синхронного анализа лексики, с. 190.

17. Яцимирский Б. М. Развитие способов словосложения в русском языке советской эпохи. — Уч. зап. Ивановского пед. ин-та, том VI, Филол. науки, 1954, с. 21.

V

1. Ермолаева Л. С. Неогумбольдтианское направление в современном буржуазном языкознании. — В кн.: Проблемы общего и частного языкознания. М., 1960, с. 58.

2. См.: Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка, с. 333—334.

3. Breal, Michel. Essai de semantique. Paris, 1908, с. 169—170; см. также: Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, т. V., вып. 4, 1946.

4. Кондратов А. М. Звуки и знаки. М., 1978, с. 31.

5. Bauer L. The Grammar of Nominal Compounding, p. 218—223.

6. Ванников Ю. В. Общая структура науки о переводе и теория научно-технического перевода. — В кн.: Теория языковой коммуникации и перевода научной и технической литературы. Челябинск, 1974, с. 50.

7. Василевская Е. А. Словосложение в русском языке. М., 1962.

8. Sapir E. Language. N. Y., 1949, p. 67.

9. Там же.

10. Балли Ш. Указ. соч., с. 333.

11. См.: Пашковский А. А. Слово в японском языке, с. 5.

12. Там же, с. 8.

13. Там же, с. 13.

14. Там же, с. 145.

15. Там же, с. 5.

16. Там же, с. 11.

17. Там же, с. 8.

18. Там же, с. 9—10.

VI

1. См. об этом: Мешков О. Д. Словообразование современного английского языка, с. 6—7.

2. Царев П. В. Потенциальная лексика в современном английском языке. — ИЯШ, 1978, № 1, с. 20.

3. См.: Степанова М. Д. К вопросу о синтаксической природе словосложения (на материале современного немецкого языка). — Уч. зап. МГПИИЯ, 1959, т. XIX; ее же. Словосложение в современном немецком языке. Докт. дисс. Л., 1960.

4. См.: Павлов В. М. К дискуссии о словосложении в немецком языке.

5. О сущности этого понятия см.: Павлов В. М. Субстантивное словосложение в немецком языке. Автореф. докт. дисс. Л., 1973

6. См. определение переносного значения этого слова в словаре Вебстера: "made or fitted esp. to a particular use or purpose" (Webster's Third New International Dictionary. Chicago, 1966).

7. Павлов В. М. Указ. соч., с. 64.

* * *

Подробные библиографии по общему и английскому словосложению содержатся в следующих книгах:

1. Василевская Е. А. Словосложение в русском языке. М., 1962 с. 125—132.
2. Мешков О. Д. Словообразование современного английского языка. М., 1976, с. 241—243.
3. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972, с. 386—393.
4. Омельченко Л. Ф. Продуктивные типы сложных слов в современном английском языке. М., 1981, с. 129—141.
5. Adams V. An Introduction to Modern English Word-formation Ldn, 1973, p. 217—222.
6. Hansen, Barbara, et al. Englische Lexikologie. Leipzig, 1982, p. 233—238.
7. Marchand H. The Categories and Types of Present-day English Word-formation. München, 1969, p. 457—492.
8. Seymour R. K. Bibliography of Word-formation in the Germanic Languages. Durham N. C., 1968.
9. Stein G. English Word-formation over Two Centuries. Tübingen 1973.
10. Warren, Beatrice. Semantic Patterns of Noun-Noun Compounds Göteborg, 1978, p. 264—266.

Олег Давидович Мешков
СЛОВОСЛОЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ
ЯЗЫКЕ

Заведующий редакцией *В. А. Челышева*
Редактор *М. А. Романова*
Младший редактор *О. Г. Мирнова*
Художник *Э. А. Марков*
Художественный редактор *Н. Е. Ильенко*
Технический редактор *Л. А. Муравьева*
Старший корректор *Л. Р. Мартыненко*

ИБ № 5083

Изд. № Ф-151. Сдано в набор 19.02.85. Подписано в печать 19.11.85.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага кн.-журн. № 2. Гарнитура литературная.
Печать высокая. 9,87 усл. печ. л. 10,08 усл. кр.-отт. Уч.-изд. л. 10,73.
Тираж 12 000 экз. Заказ № 1203. Цена 35 к.

Издательство «Высшая школа», 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., 29/14.

Ордена Трудового Красного Знамени
Московская типография № 7 «Искра революции» «Союзполиграфпрома»
Государственного комитета СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. Москва, 121019, пер. Аксакова, 13.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение	4
Часть I	
I. О некоторых чертах системно-структурного подхода в познании и их проявлении в лингвистике	12
II. Синтактико-ориентированное словосложение (Критический обзор)	25
Часть II	
I. Идентификация сложного слова	65
II. Лексико-семантические аспекты словосложения	87
III. Об отношениях между компонентами сложного слова . . .	143
IV. Связь словосложения с аффиксацией	148
V. Национальная специфика английского словосложения	153
VI. Речевой характер английского словосложения	163
Заключение	172
Список использованной литературы	176